

Д.В. Громов, А.А. Бычков

Славянская руническая письменность

Факты и домыслы

СОФИЯ

Дмитрий Громов
Алексей Бычков

Славянская руническая письменность

⋮

факты и домыслы

«София
»
Москва

УДК 811.16 (091) ББК
81.2-03 Г 87

Громов Д.В., Бычков А.А.

Г 87 Славянская руническая письменность: факты и домыслы / Д.В. Громов, А.А. Бычков. — М., София, **2005**. — 384 с: ил.

ISBN 5-9550-0407-6

Книга Д.В. Громова и А.А. Бычкова посвящена проблеме возможного существования у славянских народов системы письменности, родственной западноевропейским рунам.

УДК 811.16 (091)
ББК 81.2-03
Г 87

ISBN 5-9550-0407-6

© Громов Д.В., Бычков А.А., 2005 ©
Платов А., предисловие, 2005 ©
Издательство «София», 2005
© ООО «Издательский дом
«София», 2005

Содержание

Предисловие от редакции	8
Введение.....	11

Часть 1

Материальный и духовный контекст возможного существования славянских рун (некоторые аспекты)

Глава 1.1. Западноевропейская руническая письменность	15
Глава 1.2. Сакральная каменная скульптура у славян	48
Глава 1.3. Существовала ли у славян письменность до принятия христианства?	64

Часть 2

Славянские рунические памятники

Глава 2.1. Западнославянский рунический строй («вендские руны»)	-101
Глава 2.2. Территория современной Германии	115
Прильвицкие коллекции А. Маша и Я. Потоцкого.....	115
Камни из Ной-Штрелица.....	143
Глава 2.3. Польша	157
Брактеат из Вапно	157
Фигурка из Ледниц	157

Краковская медаль	160
Фиппжа Жлдоковича	164
Микоржинские камни	165
Глава 2.4. Чехия и Словакия	193
Камни из Скальска	193
Драгельчицкая урна	196
Бодинский камень ~	198
Велестурская надпись	199
Словацкие наскальные надписи	200
Глава 2.5. Россия, Украина, Белоруссия	201
Камень из Пневищ	202
Алекановские надписи	206
Надписи из Масковичей	210
Другие надписи, выполненные с помощью руноподобных знаков	212
Глава 2.6. Болгария	219

Часть 3

Некоторые замечания с точки зрения этнографии

Глава 3.1. Употребление рисуночного письма	
Ут)усских	225
Глава 3.2. Личные знаки — «знамена»	245
Глава 3.3. Локальные цифровые системы	264
Выводы	275
Заключение	278
Conclusion	282

Приложения

Приложение 1. Первая часть прильвицкой коллекции (по книге Андреаса Маша).....	287
Приложение 2. Предметы из второй части прильвицкой коллекции (по книге Яна Потоцкого)	356
Приложение 3. Н. Грицианский. О памятниках идеографического письма крестьянок Скопинского уезда Рязанской губернии	„ 363

Предисловие от редакции

Согласно устоявшемуся мнению, руническая письменность была в ходу исключительно у германских племен. Предположения о принадлежности этой системы письменности также и славянам высказывались неоднократно. Однако данные предположения до сих пор не подтверждены неопровержимыми доказательствами — вопрос о рунической письменности у славян так и остается открытым.

К сожалению, во многих случаях дискуссия о гипотетических славянских рунах переходит в плоскость субъективных домыслов и суждений.

Часто при рассмотрении теми или иными авторами славянских рун, при репрезентации славянских рунических памятников происходит подмена мотивов. Там, где речь должна бы идти исключительно об объективном анализе материалов, рассуждения сводятся к понятиям престижности этих материалов для культур славянских народов. Обладание рунической письменностью воспринимается некоторыми авторами как факт, повышающий культурный статус славянства; признание наличия у славян самобытных письменных систем позволяет противостоять популярным в науке концепциям о детерминирующем влиянии на славянскую культуру со стороны других государств и народов. Действительно, диффузионистские идеи о заимствованиях часто нуждаются в пересмотре, однако при этом эмоциональная увлеченность и излишняя пафосность «защитников славян-

ства» ведут к вполне определенному результату — тема оказывается скомпрометирована, за ней закрепляется слава дилетантской.

Противоположная точка зрения предполагает полное отрицание существования гипотетических славянских рун. Эта точка зрения, хотя и значительно более авторитетна, но также субъективна. В книге Д.В. Громова и А.А. Бычкова приведены выдержки из критической литературы по данной теме — при знакомстве со всей совокупностью доводов, выдвигаемых критиками, становится ясно, что эти доводы не позволяют считать тему славянских рун исчерпанной. У «противников» славянских рун также наблюдается подмена мотивов — первоочередной ценностью для них становится не объективная картина, а те или иные научные концепции. Слепое следование научным догмам приводит порой к негативным последствиям, в частности к замалчиванию и сознательному удалению из сферы научного внимания определенных фактов.

На настоящий момент книга Д.В. Громова и А.А. Бычкова является наиболее полным сводом информации о славянской рунической письменности. Несомненной заслугой авторов является то, что они представили тему с разных сторон — читатель может ознакомиться как с точкой зрения «защитников» славянских рун, так и с точкой зрения их «противников». Приведен обширный фактический материал, в частности — выдержки из книг А. Маша, Я. Потоцкого и Я.Лечеевского, о которых многие русскоязычные «защитники» и «противники» славянских рун, судя по их текстам, до сих пор знали только понаслышке. Можно с уверенностью сказать, что благодаря книге Д.В. Громова и А.А. Бычкова тема славянской рунической письменности становится открытой для конструктивного обсуждения.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на пути дальнейшего исследования проблемы существования славянских рун. На страницах книги авторы неоднократно говорят о необходимости дополнительной работы, призванной произвести объективную и беспристрастную материальную экспертизу ряда славянских рунических памятников. Этот путь позволит конкретизировать проблему, отделить факты от домыслов. Будем надеяться, что выходящая в свет книга будет иметь широкий общественный резонанс и трудоемкая работа по поиску и исследованию славянских рунических памятников будет проведена в ближайшее время.

А.В. Платов

Введение

В исследовательской литературе неоднократно ставился вопрос о том, была ли у славянских народов в дохристианские времена в ходу руническая письменность, аналогичная западнославянской рунике. Разрабатывая данную гипотезу, некоторые из авторов предполагали, что рунический строй мог быть заимствован и модифицирован славянами в Средние века у западных соседей — германцев или скандинавов. Более радикально настроенные исследователи даже высказывали мнение, что славянская руника является оригинальной письменной системой, возникшей из того же корня, что и западноевропейские руны, и развивавшейся параллельно.

В XVIII—XX веках было обнаружено некоторое количество славянских рунических памятников, которые, собственно, и стали исходным материалом для реконструкции рунической письменности. К большому сожалению, при анализе этих памятников выявляется ряд проблем.

Во-первых, многие из находок, содержащих «славянские руны», рассматриваются некоторыми исследователями как фальшивые.

Во-вторых, многие из этих находок утеряны и невозможно произвести анализ их подлинности.

В-третьих, ряд надписей, которыми оперируют сторонники существования славянской руники, практически непригодны для чтения — они слишком коротки, разрознены, содержат неизвестные знаки.

Тем не менее при всей скудости и уязвимости исходной информации на настоящий момент накопилось достаточно большое количество данных для изучения. Однако, несмотря на большой общественный интерес, до сих пор так и не появилось исследование, в котором достаточно полно излагался бы фактический материал, касающийся гипотетических славянских рун.

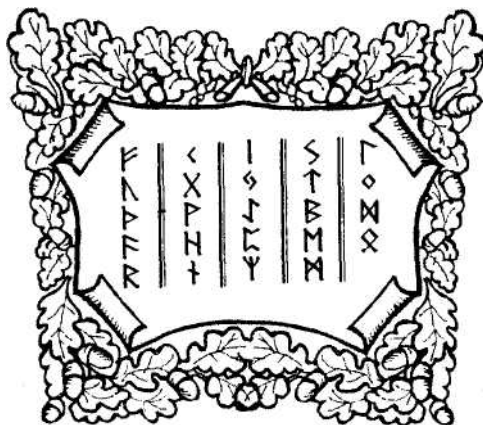
Мы рассмотрим реальное положение дел в данной научной проблеме: опишем славянские рунические памятники, изложим основные версии перевода известных рунических надписей, определим степень вероятности существования славянских рун и наметим возможный путь их дальнейшего изучения.

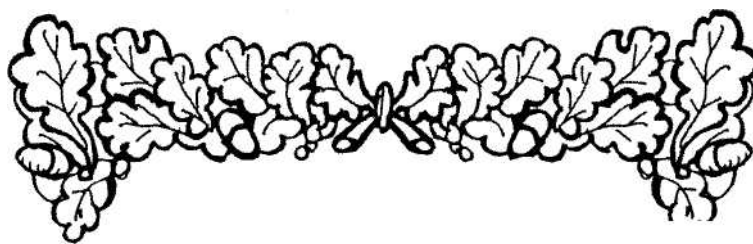
В отличие от некоторых исследователей, работавших по данной теме в последние годы, мы не будем разрабатывать какую-либо собственную систему, позволяющую прочесть все славянские «нечитаемые» надписи, ограничимся только анализом уже имеющихся данных.

Рассмотрение данной темы предполагает привлечение дополнительной информации, относящейся к некоторым «смежным» темам. Поэтому в первой части книги нами будут изложены фактические материалы, касающиеся западноевропейской руники, славянской сакральной скульптуры и проблемы возникновения письменности у славян.

Часть 1

Материальный и духовный
контекст возможного
существования славянских
рун
(некоторые аспекты)

Глава 1.1. Западноевропейская руническая письменность

Под рунической письменностью¹ понимают алфавиты, бывшие в употреблении у некоторых европейских народов с I—III веков н.э. и до позднего Средневековья. Рунические знаки имеют характерный стиль начертания.

Хотя рунам было посвящено много исследований, но тем не менее все, что касается данной темы, до сих пор окружено загадками. Много неясностей связано с историей возникновения и развития рун; практически все важнейшие вопросы — время и место их зарождения, прототип, первоначальные функции — являются дискуссионными. Нет однозначного мнения о функциях рун, сферах их применения. Также нет окончательного мнения о фонетическом значении некоторых рунических знаков.

¹ См.: Мельникова Е.Л. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М., 1965. Кузьменко Ю.Е. Появление письменности в средневековой Европе // История лингвистических учений. Средневековая Европа / Под ред. А.В. Десницкой, С.Д. Кацнельсона. Л., 1985. С. 18—24. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. Эпос Северной Европы. Пути эволюции / Под ред. Н.С. Чемоданова. М., 1989. Смирницкая О.А. Руническое письмо // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Надо сказать, что многие положения о рунической письменности, сформулированные за всю историю научных исследований, в последние десятилетия в значительной мере пересматриваются.

Слово *руна* как обозначение специфических знаков пришло из древнеисландского языка, где писалось как *run*.

Первоначально в науке господствовало мнение, что *run* имеет значение 'скрытое, секретное знание; тайна; шепот'. К ряду созвучных слов, имеющих сходное значение, относились готское *gnna* — 'тайна', древненемецкое *gnpēn* (совр. *raunen*) — 'шептать', древнекельтское *run* — 'шепот', сред-неваллийское *rhin* — 'шепот, шептать', ирландское *run* — 'тайна', шотландско-гэльское *run* — 'жребий'. Семантика слова, как считается, указывает на специфический характер и функции германского письма в начальный период его существования, и в первую очередь его эзотеризм, т.е. доступность лишь посвященным и «скрытость», «тайность» для всех остальных.

Новую версию толкования предложил Р. Моррис — он предположил связь слова *run* с индоевропейским корнем, имеющим значение 'резать, царапать, делать насечки' (ср. нем. *ritzen* — 'царапать, насекать'). Собственно, данное мнение высказывается не впервые: еще в начале XX века аналогичные идеи (не утвердившиеся в те времена в науке) высказывал Д. Жункович². Нам кажется правомерной точка зрения, объединяющая обе изложенные выше версии; как писал А.В. Платов, «вероятно, термин 'руна' происходит, все же от... основы со значением 'резать' (что выглядит естественным), в то время как появление европейских слов того же корня, но уже носящих значение 'тайна', 'говорить в тиши-

² См.: Zunkovic D. Die slavische Vorzeit. Maribor, 1918.

не, — вторично и связано с магическим применением древних *резаных* знаков»³.

Надо полагать, руны получили свое название благодаря особенностям их нанесения на поверхность материального носителя. В отличие от знаков, которые *писались* или *рисовались* на пергаменте, коже, ткани и других материалах подобного типа, руны *вырезались*, *вырубались*, *процарапывались*, что, как правило, предполагало достаточную твердость материала. Соответственно, «руна» — это «то, что вырезают». В пользу такой этимологии говорит графический облик рун — они состоят из прямых линий, расположенных под углом друг к другу; линии знаков не предполагают плавных изгибов. Подобные графемы как раз и удобно наносить с помощью резания, вырубания, процарапывания в отличие от округлых буквенных знаков.

Древнейший (так называемый *старший*) рунический алфавит использовался до конца VIII века. Он состоял из 24 знаков, имевших фонетическое (не до конца ясное у нескольких знаков) и символическое значение (*Begriffswert*). Символические значения рун следовали из их названий — «имущество», «бык», «великан» и др. (см. таблицу на стр. 18—19)⁴.

Старшерунический алфавит называют *футарком*; это слово образовано по звучанию первых шести знаков буквенного ряда — *F, U, P, A, R, K*. Стоит отметить, что таким же способом названия буквенных строев образуются и у других народов; стоит вспомнить греческий *алфавит* (от первых букв строя — *альфа* и *вита*), русскую *азбуку* (от *аз*, *буки*). Уже к IV веку сложилась устойчивая последовательность знаков в футарке, причем эта последовательность в корне отли-

³ Платов А. Славянские руны. М., 2001. С. 29—30.

⁴ Воспр. по: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... С.

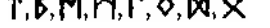
Знаки германского рунического письма

Транскрипция	Старший ряд	Младший ряд		Фонетическое значение	Название Приведены древнеисландские (для младшего ряда) и древнеисландские и германские названия рун
		Полноветвистые руны	Коротковетвистые руны		
f	ᚠ	ᚦ ᚷ	ᚠ	/f, v/	fē (<*fehu) скот, имущество
u	ᚢ ᚦ	ᚢ	ᚢ ᚦ	/ū, y, ö; ø; v/	úr (<*ūruz) бык, зубр
þ	ᚥ ᚷ	ᚥ ᚷ	ᚥ ᚷ	/θ, ð/	þurs (<*þurisaz) турс, великан
a	ᚦ	ᚦ	ᚦ ᚦ	/ǣ, ȝ, ø; ȝ/	áss, óss (<*ansuz) языческий бог, ас
r	ᚨ	ᚨ ᚨ	ᚨ ᚨ	/r/	reiþ (<*raidō) поездка, повозка
k	ᚫ ᚷ	ᚫ ᚷ	ᚫ ᚷ	/k, g/	kaun (<*kaunan ?) болезнь, нарыв, язва
g	ᚫ			/g/	*gebō дар
w	ᚥ ᚷ			/w/	*wunþō ? блаженство
h	ᚨ ᚨ ᚨ	ᚦ	ᚦ	/h/	hagall (<*haglaz) град
n	ᚠ	ᚠ	ᚠ	/n/	nauþ (<*naudiz) нужда

i	l	l	l	/ĩ; j; ě/	íss (<*īsaz) лед
j	ᛞᛞᛞ	†	††	/ā, æ, ō/	jāra (<*jēran) урожайный год
ī	ᛚ ᛚ			/i/	*īwaz тис
p	ᛞ			/p/	*perþo ? плодовое дерево
z(R)	ᚢᚦᚦ	ᚦ		/ř/	*algiz лось
s	ᚿᚿᚿ	ᚿ ᚿ		/s, z/	sól (<sōwilō) солнце
t	↑	↑	†	/t, d/	Týr (<*tīwaz) Тюр, один из асов
b	ᛃᛃ	ᛃ	ᚦ	/b, p/	björk (<*berkanan) береза
e	ᛞᛞ			/ě/	*ehwaz конь
m	ᛞ	ᚢ	†	/m/	maðr (*mannaz) мужчина, человек
l	ᚦ	ᚦ	ᚦ	/l/	*laukaz лук
ŋ	ᚠᚠᚠ			/ŋ/	*Ingwaz Ингви, бог плодородия
d	ᚦᚦ			/d/	*dagaz день
o	ᚦ			/ō/	*ōþalan (*ōþilan) одааль

чается от последовательности знаков в алфавитах, восходящих к финикийскому письму (латинский, греческий). Причины возникновения именно такой последовательности знаков в настоящее время неясны.

24-значный футарк разделялся на три группы — *агаты* (settir), — включающие по восемь знаков. Каждая группа именуется по названию ее начальной руны:

— атт Фрейра (Freys aett) — руны
 — атт града (Hagals aett) — руны
 — атт Тора (Tys aett) — руны

Разделение футарка на атты возникло не позже VI века.

К настоящему времени известно около 250 старшерунических надписей I—VIII веков⁵. Большинство из них сделано на металлических предметах: оружии (наконечниках копий, умбонах, накладках и рукоятях щитов) и украшениях. Начиная с V века все больше использовался камень. Однако, по-видимому, основным материалом, на который наносились рунические знаки, была древесина. К сожалению, вследствие плохой сохранности дерева находки деревянных предметов с надписями крайне редки.

Видимо, древнейшее упоминание рун содержится у римского историка Корнелия Тацита. В конце I века н.э. он описывал процедуру гадания у германцев: «Срубленную с плодового дерева ветку они нарезают плашками и, нанеся на них особые знаки, высыпают затем, как придется, на белоснежную ткань. После этого, если гадание производится в общественных целях, жрец племени, если частным образом — глава семьи, вознеся молитвы богам и устремив взор в небо,

⁵ См.: Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М., 1965.

трижды вынимает по одной плашке и толкует предрекаемое в соответствии с выскобленными на них заранее знаками»⁶.

Сообщение Тацита неоднократно подвергалось критическому рассмотрению со стороны ученых. Высказывалось предположение, что при гадании использовались не знаки письменности, а всего лишь некие символические начертания. Причина скепсиса ученых понятна: долгое время не удавалось обнаружить столь древних (относящихся к началу I века н.э.) археологических памятников с руническими надписями.

В последние десятилетия свидетельство Тацита получило подтверждение. Было сделано несколько находок, позволяющих отодвинуть дату зарождения рунической письменности по крайней мере к началу I века н.э.⁷ Разрабатывается даже гипотеза о том, что руны возникли во времена существования протогерманского языка (т.е. к I тысячелетию до н.э.)⁸. Однако эта гипотеза пока не подтверждена археологическими находками.

На настоящий момент дискуссионным является и вопрос о прототипе рунической письменности. Если отбросить ряд экзотических версий — о том, что руны возникли во времена Потопа (Ян Магнус, Олаф Магнус, Олаф Рудбек, XVI—XVII вв.)

⁶ *Корнелий Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения: в 2 т. / Изд. подгот. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергиенко. Т. 1. Л., 1969. С. 357.

⁷ *llkjorsrj., honstrup*]. Runefundene fra Illerup adal. En arloeologisk vurdering af vore aeldste indskrifter// Kuml. 1981. Kobenhavn, 1982. S. 49—65. *Duwel K., Gebiibr M.* Die Fibel von Meldorf und die Anfange der Runenschrift // Zeitschrift fur deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1981. Bd. 110. S. 159-175. Nytt om runner. Meldingsblad om rune-forskning//J.Knirk. Oslo, 1994. № 9. S. 16.

⁸ *Morris R.L.* Runic and Mediterranean Epigraphy. Odense, 1988. *Anton-sen E. H.* The Runes. The Earliest Germanic Writing System // The Origins of Writing/Ed, by W.M.Senner. Lincoln; London, 1989. P. 137-158.

или были принесены из Азии Магогом, сыном Иафета (Ян Перинскёльд; конец XVII в.), — то исследователи сходятся на том, что руническая письменность возникла на основе некоего южноевропейского алфавита и зародилась в широкой пограничной полосе взаимодействия Римской империи с германскими племенами. Античные цивилизации Средиземноморья осуществляли экспансию на «варварские» земли не только военным путем — высокий уровень экономического и культурного развития оказывал на соседей римлян и греков стимулирующее воздействие.

В качестве возможных прототипов древнейшего рунического строя указывается капитальное латинское письмо и греческий алфавит. Однако надо учитывать, что и греческий, и латинский шрифты восходят в конечном счете к финикийскому письму. Соответственно, их графика сходна, и поэтому вряд ли можно с уверенностью отдать предпочтение одному из них.

Более показательно совпадение не только графических форм, но одновременно с этим и фонетических значений рун с буквами других алфавитов. Наиболее последовательно совпадение графики и фонетических значений прослеживается для рун и латинского капитального письма. Они полностью совпадают для семи рун:

b — B, f — F, h — H, i — I, r — R, t — T, s — S.

Сходство с меньшей степенью вероятности обнаруживается еще для семи знаков:

a — A, k — K, l — L, d — D, m — M, o — O, u — U.

В конце 1920-х годов К. Марстрандер выдвинул предположение о связи рунической письменности с некой разновидностью долатинского североиталийского алфавита, переработанного одним из германских племен (возможно, мар-

команами). В. Краузе предположил, что руны возникли на основе этрусского алфавита; в отдельных случаях буквы были переработаны под влиянием формально сходных дорунических понятийных знаков.

Возникновение рунической письменности неоднократно связывали с готами, а их распространение — с перемещением готских племен от берегов Черного моря на север. Однако в свете новейших данных, позволяющих удревнить существование рун по крайней мере до I века н.э., «готская» теория оказывается несостоятельной.

Вызывает интерес гипотеза, указывающая на значительную роль в распространении рун племени герулов. Главным поводом для возникновения «герульской» теории служит совпадение их племенного названия со словом **erilaz* (ср. др.-исл. *jarl* и др.-англ. *eort*), обозначающим лиц, имеющих высокий социальный статус. Анализ старшерунических надписей позволяет говорить о том, что словом *erilaz* обозначались жрецы или люди, владевшие знанием письма и потому занимавшие в обществе высокое социальное положение. Сторонники «герульской» теории предполагают, что название социальной группы *эрилей* произошло от племенного названия *герулов* из-за того, что герулы владели сакральной письменностью.

Начиная с V века старший рунический алфавит, используемый различными германскими племенами, распространялся по Европе и видоизменялся. В результате этого возникло несколько модификаций футарка — англосаксонская, фризская и др. Видоизменения рунической системы происходили, во-первых, вследствие изменения языка (в частности, это относится к языкам, происходящим из общегерманского корня), во-вторых, для адаптации рун к языкам народов, принимающих руническую письменность.

Происходило и усовершенствование орфографии рунического письма. Так, уже в старшерунических надписях отдельные слова или группы слов иногда разделялись, хотя в целом было характерно слитное написание. Постепенно употребление разделительных знаков между словами становилось все более и более последовательным; к XI—XII векам эта практика стала правилом. Для разделения слов использовались крестики, точки и т.п. В некоторых надписях наблюдалось одновременное употребление и слитного, и раздельного написания слов. Иногда разделительные знаки разбивали слово на несколько частей. Если слово оканчивалось на ту же руну, с которой начиналось следующее слово, допускалось писать слова слитно, не повторяя концевой и начальный знак.

Существовало две модификации младшерунического ряда (см. табл. на с. 18—19) — так называемые *полноветвистые* и *коротковетвистые* руны. Эти модификации долгое время рассматривались исследователями как две локальные системы рунической письменности. За ними даже закрепились наименования «датских» (или «обычных») и «шведско-норвежских» рун. Однако территориальная привязка здесь неправомерна — полноветвистые «датские» руны широко использовались и за пределами Дании, в том числе — на Скандинавском полуострове. Правильнее предполагать, что в основе разделения рун на полно- и коротковетвистые лежит не территориальный, а функциональный принцип: полноветвистые руны использовались для монументального, «парадного» письма, а коротковетвистые — являлись своего рода скорописью и находили применение в первую очередь в бытовой практике.

И старшие футарки (насчитывающие по 24 знака), и тем более младшие (16 знаков) не могли в полной мере отобра-

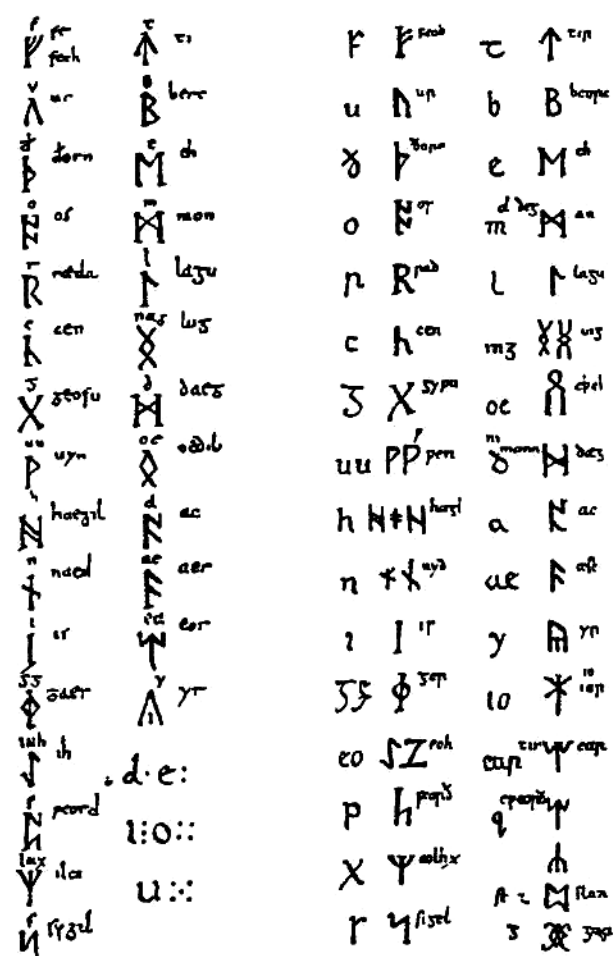

Рис. 1. Трансформация рунического строя: ранние (слева) и поздние (справа) англосаксонские руны

зить фонетическим состав германских и скандинавских языков. Для этого приходилось одним и тем же знаком обозначать до четырех фонем. Потребность в расширении знакового ряда привела к появлению так называемых пунктированных рун: над руной ставился диакритический значок — точка. В надписях XII века пунктированные руны образуют полный алфавит, в него добавляются несколько знаков, основанных на соответствующих по звучанию латинских буквах.

В Средние века параллельно существовали письменности, основанные на рунах и на латинице. Преимущество латиницы состояло прежде всего в том, что она использовалась в издававшихся в те времена христианских священных книгах. В средневековой Европе Библия читалась на латыни, латынь была языком церковной службы. Кроме того, на латыни было принято писать и научные труды. Соответственно, использование латиницы (как шрифта) было во многом обусловлено характером самих письменных текстов того времени.

Иногда сосуществование двух систем письменности приводило к их взаимодействию. Так, только в Швеции обнаружено около девяноста надписей, передающих с помощью рунических знаков латинские слова и фразы.

Постепенно алфавиты, основанные на латинской графике, вытеснили рунику.

Руническое письмо существовало вплоть до XV века, а в некоторых шведских областях оно дожило и до XVIII века, правда уже как редкость. Когда изучением рун начала заниматься наука, руническая письменность еще существовала как живая традиция.

Многие рунические надписи, дошедшие до наших дней, сообщают о принадлежности того или иного предмета кон-

кретному владельцу. Поэтому надписи состоят из имени владельца или человека, сделавшего предмет или надпись на нем. Так, например, на брошках были обнаружены следующие надписи:

«Брошка эта Малбрифа, священника в Ларе»;
«Хариса собственность»;
«Конрад сделал меня, Дах владеет мною»;
«Уф сделал <для> Идды эту брошку»;
«Инки <дарит> Искасе».

Примеры надписей на гребнях:

«Иит сделал меня <для> Унбои»;
«Гребень этот сделал Форфастр»;
«<Хозяйка —> Харинга».

На рукояти меча:

«Аумунд сделал меня, Аслак владеет мной».

Надпись на колоколе:

«Этот колокол приказал отлить Алиер, священник в Сигдале и Форте, владелец Ауика, а отлил его Тойе, сын Торра».

Надпись на одной сохранившейся булаве сообщала, что предмет принадлежит не какому-то конкретному человеку, а должностному лицу:

«<Принадлежность> начальника войска».

Если случалось, что предмет менял хозяина, то очередные владельцы приказывали нанести на него также и свои имена

Интересны надписи, предположительно содержащие имя собственное самого предмета. Так, на одном из древнейших

рунических памятников — наконечнике копья, найденном под Ковелем, содержится надпись:

tilarids,

истолковываемая некоторыми исследователями как имя наконечника — 'скачущий в цель, нападающий'.

Ряд надписей, начиная со старшерунических, содержат магические слова или формулы. Часто встречаются следующие «магические» сочетания рун:

clu — существует ряд гипотез о происхождении этого слова. Его сравнивают с общегерманским **alup* — 'пиво', либо с **aluh-* (ср. с готск. *albs* — 'храм'), либо с готск. *alan* — 'расти', либо с др.-англ. *alan* — 'вскармливать' и др.-исл. *ala* — 'вскармливать, расти'.

laukar — слово уверенно связывается с «луком»; в качестве доказательства такой этимологии приводятся широко распространенные ритуальные манипуляции с луком.

ag — от выражения *aija gebu* — «даю удачу».

Iapu — 'приглашение, призыв' (ср. готск. *lapon*, др.-англ. *ladian*, др.-в.-н. *ladon* — 'приглашать').

Традиция наносить на предметы надписи магического характера привела к тому, что начали появляться изложенные рунами молитвенные и заклинательные христианские надписи. Так, например, известна фраза на гребне:

«Боже! Посмотри на нас. Боже всеильный, охрани семью <нашу>!»

Подавляющее большинство латиноязычных текстов, выполненных руническим письмом, представляют собой молитвы «Pater noster» и «Ave Maria». Иногда тексты этих молитв ограничиваются первыми двумя словами, которые, видимо, воспринимаются как магические формулы.

Отдельную группу рунических памятников составляют брактеаты, медали и монеты. Брактеаты — медалеподобные круглые подвески, в основном золотые, на лицевой стороне которых нанесены изображение и руническая надпись.

Надписи на брактеатах сообщают либо имя заказчика и пожелание для него, либо имя изготовителя. Видимо, брактеаты, подобно византийским и восточнославянским змеевикам, имели функции амулетов. Поэтому надписи на брактеатах часто содержат пожелание «на удачу» или «на счастье».

На рунических медалях и монетах обычно упоминается имя князя, короля, вообще господина. Известны медали, изготовленные в честь какого-либо события.

Особого внимания заслуживает такое самобытное явление, как рунические надписи на надгробных камнях.

Впервые рунические надписи на памятниках в честь умерших появились в первой половине VII века в датском культурном ареале. К X веку обычай установки мемориальных камней был уже повсеместным.

К концу X века число мемориальных рунических камней резко возросло, и XI век стал временем расцвета данной традиции.

Среди мемориальных камней выделяются рунические стелы (*runsteinar*) и стелы без памятных надписей (*bautasteinag*). Надо отметить, что в большинстве случаев рунические камни (по крайней мере до XII века) не связаны с захоронениями, они устанавливались именно как памятники в честь тех или иных людей — и совсем необязательно на могилах. Стелы без памятных надписей первоначально воздвигались на могильных курганах и, насколько можно судить по сведениям, относящимся к XIII веку, сопровождали обряд сожжения. В XI веке стелы без надписей воздвигали отдельно от

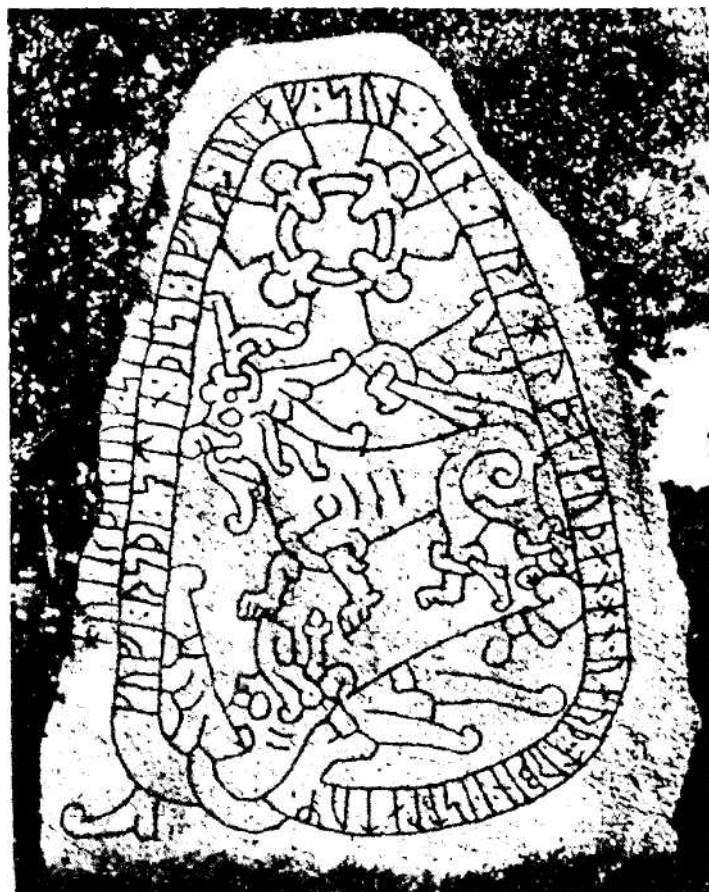

*Рис. 2 а. Рунический камень. 2,1х1,6 м. XI в.
Перевод надписи: «Гуви установил этот камень по
О лагу, своему сыну, очень отважному воину.
Он был убит в Эстландах ... высек камень»*

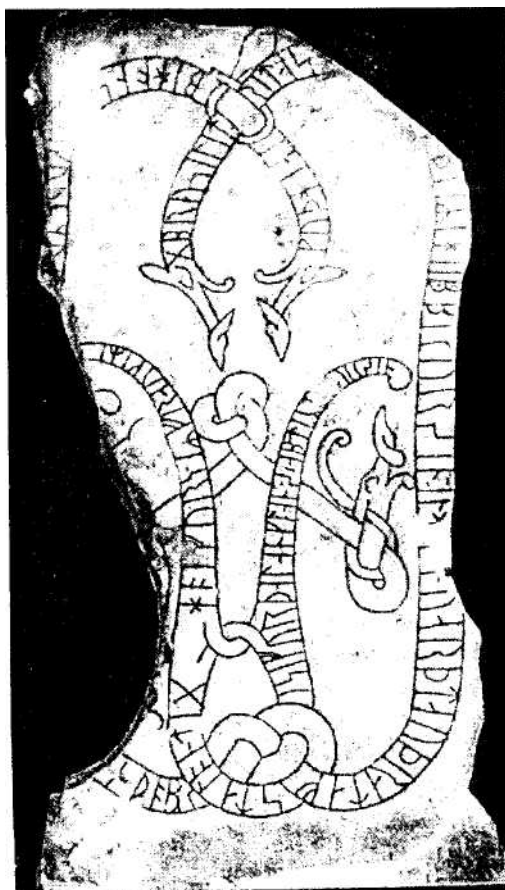

Рис. 26. Рунический камень. 2,25x1,15 м. XI в. Перевод надписи: «Бруси велел установить [этот] камень по Эгилю, своему брату. А он умер в Тавастланде, когда Бруси вел ледунг (?) после своего брата. Он ездил с Фрейгейром. Бог и Божья Матерь да помогут его душе. Свейн и Асмунд, они высекли знаки»

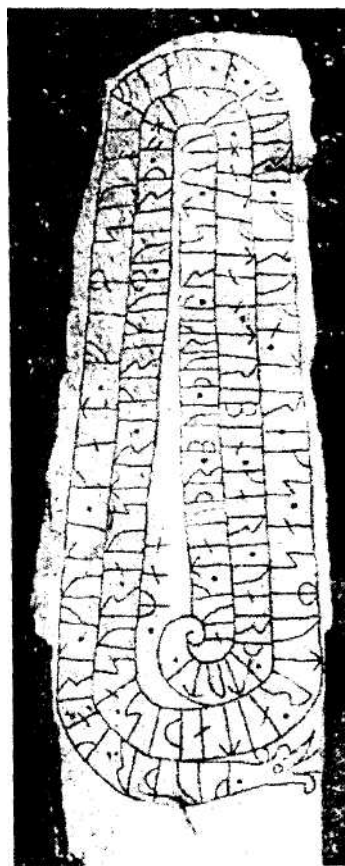

Рис. 2 в. Рунический камень. 3,45х0,63 м. XI в. Перевод надписи: «Арбрый бонд Тулли имел пять сыновей. Пал у Фюри Асмунд, бесстрашный муж. Умер Ассур на востоке, в Греции. Был на Хольме Халъвдан убит. Кари был у Аунди (?)• и умер Буи. Торкель высек руны». На другой стороне камня более ранняя надпись, посвященная Ассуру, одному из перечисленных братьев»

*Рис. 2 г. Рунический камень.
1,88x0,85 м. XI в. Перевод
надписи: «Кетильфаст
установил этот камень по
Асгауту, своему отцу. Он
был
на западе и востоке. Бог да
поможет его душе»*

*Рис. 2 д. Рунический камень. 1,38x1,5 м. XI в.
Перевод надписи: «Гейрфаст, Эстфари установили
этот
камень по Фрейстейну, своему отцу, и по Вагну, своему
брату. Братья сделали руны»*

погребений, иногда вместе с такой стелой устанавливался и рунический камень. Вместо одного из камней мог устанавливаться и деревянный столб (*sta.fr*). Отдельную группу составляют стелы в виде креста.

Надписи на рунических камнях (так же, как и рунические надписи на предметах) достаточно стандартны — часто они сводятся к упоминанию человека, которому посвящен памятник, заказчика и изготовителя. В X веке была выработана следующая посвятительная формула: «NN велел установить (воздвигнуть и т.п.) этот камень (памятник и пр.) в память о NN, своем отце (сыне, брате и т.д.)...»

Иногда этот типовой текст сопровождался нестандартными добавлениями. Например, резчик мог высечь некоторые похвалы погибшему или указать место и обстоятельство его гибели. Очень часто встречается формула *dren.gr/pegn (harda) godr* — «(очень) хороший воин» (варианты: «добрый воин», «отважный муж», «лучший муж» и др.). Кроме того, надпись могла содержать обращение к Богу или Богородице с просьбой позаботиться о душе человека, в память о котором поставлен памятник.

В подавляющем большинстве случаев заказчиками памятников были близкие родственники умершего: родители (отец, реже мать), сыновья, братья и очень редко — дочери. В нескольких случаях памятник заказывала жена для погибшего мужа. Памятники в честь женщин достаточно редки; встречаются камни, поставленные детьми в честь матерей и мужьями в честь жен.

Известны мемориальные камни, поставленные дружинниками, слугами, товарищами погибшего. Так, единственный рунический камень на территории Восточной Европы был установлен товарищем некоего скандинава, погибшего во время путешествия в Византию. Стоит отметить, что отно-

шения боевого товарищества или делового партнерства — особенно во время дальних экспедиций — по тем временам могли приравняться к родственным. Вообще, в честь людей, погибших вдали от родины, установлено не менее 10% камней.

Существуют рунические камни, которые были заказаны человеком в память о себе самом. По-видимому, так поступали воины и торговцы, уходящие в далекие и опасные походы, особенно в случаях, если на родине некому было позаботиться об увековечении их памяти.

В случае если памятный камень устанавливался наследником погибшего, это было не только долгом памяти, но и актом, призванным закрепить юридические права владения.

Конечно, рунические памятники устанавливались в честь высокопоставленных, зажиточных людей, представителей социальных верхов. Однако при этом редко встречаются термины, обозначающие высшие социальные статусы: ни разу не употребляются титулы конунгов и хёвдингов, всего несколько раз отмечается высокое положение человека в войске (вождь, предводитель, владелец корабля, рулевой, кормчий, капитан).

Встречаются целые мемориалы, состоящие из нескольких (до шестнадцати штук) рунических камней, посвященных членам одной семьи. Иногда имена недавно погибших родственников наносились на уже существующий камень. Так, на рисунке 2 в изображен камень, установленный в память пяти братьев, погибших в разных концах Европы: на одной стороне — упоминание о братьях, погибших в Византии, Шотландии, в самой Швеции, на Руси. На обратной же стороне — более раннее по времени поминание самого первого из погибших: «Торгейр установил этот камень по Ассуру, брату своей матери, который умер на востоке, в Греции».

Уже на ранних рунических камнях встречаются тексты, которые могут быть расценены как поэтические. Они характеризуются наличием некой метрической формы, размера (так называемый эддический размер), аллитераций, поэтических метафор.

В качестве примера можно привести следующую надпись (перевод известен только отчасти):

*Камень не был [освещен] солнцем,
И нож не коснулся его;
[Злые] волшебники не должны обнажить [камень],
Ни обманутые,
Ни ослепленные колдовством.*

*Тот сотворил навье море
И смазал им уключины
Утомленной от просверливания лады,
Утомленной от просверливания ла*

*Кто пришел сюда, в страну коней...
Рыба... плывущая...
Птица... поющая...
Он погиб коварной смертью⁹.*

Некоторые надписи, имея сугубо формальный характер, все же могут быть рассмотрены как поэтические. Например, рунический текст на так называемом камне Водурида включает стандартные составляющие — имена умершего, указание на наследников, подпись резчика; однако текст оформлен как скальдическое стихотворение.

*Вив резал этот камень для
Водурида. Три дочери поделили
наследство,*

⁹ Цит. по: Платов А. Магические искусства Древней Европы. М., 2002. С. 201-202.

*Как самая близкая его родня
Среди оставшихся в живых. А я,
Вив, резал руны Для моего лорда
— Водурида¹⁰.*

В данном посвящении фигура резчика выступает на первый план, оставив в тени трех дочерей-наследниц покойного, имена которых даже не упоминаются. И такое самовозвеличивание мастера по-своему правомерно — в XI веке резчики были востребованными специалистами; судя по надписям, один мастер за свою жизнь мог изготовить до семидесяти мемориальных камней.

Изображения на рунических камнях подчинены определенной графической традиции. Надпись наносилась таким образом, чтобы использовать поверхность камня как можно полнее. Поэтому наиболее часто встречается круговое расположение надписи — спиралевидная цепочка рун окольцовывает поверхность камня по периметру (см. рис. 2 а, б, д). Частным случаем такого расположения рун является так называемый бустрофедон — при нем строка делает разворот на 180 градусов и продолжается, будучи перевернутой по отношению к предыдущей строке (элементы бустрофедона см. рис. 2 в).

Мемориальные камни помимо надписей содержат на себе также орнаменты и рисунки. Рисунки могут быть достаточно сложными, многоплановыми — известны, например, изображения, восходящие к сюжетам саг. В качестве примера камня с рисунком можно привести мемориал, в центре которого изображен лев (рис. 2 а). Надо полагать,

¹⁰ Цит. по: *Платов А.* Магические искусства... С. 207.

данное изображение навеяно европейской геральдикой того времени.

Наиболее частыми элементами рунических орнаментов являются крест и змей.

Крест, как правило, находится в центральной части орнамента. Он занимает пространство, оставшееся в круге, образованном текстовой строкой. Считается, что в данном случае крест является христианским символом, однако это может быть и не так. Крест — символ, встречающийся во всех культурах; его символика, как правило, сводится к символике света, огня, жизни. Показательно, что на рунических камнях крест может заменяться изображением солнца (сравн. рис 2 а и 2 г) или замысловатой «крестообразной» композицией (см. рис 2 д). Такая взаимозаменяемость говорит в пользу того, что резчики в данном случае не воспринимали крест как христианский символ.

Изображение змея на мемориальных камнях тесно связано с рунической строкой. Разнообразно изогнутая строка, состоящая из рун, фактически и является телом змея. Существует мнение, что «тело змея» является всего лишь полосой, предназначенной для размещения знаков, а голова и хвост, добавленные к этой полосе, представляют собой лишь элементы декоративного оформления и никакой смысловой нагрузки не несут. Однако возможно и другое толкование. Во многих мифологических системах мира существовали представления о том, что змей связан со смертью, является одним из олицетворений царства мертвых. Поэтому не исключено, что стилизованный змей на рунических камнях был не только деталью орнамента, но и являлся символом царства смерти, «того света», куда ушел умерший.

В пользу того, что змеи, изображаемый на рунических камнях, связан с символикой смерти и царством мертвых, говорят также другие изображения на камнях. Так, на знамени-

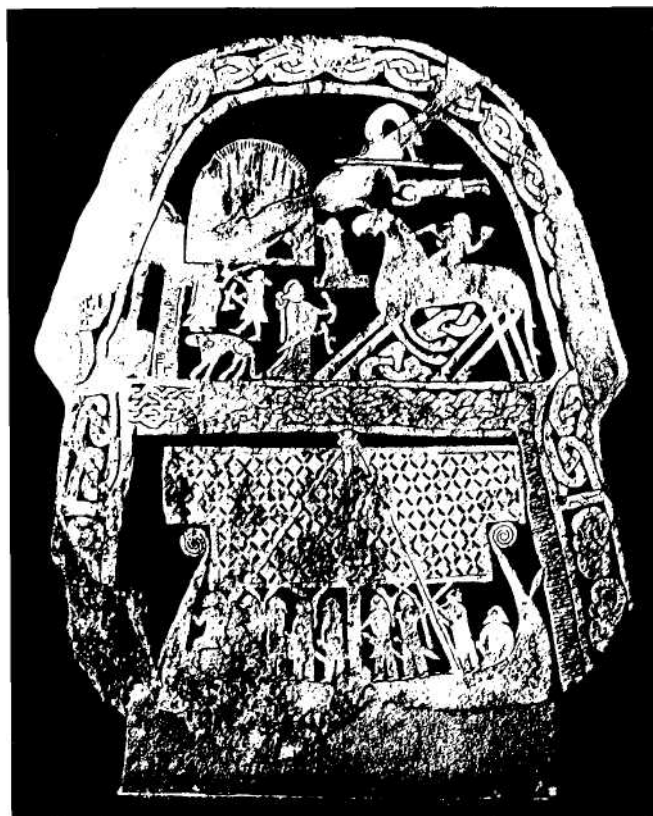

Рис. 3. Памятный камень с острова Готланд. VIII в.

том камне с острова Готланд (VIII в., рис. 3) изображена раз-вррнутая картина «того света» — среди фигур, высеченных на камне, можно с уверенностью идентифицировать бога Одина, одной из функций которого является главенство в Царстве мертвых — Вальхалле. Один на восьминогом коне Слейпнире въезжает в Вальхаллу, его встречает валькирия,

крылатая «дева боя». Четвероногие существа, изображенные здесь же, могут быть интерпретированы как встречающиеся во многих мифологических системах «псы смерти».

Изображение на мемориальных предметах символики смерти, описание дороги в царство мертвых — элементы, встречающиеся во многих культурах. Надо сказать, версия о том, что на рунических камнях встречаются символы царства мертвых, находит подтверждение в погребальных практиках многих народов. В различных культурах существуют обычаи создания визуального или вербального образа пути, по которому отправляется на «тот свет» душа умершего.

Долгое время считалось, что руническая письменность в Средние века была известна ограниченному числу лиц (интеллектуальной, а ранее жреческой элите) и использовалась для определенных целей — составления эпитафий и магических заклинаний, обозначения собственности. Бытовые надписи если и обнаруживались, то считались случайными исключениями.

Переворот в научных взглядах совершили раскопки, произведенные в 1955 году в гавани норвежского города Бергена. В слоях XIII—XIV веков было обнаружено около 1100 деревянных стержней и дощечек с различными надписями. Такое большое количество материала позволило говорить о всеобщей рунической грамотности, распространенности рун в самых разных слоях общества.

Среди бергенских находок наибольший интерес представляли письма. Они носили совершенно разный характер — деловые, дружеские, любовные:

«Торкель, монетный мастер, посылает тебе перец».

«Хавгриму, своему товарищу, посылает Торир Добрый привет Божий и свой, истинное товарищество и дружбу.
Мне

сильно недостает товарища Не радует меня ни эль, ни рыба Хочу я, чтобы ты знал [это] и не требовал. Ожидавшийся бонд приехал к нам на юг, чтобы посмотреть, как у нас дела А ты не требуй больше ничего и не давай знать Торстейну длинному. Пришли мне какие-нибудь перчатки. Если Сиг-рид нркдается в чем-либо, то предложи ей».

«Моя любимая, поцелуй меня» (на оборотной стороне данного письма был вырезан футарк — видимо, в магических целях).

Было обнаружено даже любовное стихотворение:

*Люби меня Я
люблю тебя
Гуннхильд Поцелуй
меня Я знаю тебя.*

Впоследствии археологические исследования на территории Скандинавии, Дании и Германии подтвердили, что руническая письменность широко использовалась в бытовых целях: были обнаружены рунические письма, молитвы, календарь и др. Анализ находок показал, что в бытовом письме выработались особые графические формы, облегчающие применение рун широкими массами.

Неоднократно указывалось на связь рунической письменности с поэзией. Многие рунические тексты имеют ритмику, близкую к стихотворной; существуют и другие доводы в пользу того, чтобы сблизить рунические надписи и поэтические строки¹¹. Исследователи неоднократно указывали на

¹¹ Макаев Э.Л. Рунический и готский // Типология германских литературных языков. М., 1976. С. 30-31.

большое количество аллитераций в рунических текстах (даже в текстах, имеющих сугубо утилитарный характер).

М.И. Стеблин-Каменский обратил внимание на типологическое родство рунического и скальдического искусства: «По-видимому, написание рун и сочинение скальдических стихов сходны как типы творчества. Из того, что скальды говорят в своих стихах о своем искусстве, очевидно, что они создавали его как владение определенной формой, как умение зашифровать содержание посредством определенной фразеологии и в то же время как способность оказать определенное действие — прославить, в случае хвалебной песни, или посрамить, уничтожить, в случае хулительных стихов»¹².

Рассматривая тему рун и рунической письменности, нельзя не коснуться вопроса о связи рун с магическими практиками.

Е.А. Мельникова, один из ведущих российских специалистов по рунологии, высказывается вполне определенно: ■ «Ныне вопрос о функциях рунического письма древнейшего периода, было ли оно культовым, магическим или коммуникативным средством, обсуждается широко... Категорически отвергается распространенное ранее и широко эксплуатируемое ныне в "эзотерической" литературе представление о магической сущности самих рун (знаков)»¹³. Е.А. Мельникова признает, что существует много рунических надписей, несущих магическую нагрузку, причем часть этих надписей не поддается переводу ввиду того, что руны в них несут не фонетические, а смысловые значения. Однако и в этом случае

¹² *Стеблин-Каменский М.И.* Древнескандинавская литература. М., 1979. С. 15.

¹³ *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи... С. 13.

она отказывает рунам в магической сущности, поскольку «и магическое заклинание может рассматриваться как своего рода сообщение». Согласно такому подходу, руны являются всего лишь знаками, несущими какую-либо информативную нагрузку, — с их помощью можно формулировать сообщения независимо от того, являются ли они сугубо бытовыми текстами или же магическими заклинаниями.

Последовательный материалистический подход Е.А. Мельниковой встречает контрдоводы даже среди советских ученых. В качестве примиряющей позиции можно привести мнение, высказанное в сборнике под редакцией Н.С. Чегоданова: «Подобно другим архаическим письменам, руны в германском обществе времен Великого переселения народов служили не средством коммуникации между людьми, а "вестью" от человека к богу».

Здесь следует сделать важное уточнение. Вопрос о сакрализации рунического письма имеет долгую предысторию в рунологии. Но при этом чаще всего подразумеваются вторичные функции рунических знаков (например, их применение в числовой магии) либо, напротив, их архаические символические значения, унаследованные рунами от "дору-нических" магических знаков (типа тех знаков, которые известны по скандинавским наскальным изображениям). Не оспаривая важности данных аспектов рунического мастерства, мы имеем в виду, однако, не числовую магию и не символические значения отдельных рун. Речь идет исключительно о применении рунического письма в его прямой функции — для записи текстов, но применении, не преследующем непосредственных целей коммуникации, т.е. "обращенном на себя"¹⁴.

¹⁴ Эпос Северной Европы. Пути эволюции... С. 41.

Прежде всего, о магической функции рун говорится в письменных источниках, посвященных скандинавской и германской мифологии.

Например, о богоданности рун говорится в «Старшей Эдде»:

*Вот что отвечу, когда
вопрошаешь о рунах
божественных, что
создали сильные, а
вырезал Веций: благо в
молчанье. <...>*

*Знаю, висел я в ветвях на
ветру девять долгих
ночей, пронзенный
копьем, посвященный
Одину, в жертву себе
же, на дереве том, чьи
корни сокрыты в недрах
неведомых.*

*Никто не питал, никто
не поил меня, взирал я на
землю, поднял я руны,
стена, их поднял — и с
древа рухнул. <...>*

*Руны найдешь и
постигнешь знаки,
сильнейшие знаки,
крепчайшие знаки,
Хрофт их окрасил, а
создали боги, и Один их
вырезал,*

*Один у асов, а Дайн у
альвов, Двалин у
карликов, у ётунов
Асвид, и сам я их
резал¹⁵.*

Далее по тексту песни перечисляются заклинания, составленные с помощью рун. Можно предположить, что магическая сила заклинаний содержится в словах, а не в знаках, которыми они могут быть записаны. Однако другой текст «Старшей Эдды» — «Речи Сигдривы» — говорит об ином. Валькирия Сигдрива, посвящая своего избранника Сигурда в тайны рунического искусства, упоминает не словесные формулы, записанные рунами, а именно отдельные руны, которые следовало наносить на оружие (для достижения победы), на рог для пива и собственные ногти (для предохранения от обмана), на ладонь повитухи (для помощи при родах), на различные части корабля (для помощи при шторме), на специально выбранные ветви дерева (для врачевания) и т.д.¹⁶

Текст «Старшей Эдды» подтверждается археологическими находками — так, на древнем и средневековом оружии действительно часто встречается упомянутая в песне руна «Тюр». Эта руна не является составляющей какой-либо буквенной фразы и встречается слишком часто для того, чтобы быть расцененной как знак собственности; по-видимому, ее употребление имеет магический характер.

Как магические часто рассматриваются и некоторые неперевоаемые надписи. Предполагается, что в подобных слу-

¹⁵ Старшая Эдда. Речи Высокого. 80, 138-139, 142-143. (Пер. А. Корсуна).

¹⁶ Старшая Эдда. Речи Сигдривы. 5—13. (Перевод А. Корсуна).

чаях руны могут соответствовать не отдельным звукам, а целым понятиям.

На магическую сущность рун указывает тот факт, что в качестве магического средства может использоваться сам футарк. Среди рунических надписей неоднократно встречаются записи футарка (иногда разбитого на атты); эти записи рассматриваются многими исследователями как своеобразные амулеты. М.И. Стеблин-Каменский истолковывает эту практику так: «Поскольку отдельные руны представлялись обладающими той или иной тайной силой, то естественно, что написание всех 24 рун подряд должно было представляться своего рода мобилизацией всех этих магических сил»¹⁷. Возможно и другое толкование — что алфавит воспринимался как некая богоданная целостность — совокупность всех проявлений мира. Согласно такому толкованию, полный последовательный перечень знаков алфавита был олицетворением некоего космогонического «начала», исходной точки развития, точки, которой свойственна изначальная целостность и божественность. В архаичных культурах обращение к такому «началу» было магическим действием, используемым помимо прочего в целях излечения и придания плодородных свойств¹⁸.

Совершив краткий экскурс в тему рунической письменности, сделаем **выводы** — еще раз отметим ряд положений, которые будут значимы при рассмотрении проблем, связанных с системами письменных знаков у славян.

1. В Средние века наблюдался процесс распространения рунической письменности. При этом народы, перенимавшие

¹⁷ Стеблин-Каменский М.И. Древнескандинавская литература. М., 1979. СИ.

¹⁸ См., напр.: *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994.

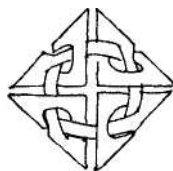
руны, модифицировали рунический строй для адаптации его к особенностям своего языка. Соответственно, при рассмотрении славянских рунических памятников допустимо предположить, что рунические строи были заимствованы славянами и модифицированы в сравнении с исходными строями.

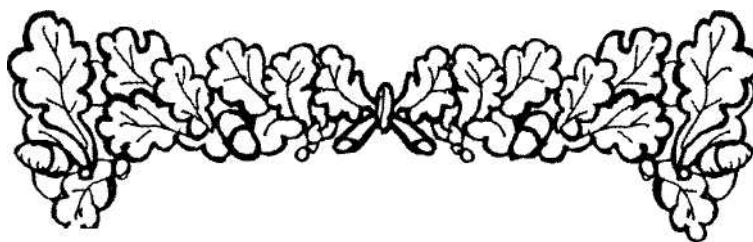
2. Большое количество рунических надписей преследует цель зафиксировать принадлежность предмета тому или иному хозяину. Соответственно, при рассмотрении надписей и отдельных знаков, обнаруживаемых на территории расселения славян, есть основания предполагать, что многие из них обозначают именно собственность.

3. Существует такое явление, как рунические мемориальные камни. Практика установки подобных камней могла распространяться и на славянские территории.

4. Рунические знаки не всегда обозначали звуки: иногда им присваивались значения слов, понятий. Подобные надписи часто расцениваются как заклиательные, магические. Не исключено, что подобные надписи могут встречаться и на славянских территориях, причем соотноситься со славянскими знаковыми системами.

5. Рунические знаки рассматривались как богоданные, священные (подобное отношение к знакам письменности свойственно и другим народам). Аналогичное явление может наблюдаться и у славян.

Глава 1.2. Сакральная каменная скульптура у славян

Когда в последующих главах мы будем рассматривать славянские рунические памятники, то встретим много изображений и надписей на камнях. Причем довольно часто такие памятники имеют сакральный характер: рисунки изображают некие божества славянской мифологии или священные символы, а надписи являются пояснениями к рисункам, со- ■ держат теонимы. К сожалению, почти все рунические памятники данной группы уязвимы для критики: почти все они объявлялись подделками.

Далее мы неоднократно будем рассуждать о дилемме аутентичности или поддельности тех или иных групп памятников; в данной же главе мы считаем нужным рассмотреть вопрос: существовала ли у славян-язычников сакральная каменная скульптура — идолы и надгробия? То есть могли ли в принципе существовать рассматриваемые нами памятники? Укладываются ли они в общий контекст славянской материальной культуры того времени?

Количество археологически зафиксированных славянских каменных идолов достаточно велико. И.П. Русанова и БА Тимощук указывают 47 славянских культовых скульптур¹ (в дан-

¹ Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М, 1993. С. 11-16, 148.

ной главе будут упомянуты только некоторые из них). БА Рыбаков производит на основе археологических данных краткую классификацию: «По содержанию их можно разделить на три категории — идолы, изображающие мужчину с рогом изобилия в руках, фаллические идолы и изображения без особых признаков»².

К первой группе относится рельеф на стеле X века с балтийского острова Рюген (рис. 4 а)³. Это изображение ассоциируется с богом Святовитом, описанным Саксоном Грамматиком. Другой идол с рогом в руке был обнаружен в Мазовии⁴. На поясе у него угадывается некое оружие. Наиболее известной славянской скульптурой данной группы является так называемый Збручский идол, обнаруженный в 1848 году на русско-австрийской границе (рис. 4б). Он также ассоциируется со Святовитом, поскольку, как и Свято-вит Саксона Грамматика, имеет четыре лица, обращенных на разные стороны света

В землях западных славян помимо перечисленных было найдено еще несколько крупных каменных идолов: в Гольц-герлингене (рис. 4 в)⁵, в реке Регнице близ Бамберга (рис. 4 г), в Янкове близ Могильна⁶ и др.

Практика изготовления каменных идолов существовала и у южных славян. Так, в Сербии (Неготин) была обнаружена каменная скульптура со съёмной «шапкой» (рис. 5)⁷.

О восточных славянах В.В. Седов пишет: «В разных местах восточнославянской территории найдены каменные идолы,

² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 232. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 233—235. Gardawski A., Gassowski J., Rajcowski Z. Archeologia i pradzieje. Swiat. 1965. № 17. Polski. Warszawa, 1957. S.49.
Schktt F. Kelten zwischen Alesia und Pergamon. Leipzig; Jena; Derlin, 1980. Нудерле А. Славянские древности. М., 2000. С. 322. Фото из архива АА. Бычкова.

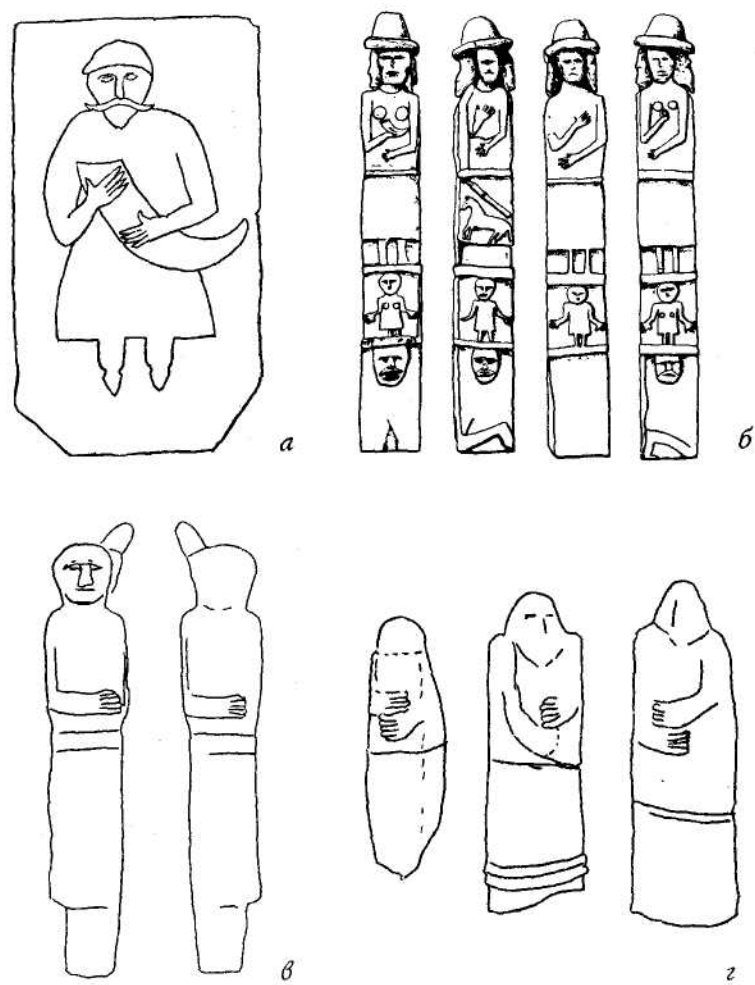

Рис. 4. Западнославянская каменная скульптура:
 а — о. Рюген, б — р. Збруч, в — г. Гольцгерлинген,
 г — г. Бамберг

свидетельствующие о том, что в среде славян-язычников широкое распространение получили изображения божеств, выполненные из камня»⁸. Причем, согласно археологическим данным, на территории расселения восточных славян традиция изготовления каменных идолов древнее, чем у славян западных и южных. Так, известны антропоморфные каменные столбы (ок. II—VI вв. н.э.), относящиеся к черняховской археологической культуре⁹. В тот же ряд могут быть поставлены два антропоморфных камня из Ганачеевки и Звенигорода, опубликованные И.П. Русановой и Б.А. Ти-мощуком (рис. 6 а)¹⁰.

Каменные идолы были обнаружены также в Белоруссии (г. Слоним)¹¹, Белозерье (около р. Шексны)¹², в Чер-

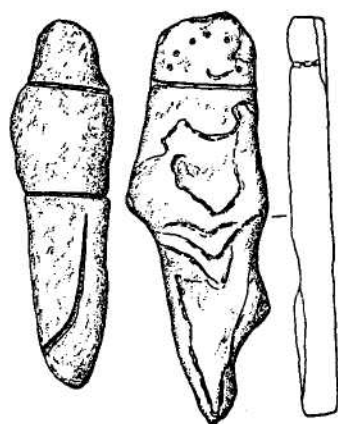
*Рис. 5.
Южнославянская
каменная
скульптура (г.
Неготин,
Сербия)*

⁸Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII веках. М., 1982. С. 264.

⁹См.: Аовженок В.И. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванков-цы в Поднестровье // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1952. Вып. 48. Надо отметить, что на настоящий момент в науке нет единого мнения об этническом составе черняховцев: в этой археологической культуре присутствовали иранцы, славяне и др.

¹⁰Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища... С. 152. Stabrowski J. Odnalezienie glowy staroslowianskiego bostwa w Sloni-mie // Ziemia Lidzka. Lida. 4 (1). 1939. S. 24-26.

¹¹Порфирыдов Н.Г. Заметки о двух археологических памятниках Новгородского музея // Материалы и исследования Новгородского музея. № 1. 1930. С. 31-33.

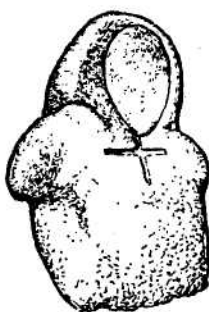
a

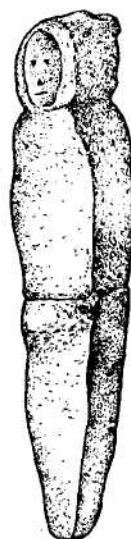
b

c

d

e

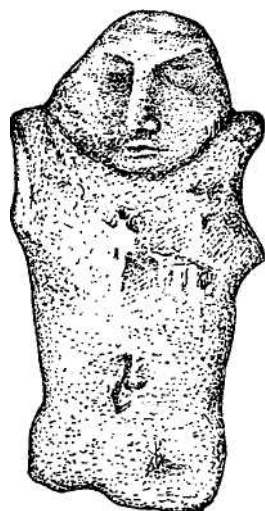
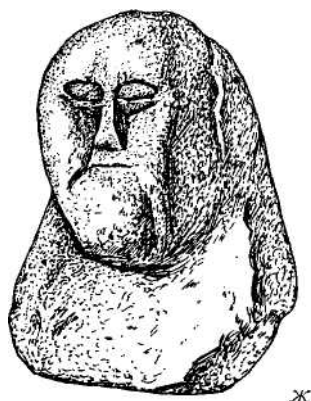
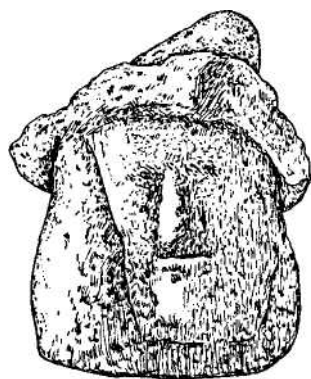

Рис. 6. Восточнославянская
каменная скульптура:
а — с. Шанковцы (Украина),
б — г. Слоним (Белоруссия),
в — Белозерье,
г — Белоруссия,
д — Черновицкая обл.,
е — г. Себеж (Псковская обл.),
ж — Московская обл.,
з — Псковская обл.

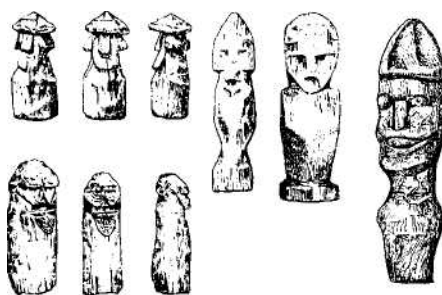

Рис. 7. Восточнославянские деревянные скульптуры, идентифицируемые как языческие идолы

новицкой (сЯровка)¹³, Московской (д. Акулинино и Долматово Подольского р-на)¹⁴, Псковской (близ г. Себеж¹⁵ и с. Вялье под Псковом¹⁶) областях и т.д.¹⁷ Б.А. Рыбаков говорил о распространенности каменных сакральных скульптур в Киевской Руси, основываясь на материалах раскопок капища Владимира в Киеве и на текстах летописей, повествующих о крещении Руси¹⁸. Каменные идолы были и в северном центре Руси — Великом Новгороде; в поздней Иоакимовской летописи сообщается, что Добрыня в 988 году «идолы сокруша: деревянни сожгоша, а каменнии, изломав, в реку ввергоша»¹⁹.

¹³ Тимошук Б.О. Слав'яни ГНвщчно1 Букопини V—IX ст. Кшв. 1976. С.91-92. Рис.45.

¹⁴ Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII веках. М, 1982. С. 265.

¹⁵ Гуревич Ф.Х. Каменные идолы Себежского музея // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1954. С. 176—179.

¹⁶ Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII веках... С. 265.

¹⁷ См.: Штыхов Г.В. Интересная находка // Искусство. 1964. № 4. С.66, 67. Никитина В.Б. Находки в Брестской области // Археологические открытия. М., 1971. С. 317, 318.

¹⁸ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 432.

¹⁹ Татищев В.Н. История Российская. М., 1963. С. 39.

Стоит отметить, что у славян встречаются и небольшие каменные изображения людей; эти изображения, возможно, также имеют сакральный характер. В качестве примера можно привести скульптурное изображение человеческого лица, найденное в 1873 году в старинном польском селе Варче близ Варты. Лик выбит на плоском округлом камне диаметром 10-11 см²⁰.

Надо учитывать, что «сохранившиеся до наших дней каменные идолы, по всей вероятности, составляли незначительный процент славянских идолов вообще, так называемая основная масса изображений богов была изготовлена из дерева»²¹. Археологами обнаружено несколько деревянных славянских скульптур, идентифицируемых как идолы (см. рис. 7)²². Не исключено, что многие из них были изображениями домовых — покровителей жилой территории.

Кроме деревянных сакральных изображений существовали и изображения металлические. Отметим здесь только одно, найденное в Великом Новгороде. Свинцовый предмет представляет собой

*Рис. 8.
Средневековое
бронзовое изделие
(изображение
идола?) из
Великого
Новгорода*

²⁰ *Leciejewskij*. Runy i runiczne pomniki slowianskie. Lwow, 1906. Со ссылкой на: *Wiadomosci archeol.* Warszaw. Т. II. S. 58.

²¹ *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси... С. 235.

²² См.: *Колчин Б.А.* Новгородские древности. Резное дерево // Свод археологических источников. Вып. Е1-55. 1971. С.41-44.

Рис. 9. Средневековые южнославянские надгробия

фигурку усатого мужчины, стоящего на вершине высокого столба (рис. 8)²³. Возможно, данный предмет является миниатюрным идолом, повторяющим очертания «натуральных» скульптур.

С темой каменных идолов тесно переплетается другая тема — каменные надгробия, изображающие неких сакральных персонажей. Н.Н. Белецкая, исследуя представления славян о смерти и посмертном существовании, рассматривает ряд каменных надгробий XIV—XV веков из Югославии и Сло-

²³ Арцихова И.А. Археологическое изучение Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 55.1956. С. 35—36.

*Рис. 10. Средневековые южнославянские надгробия
с изображениями десницы, поднятой к небу,
и человеческой фигуры*

вакии. Согласно толкованию Н.Н. Белецкой, изображения содержат информацию о «том свете», путешествии души в загробный мир: «Яркое изобразительное отображение мотив космического "иноного света" получил в рельефах средневековых архаических надгробий. <...>

Из космических мотивов наиболее отчетливо выражен мотив звезд и месяца. С ними чаще связывается посмертное существование.

Луна, месяц и звезды — распространенные космические знаки на средневековых южнославянских надгробиях. При сравнительном анализе их раскрывается красноречивая картина устремления духа умерших в космос, пути его к небосводу, вдоль Млечного Пути, к Луне и звездам, в «вечный мир». Космическая тема «вечного мира» особенно явственно выражена в памятниках Боснии, Герцеговины и окрестных местностей. Комплекс космических символов — небосвод, месяц (луна), солнце, звезды в различных сочетаниях — характернейший мотив изображений на надгробиях.

Особенно интересны в этом смысле надгробная плита с изображением космических символов (небосвод, солнце, луна) и возносящейся к небу фигурой человека с птицей в руке; а также надгробье с изображением звезд, месяца и как бы парящей к ним вдоль Млечного Пути фигуры, условно изображенной то ли в саване, то ли в парадной длинной одежде, скрывающей ноги и подчеркивающей ритуальный характер изображаемого.

Характерен для южнославянских надгробий и еще один космический символ — десница, устремленная к небу, часто гипертрофированная. Изображение ее имеет различные вариации, часто она фигурирует в сочетаниях с другими космическими знаками (в том числе луком и стрелой). Встречается более архаическая форма выражения космической идеи — стрела, обращенная к небу. <...>

Мотив связей посмертных судеб с солнцем явственно проявляется в обычае хоронить покойников до захода солнца. Согласно народной традиции, он связан с тем, что отходящее солнце могло бы довести его до обители умерших»²⁴.

Свою точку зрения Н.Н. Белецкая доказывает, сопоставляя надгробные изображения с посмертными плачами, эпическими песнями и другими фольклорными текстами.

Для нас интерес представляет центральная фигура надгробий — изображение некоего существа с

поднятой вверх рукой. Рука указывает на место посмертного пребывания души — солнце, звезды, планеты. Как правило, рука — правая, но это далеко не всегда. На некоторых изображениях человеческая фигура вообще отсутствует, остается только рука, поднятая к светилам. Резонно предположить, что фигура на надгробиях олицетворяет некий мифо-

²⁴ Белецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 20—24. Изобразительный материал, приводимый Н.Н. Велецкой — см. рис. 9—11.

логический персонаж, связанный с переходом от жизни к смерти. Он встречает души умерших и, возможно, указывает им посмертный путь.

В связи с этим стоит упомянуть еще один южнославянский надгробный памятник (рис. 11). Это величественная приземистая фигура, напоминающая своими очертаниями крест. Лицо у фигуры не просматривается, зато четко изображены руки, сложенные на груди. В одной из рук находится длинный витой предмет, скорее всего — посох. Н.И. Толстой отмечает наличие антропоморфных надгробий во многих славянских землях: «На всех полесских, да и на большинстве славянских кладбищ крест имеет привычную для современных представлений форму двух поперечно соединенных перекладин: вертикальной — большой и горизонтальной — меньшей. Однако в древности у славян были известны и другие формы надгробий, в том числе и тип креста, фактически имевшего очень мало общего с крестом и изображавшего человеческую фигуру. <...> Эти деревянные (реже — каменные) антропоморфные надгробия, во многих случаях именуемые также "крестом" (на восточнославянских Карпатах, на Коломыйщине: *крест* и его составные части — *голова, рамя, стопа, пень, корень* и т.д.) распространены в Болгарии, восточной Сербии, Карпатах, на Украине. В прошлом их ареал доходил до Полесья. Такие надгробия, по старинным славянским языческим представлениям, были местом обитания души покойника наряду с деревьями на могилах и вообще на кладбищах»²⁵.

²⁵ Толстой Н.И. Вызывание дождя в Полесье//Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М., 2003. С. 103. (Курсив Н.И. Толстого). Также см: Толстой Н.И. Об одной карпатско-южнославянской изопрагме//Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. М., 1973. С. 50-55.

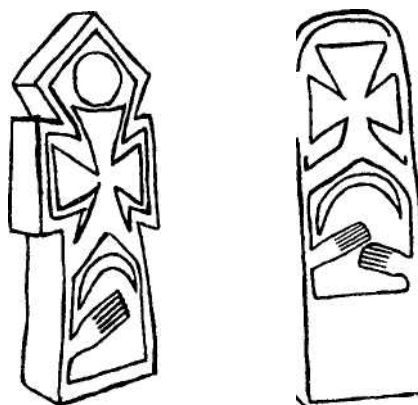

Рис. 12. Южнославянские надгробные кресты

Интересно проследить, как видоизменяются надгробные памятники с проникновением в погребальную обрядовость христианства. Так, на рисунке 12 изображены два южнославянских креста. Хотя кресты и имеют христианский характер, но в них сохранен языческий элемент — две руки, «сложенные на груди». Также на крестах присутствует и мотив десницы, протянутой к небу.

Если выстроить в один ряд фигуры западнославянских идолов (рис. 4), крестообразный южнославянский надгробный памятник (рис. 11) и южнославянские кресты (рис. 12), то будет заметно, как со временем происходила трансформация некоторых деталей. Сначала плечи антропоморфной фигуры расширились, что позволило придать ей вид креста; впоследствии антропоморфные черты все более стирались, и фигура свелась к христианскому кресту. Рудиментом антропоморфности оставались разве что характерные пятипалые Руки, неизменно присутствующие как на идолах, так и на христианских крестах.

*Рис. 13. Крестообразная скульптура (Вилейский р-н
Белоруссии)*

Рассматривая трансформацию идолов в кресты, стоит упомянуть крестообразное изваяние, обнаруженное на территории Белоруссии (рис 13). Изваяние представляет собой фигуру женщины, на уровне живота которой изображена фигурка ребенка; руки ребенка раскинуты также крестообразно²⁶.

Стоит заметить, что обычай трансформировать языческие скульптуры в христианские поклонные кресты существовал и у восточных славян. Так, высказывалось мнение, что многие поклонные кресты Псковской и Новгородской земель являются обтесанными антропоморфными языческими скульптурами.

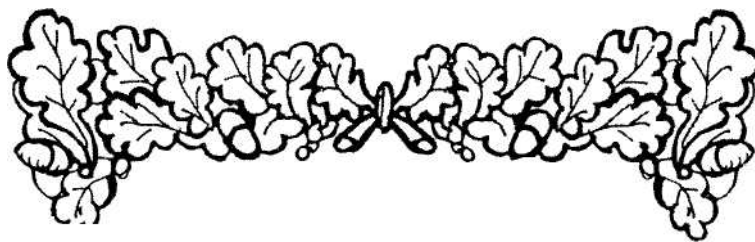
Существование подобной закономерности от фигур идолов к христианским крестам позволяет предположить, что некоторые найденные археологами каменные скульптуры (например, см. рис. 4 в, г) в действительности являются надгробными памятниками и изображают неких персонажей, связанных с «тем светом» и путем в царство мертвых.

Деля **выводы** для данной главы, отметим следующие положения.

1. Каменная сакральная скульптура была широко распространена у славян; таким образом, некоторые «спорные» рунические памятники (которые будут рассмотрены далее) оказываются вписанными в общий контекст материальной культуры.

2. Среди сакральных каменных скульптур существует довольно большое количество предметов, являющихся надгробиями или изображениями существ, встречающих душу умершего человека на пути в царство мертвых. Это положение позволит нам впоследствии интерпретировать некоторые славянские рунические памятники.

²⁶ 3 глыбы вякоу. Вып. 2. Мшск, 1997.

Глава 1.3.

Существовала ли у славян письменность до принятия христианства?

Согласно «официальной» версии, первыми славянскими системами письменности были кириллица и глаголица. Они были созданы в середине IX века Кириллом и его братом Мефодием («первоучителями славянскими»).

В 862 году братья-просветители были приглашены ко двору моравского князя Ростислава, который попросил их проповедовать среди моравов христианство на славянском языке. Потребность в изложении священных христианских текстов и подвигла Кирилла к созданию «славянской азбуки». Кирилл и Мефодий перевели на местный язык избранные чтения, Псалтирь, Служебник, Часослов, Общую mineю. Некоторые источники сообщают, что первыми словами, написанными на славянском языке, было изречение апостола Иоанна: «Вначаль бѣ (было) Слово, и Слово бѣ к Богу, и Богъ бѣ Слово».

Из Моравии письменность стала распространяться на другие славянские государства. Согласно мнению, утвердившемуся в литературе, азбука и книжность внедрялись в славянских землях с принятием христианства — письменность служила для ознакомления народов-неофитов со священными текстами христиан. Таким образом, уже к 870 году письменность вместе с христианством проникла в Хорвато-Далматинскую державу; также она начала распространяться и в Болгарии, где христианство было принято несколько ранее.

Приход письменности на Русь также связывается с принятием христианства. По крайней мере, первое летописное упоминание книг относится именно к 988 году, когда князь Владимир крестил жителей Киева: «И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых». Показателен комментарий, который тут же дает летописец: «Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: "В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных". Не слышали они раньше учения книжного, но по Божьему устроению и по милости своей помиловал их Бог»¹. Иначе говоря, по мнению летописца, введение письменности на Руси было следствием благодати, ниспосланной христианским Богом.

Однако есть основания скорректировать «официальную» версию. Существует некоторое количество данных о наличии письменности у различных славянских народов до принятия кириллицы и глаголицы; некоторые из этих данных позволяют предполагать использование неких аутентичных письменных систем.

Прежде всего стоит отметить, что существует определенное количество письменных источников, позволяющих судить о том, что славяне *пользовались письменностью еще до принятия христианства*.

¹ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева. СПб., 1999. (Серия «Литературные памятники»). С. 190.

Так, в летописях неоднократно упоминается о заключении славянами неких письменных договоров с византийцами. Факты заключения письменных договоров значимы для нашей темы, поскольку, как утверждает М.Л. Серяков, «известно, что Византия обычно заключала договоры на двух языках: греческом и на языке другой договаривающей страны»². А если так, то должны были существовать списки договоров, содержащие славянский текст, изложенный с помощью некой письменности.

В 907 году Олег во главе русского войска совершил успешный поход в Константинополь, а в 911 году заключил с ними мирный договор, подробно описанный русской летописью. В начале договора говорится: «Наша свѣтлость боль инѣх хо-тяги еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многожды, право судихомъ, не точью просто словесемъ, и *писанием* и клятвою твердою, клен-шеся оружием своим, такую любовь утвердити и известити по вѣре и по закону нашему» («Наша светлость, превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, существующую постоянно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, утвердить такую дружбу и удостоверить ее по вере и по закону нашему»)³.

Показательно, что, согласно приведенной цитате, инициатива заключения письменного договора исходила от русской стороны.

Далее по тексту договора дважды подчеркивается, что он составлен в письменной форме:

² Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность. СПб., 1997. С. 19.

³ Повесть временных лет... С. 18, 154.

1. «Потщимся, елико по силѣ, на сохранение прочих и всегда лѣтъ с вами, греки, исповеданием и *написанием* со клятвою извещаемуя любовь непревратну и непостыжну». («По стараемся, насколько в силах наших, сохранить с вами, греки, в будущие годы и навсегда объявленную устно и письменно, заверенную клятвой, "непревратную и непостыжную" любовь»)⁴.

2. «На утверждение же и неподвижение быти меже вами, хрестьяны, и Русью, бывший мир сотворихом *Ивановым написанием на двою харатью*, царя вашего и своею рукою. <..> Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от Бога суща, яко Божие здание, по закону и по покону языка нашего, не преступити нам, ни иному от страны нашея от уставленных *главъ* мира и любви. И таковое *написание* дахом царства нашего на утверждение обоему пребывати таковому совещанию, на утверждение и на извещение межи вами бывающаго мира». («В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы *Ивановым написанием* на двух хартиях — царя вашего и своей рукой. <..> Мы же клялись царю вашему, поставленному от Бога, как божественное создание, по закону и по обычаю ("покону") нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав договора о мире и любви. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира»)⁵.

Стоит обратить внимание, что в договоре дважды употребляется слово «глава» в смысле раздела, единицы текста.

⁴ Повесть временных лет... С. 18,154.

⁵ Повесть временных лет... С. 19—20.

Это слово, несомненно, славянского происхождения, и его употребление указывает на то, что в славянских языках на тот момент уже существовали термины, связанные с развернутыми письменными текстами.

В договоре 911 года содержится еще одно интересное свидетельство об использовании славянами письменности. Одна из глав договора гласит:

«И о работающих во Грекох Руси у хрестьяньскаго царя. Аще кто умреть, не урядивъ своего имѣния, ци своих не имать, да възратитъ имѣние к малым ближикам в Русь. Аще ли сотворитъ обряжение таковъ, возметъ уряженое его, кому будетъ *писал* наследити имение его». («И о русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет, не распорядившись своим имуществом, а своих (в Греции) у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то возьмет завещанное ему тот, кому он написал наследовать имущество »)⁶.

Как следует из цитаты, письменные завещания были действительны не только в Византии — они воспринимались как юридические документы и живущими на Руси наследниками.

В 945 году был заключен второй договор с Византией. Инициатором этого соглашения выступали константинопольские правители: «<Царь> Роман же созва боляре и сановники. Приведоша руския слы, и велѣша глаголати и пса-ти обоихъ рѣчи на хараткѣ». («Роман же созвал бояр и сановников. И привели русских послов, и велели им записывать речи тех и других на хартию»)⁷.

⁶ Повесть временных лет... С. 19, 156.

⁷ Повесть временных лет... С. 23, 159.

Второй договор также был составлен в двух экземплярах. Один экземпляр оставался в Константинополе, на нем стоял христианский крест и имена представителей с византийской стороны. На втором экземпляре были начертаны имена русских послов и купцов — он был отправлен в Киев князю Игорю. Игорь ознакомился с договором и перед лицом богов совершил торжественный обряд, призванный утвердить истинность договора⁸.

В договоре 945 года предусматривались льготы для русских купцов, однако греки настаивали на определенной регламентации торговли, что предполагало наличие у русских сопроводительных документов: «Ношаху ели печати злати, а гостѣе сребрени; ныне же увѣдѣль естъ князь вашъ посылати грамоты ко царству нашему; иже гюсылаеми бывають от нихъ поели и гостѣе, да приносять грамоту, пишюче ещѣ: яко по-слахъ корабль селико, и от тѣхъ да укѣмы и мы, оже съ ми-ромъ приходятъ. Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, донде же възвѣстимъ князю вашему» («Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные; ныне же повелел князь ваш посылать грамоты к нам, царям; те послы и гости, которые будут посылаться ими, пусть приносят грамоту, так написав ее: послал столько-то кораблей, чтобы из этих грамот мы узнали, что пришли они с миром. Если же придут без грамоты и окажутся в руках наших, то мы будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю вашему»)⁹.

Интересный вывод делает ТА Иванова, изучавшая договоры Олега и Игоря с Византией. Она пишет: «Есть все основания полагать, что они были написаны уже совершенно ус-

⁸ Повесть временных лет... С. 26

⁹ Повесть временных лет... С. 24, 160.

троенной славянской азбукой. Так, в именах русских послов, которые, несомненно, находились в подлиннике договоров и не могли появиться в результате позднейшей правки, широко представлены дополнявшие греческий алфавит славянские буквы: Ъ, Ь, Ѣ, Ъ, Ц, Ц, Ч. Ср: ульбъ, Каницаръ, Шихъ-бернь, Купи, Свѣнь, Борич и др.»¹⁰.

К интересным выводам приходит Л.В. Черепнин, рассматривая все те же договоры Олега и Игоря с византийцами. Он обратил внимание на некий упоминающийся в обоих договорах «закон русский» (договор 911 года) или «устав и закон русский» (договор 944 года). Л.В. Черепнин сопоставил этот «закон» с записью в Новгородской первой летописи, где сообщалось о том, что князь Ярослав новгородцам «дав... Правду... и устав списав». Было сделано заключение, что под «законом» подразумевается «правда» (т.е. право, комплекс юридических норм), а под «уставом» — их запись, письменный текст. Л.В. Черепнин предположил, что «устав русский» был, скорее всего, написан между 882 и 911 годом. Таким образом, был сделан вывод о существовании на Руси в первой половине X века письменного сборника законов¹¹.

Также известен договор 971 года, заключенный между князем Святославом и византийцами. Договор также был зафиксирован письменно: «Се же имѣйте во истину, яко же сотворихомъ нынѣ къ вамъ, и написахомъ на харатьи сей и своими печатями запечатахомъ». («Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне, и написали в хартии этой, и скрепили своими печатями»)¹². Правда, необходимо отме-

¹⁰ Иванова Т.А. Об азбуке на стене Софийского собора в Киеве // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 120.

¹¹ Серяков М.П. Русская дохристианская письменность... С.

¹² Повесть временных лет... С. 35, 171.

титель, что данный договор вышел из византийской канцелярии: в летописи ясно сказано, что во время переговоров с послами Святослава византийский царь «повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать»¹³.

Задолго до принятия христианства на Руси возникла традиция летописания.

«Первые кратчайшие летописные записи в Киеве появились сразу же вслед за изобретением славянских письмен Кириллом и Мефодием и связаны с княжением Осколда. Они дошли до нас через посредство царского летописного свода XVI века. Эти записи, хотя они и сделаны, возможно, церковником, характерны отсутствием явного христианского элемента и резкой антиваряжской тенденцией»¹⁴.

Б.А. Рыбаков указывает на то, что «начальную пору русского летописания не следует связывать только с христианством. В летописном творчестве, опирающемся на устные предания и эпические сказания, есть вполне определенная языческая струя, ярким примером которой можно считать известный рассказ о смерти князя Олега»¹.

Существует еще ряд фактов, позволяющих с большей или меньшей уверенностью предполагать наличие у славян письменности до ее «официального» введения, описанного в летописи.

Так, стоит упомянуть сообщение арабского миссионера Ахмеда Ибн-Фадлана, посетившего в 921—922 годах земли

¹³ Повесть временных лет... С. 35, 171.

¹⁴ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 358.

¹⁵ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 358.

волжских булгар. В его книге содержатся описания быта и нравов некоторых встреченных им народов, в том числе «русов», торговцев, прибывающих в Булгарию откуда-то извне. Помимо прочего описываются похороны знатного руса, по окончании которых над погребением возводится курган и устанавливается памятник с надписью: «Потом они построили <..> нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревьяшку хаданга (белого тополя), написали на ней имя (этого) мужа и имя царя русов и удалились»¹⁶.

Впрочем, надо отметить, что доподлинно неизвестно, являются ли описанные здесь «русы» славянами. Не исключено, что это скандинавы, которые действительно занимались торговлей во всей Европе. Не исключено также, что Ибн-Фадлан описал под именем русов некую многонациональную группу, составленную по профессиональному принципу.

Византийский писатель Евтихий (ум. в 939 году) сообщал, что русы имеют свою письменность, о которой, впрочем, он не был осведомлен¹⁷.

Некоторые заслуживающие внимания факты, указывающие на существование дохристианской письменности, содержатся в источниках, составленных после X века

Так, анонимный автор арабского сочинения «Моджмал ат-таварих» пишет: «Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, *написал письмо* Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел место себе»¹⁸. Если учесть, что Ха-

¹⁶ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 145.

¹⁷ См.: Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность... С. 23.

¹⁸ Древнерусское государство и его международное значение / Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. и др. М., 1965. С. 401.

зарский каганат был покорен князем Святославом в 965 году, то данный отрывок описывает использование «Русом» письменности в весьма древние времена. Минусом данного свидетельства является его явно легендарный характер и достаточно поздняя дата фиксации — 1126 год.

Косвенно в пользу существования письменности у славян свидетельствует и византийская «Пасхальная хроника» (середина VII века), перечисляющая пользующихся собственным письмом народы: «Кто действительно пользуется собственными буквами, следующие: каппадокийцы... сарматы... скифы»¹⁹. В более поздних текстах византийские авторы называли скифами или тавроскифами именно ру-сов²⁰. При этом необходимо отметить, что о существовании оригинальной письменности у собственно скифов ничего не известно.

В качестве косвенного свидетельства можно указать на некие знаки, содержащиеся на уже упоминавшемся древнеславянском идоле, найденном близ села Иванковцы в Под-нестрове (ок. II—VII вв. н.э.). На момент обследования идолов в 1950-е годы они были значительно разрушены. В статье, посвященной находке, говорится: «На плоскостях столба внизу и посередине имеются выпуклости и впадины явно искусственного происхождения — вероятно, следы каких-то прежних изображений, разрушенных временем и действиями атмосферных явлений. По рассказам старожилов, на плоскостях столба были заметны какие-то знаки и фигуры, но что изображали эти знаки, они не помнят»²¹.

¹⁹ Геденов С. Варяги и Русь. СПб., 1876. С.СХІ.

²⁰ См. напр.: Лев *§*цакон. История. М., 1988.

²¹ Лрвженок В. 14. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестрове // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М, 1952. Вып. 48. С. 137.

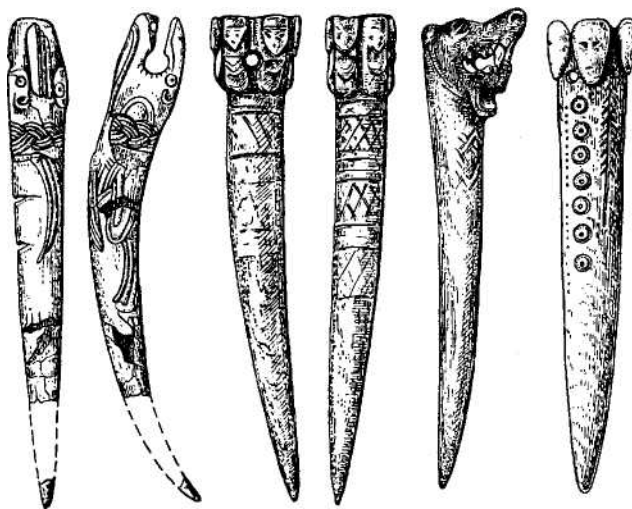

Рис. 14. Писала — стили для письма с языческими элементами. X—XI вв.

Еще одним археологическим доказательством нехристианского характера славянской письменности на ранних этапах ее развития являются находки писал²². Как можно видеть на рисунке 14, дизайн писал имеет сугубо языческий характер — на них изображены мифологические животные, солярная и растительная символика. Представлены даже писала, являющиеся моделями четырехликих и восьмиликих идолов (?). Примечательно, что ни на одном из писал нет христианской символики²³. Один из наиболее показательных

²² *Медынцева А.А.* Начало письменности на Руси по археологическим данным // IX международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983. С. 87.

²³ *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси... С. 357.

образцов обнаружен в Преславе (Болгария)²⁴: «Преславское писало четырехгранно; каждая грань покрыта солярными знаками, расположенными различно. Между солярными знаками награвированы стилизованные растения. Навершие четырехгранного предмета украшено четырьмя человеческими головами, как бы воспроизводя композицию Збручского идола. Весь комплекс изображений явно языческий. Остается выяснить в дальнейшем характер письменности, для которой предназначались подобные писала: были ли это древние "черты и резы", или какие-либо колдовские знаки на земле (вроде позднейшего "волшебного круга" для детской игры), или же обычная буквенная письменность на пергаменте»²⁵.

Стоит также упомянуть и некоторые свидетельства, содержащиеся в поучениях против язычества. В «Слове св. Моисея о ротах и о клятвах» дано следующее описание народных нравов: «Жертву приносят бѣсомъ. Трясцю мнѣть прогоняюще нѣкими ложным писмяны проклятыхъ бѣсов еленьскихъ, пиша имяна на яблоцѣх, покладают на святѣй трапезѣ въ год люторгечней»²⁶. Имеется в виду, что русские крестьяне для излечения от болезней писали на яблоках имена языческих («эллинских») богов и приносили эти яблоки в церковь. Конечно, нельзя с уверенностью утверждать, что при этом использовались некие особые «языческие» письмена, — возможно, крестьяне пользовались обычной кириллицей. Однако обращает на себя внимание сам факт существования данной практики. Не исключено, что обычай наносить

²⁴ Георгиев П. Изображение на четирилично славянско божество от Преслав // Археология. София, 1984. № 1. С. 16-28.

²⁵ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 358.

²⁶ Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 95.

на яблоки (и другие жертвенные плоды) имена богов кроется в язычестве. По крайней мере, на это указывает широкая распространенность этого обычая на Руси в христианские времена — его порицание встречается не только в процитированном тексте, но и в поучении «Слово св. отца како жити христианом».

Перечисленные выше факты относятся к восточным славянам. Однако в источниках упоминаются некие формы письменности и у западных славян.

Так, Титмар, епископ Мерзебургский (976—1018), двоюродный брат германского императора Оттона I, описывал увиденное им святилище западных славян близ города Рет-ры: «Около этих ворот стояло не что иное, как искусно устроенное из дерева капище, кровля которого лежала на рогах различных зверей, служивших для них подпорою. Внешняя сторона этого здания была украшена различными изображениями богов и богинь, которые, насколько можно было рассмотреть, с удивительным искусством были вырезаны из дерева; внутри же стояли, *со своими именами на пьедестале*, истуканы богов, сделанные рукою человека, страшные на вид, потому что они были в полном вооружении, со шлемом и в латах»²⁷.

Далее Титмар описывает гадание славянских языческих жрецов: «Тайно бормоча между собою, с яростью роются они в земле, чтобы посредством выкинутого жребия узнать исход сомнительного дела. Кончив это, они покрывают жребий зеленым дерном и под двумя на крест воткнутыми в землю кольями с краткою молитвою проводят коня, которого все считают священным; потом снова ищут тот знак, по ко-

²⁷ Стааолевич М. История Средних веков. Т. II. СПб., 1886. С. 651.

тому они заключают о деле, и посредством этого как бы божественного животного находят предвещения для будущего. Когда при обоих испытаниях последует одинаковый знак, тогда решаются начать дело; если же нет, то смущенные туземцы отказываются от предприятия»²⁸. Судя по описанию Титмара, речь идет о неоднократном метании неких «жребиев» с нанесенными на них знаками. Такая практика вызывает ассоциации с гаданием по рунам.

О неких славянских «знаках», с помощью которых передана определенная информация, писал в первой половине X века арабский автор Аль-Масуди: «Об этом здании существует рассказ о качестве его постройки, о расположении его разнородных камней и различных их цветах, об отверстиях, сделанных в верхней его части, о том, что построено в этих отверстиях для наблюдения над восходом солнца, о положенных туда драгоценных камнях и *знаках*, отмеченных в нем, которые указывают на будущие события и предостерегают от происшествий пред их осуществлением, о раздающихся в верхней его части звуках»²⁹. Видимо, речь в этом отрывке идет именно о западных славянах, у которых была широко развита храмовая архитектура. В принципе не исключено, что «будущие события» были описаны не с помощью знаков письменности, а с помощью рисунков. Однако «предостережения» могут быть сформулированы только с помощью слов, т.е. с использованием письменности.

Многими сторонниками версии о существовании у славян оригинальной дохристианской письменности в качестве доказательства приводится тот факт, что слова «писать» и

²⁸ Стааолевич М. История Средних веков... С. 651.

²⁹ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 139.

«читать» в славянских языках происходят от одних и тех же основ; это значит, что понятия письма и чтения — а значит и письменности — появились еще во времена праславянского единства.

В.Н. Топоров пишет: «Два основных предиката, связанных с письменным текстом, с литературой, не только известны во всех славянских языках (и, следовательно, являются общеславянскими), но и являются праславянским наследием — **pbsati* / **pisati* и **cisti* / **cbsti* / **citati* / **cbteti* / **cbtiti*, соответственно 'писать' и 'читать'»³⁰. Впрочем, В.Н. Топоров не считает данный факт поводом для далеко идущих выводов о существовании праславянской письменности; на основании этого факта он делает несколько другие заключения (о чем пойдет речь в третьей части книги).

Итак, мы видим, что славяне умели фиксировать и передавать «письменную» информацию еще до того, как было принято христианство. Однако источники оставляют открытым вопрос: какими именно знаками пользовались славяне для записи своих текстов.

Возможны несколько вариантов ответа на этот вопрос.

Вариант первый. Письменные тексты составлялись восточными славянами с помощью кириллической письменности, освоенной еще до принятия христианства.

Действительно, было сделано несколько археологических находок, убедительно доказывающих факт использования кириллического алфавита на Руси задолго до принятия христианства.

³⁰ Топоров В.Н. Предыстория литературы у славян: опыт реконструкции. Введение в курс истории славянских литератур. М., 1998. С. 43.

Среди дохристианских кириллических памятников следует упомянуть Добружицкий камень, найденный в 1950 году в низовьях Дуная. Верхняя половина камня была отбита, а на нижней сохранилась надпись:

*па гъръчѣхъ в лето г.у.п.а
при дѣимитръ бѣ жоупане*

Данная фраза переводится как: «Против греков в 6451 году при Дмитрие Жупане».

В 6451 году от сотворения мира, или в 943 году от рождества Христова, состоялся уже упоминавшийся в данной главе поход князя Игоря против Византии. Исходя из этого Б.А. Рыбаков предположил, что -начало надписи должно гласить: «Дань взял князь Игорь».

Не исключено, что Б.А. Рыбаков неверно реконструировал надпись. Например, если провести аналогию со скандинавскими мемориальными камнями, то можно предположить, что в надписи шла речь о некоем воине из дружины Игоря, погибшем во время похода 943 года, указывались обстоятельства его гибели и упоминалось имя военачальника. Тот факт, что надпись была составлена не с помощью футар-ка, а с помощью кириллицы, может свидетельствовать о том, что погибший был славянином³¹.

Возникает вопрос — кто же был составителем и резчиком данной надписи? Авторство болгар вряд ли возможно, в той военной компании они были противниками русов. Остается только предположить, что резчик, оставивший надпись

³¹ Не вызывает удивления и тот факт, что воин, будучи славянином, был почтен согласно скандинавскому обычаю. Удельный вес скандинавов в воинской элите был высок, и, соответственно, «варяжские» обычаи вполне могли быть предметом моды, широко использоваться и воинами-славянами.

о походе, состоял в войске Игоря (согласно летописи, для похода князь собрал «варяги, русь, и поляны, и словѣни, и кривичи, и тѣверыѣ, и печенѣги»³²).

Тот факт, что триумфальная надпись была составлена соратником князя Игоря с использованием кириллицы, заставляет иначе посмотреть на вопрос — на каком же языке была составлена хартия договора с византийцами в 944 году. Если в 943 году Игорь приказал выбить мемориальную надпись на кириллице, то резонно предположить, что и год спустя им была использована именно кириллица, а не какой-либо другой буквенный ряд.

Как бы ни был растолкован фрагмент надписи на Добружицком камне, он указывает на важный для нас факт — восточные славяне были знакомы с кириллической письменностью почти за полвека до принятия князем Владимиром христианства. Может создаться впечатление, что владение кириллической письменностью носило элитарный характер, однако еще ряд находок указывают на то, что знакомство с данной знаковой системой было широко распространено в разных социальных кругах³³.

В качестве показательного примера можно привести обнаруженные в Великом Новгороде «цилиндры», содержащие надписи и княжеские знаки (рис. 15)³⁴. Эти цилиндры использовались как минимум на десять лет раньше даты официального принятия христианства

³² Повесть временных лет... С. 23.

³³ *Серяков М.Л.* Русская дохристианская письменность... С. 25—26, 29-34.

³⁴ *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси (по памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века). М., 2000. С. 203. Также см.: *Янин В.* Как устроен «вечевой строй» // Родина. 2002. № 11—12. С. 77-78.

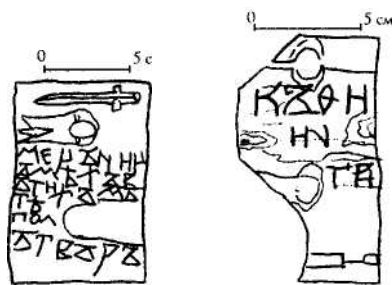

Рис. 15. Цилиндрические пломбы для фискальных операций.
Великий Новгород, ок. 975 г.

На одном из цилиндров надпись:

мѣчѣнѣ мѣхъ въ
тѣхъ мѣтѣхъ
похыпѣцѣ

Т.е. «Мечник мех в тех метях. Полтвец».

Мечник здесь — должность в княжеской администрации (о существовании такой должности известно из исторических источников). Полтвец — вероятно, имя собственное.

Второй цилиндр сохранился значительно хуже. В.Л. Яниным надпись читается следующим образом;

вън / грнѣ

Т.е. «в 9-и гри(в)не(хъ)>>».

Находка показывает, что кириллическая письменность использовалась на Руси до принятия христианства в хозяйственных целях, в данном случае — для фискального учета.

Есть и еще некоторые косвенные свидетельства использования именно кириллицы в дохристианской Руси. Так, настораживает имя писца, упоминавшегося в договоре 911 года — Иван. Это имя христианское, поэтому резонно предпо-

жить, что Иван был христианином и использовал для своей работы почерпнутую в христианских землях кириллическую письменность.

Вариант второй. Для записи слов славянского языка славянами использовались буквы уже существующих алфавитов — греческого, латинского или одного из рунических.

МА.Серяков, описывая надписи на западославянских идолах, говорит: «Вряд ли славяне для написания имен своих священных богов использовали чужеземную письменность — скандинавские руны, латинский или греческий алфавит — да и Титмар в подобном случае не преминул бы отметить такую подробность. Выходит, речь идет об особой славянской письменности»³⁵. С этим мнением можно поспорить. Насколько можно судить, славяне охотно заимствовали у соседей технические достижения. Кроме того, как мы уже говорили выше, нельзя оспаривать мощного влияния средиземноморских античных цивилизаций на соседние народы. В контексте данного влияния использование славянами чужеродных знаков для написания имен своих богов было вполне возможным и могло не вызывать удивления у посторонних наблюдателей (как, например, могло не казаться значимым Титмару).

В пользу гипотезы об употреблении на Руси иностранных букв для записывания русских слов говорит известный текст «О письменах» черноризца Храбра; «Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен <...>. Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка Но как мож-

³⁵ Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность... С. 17.

но хорошо написать греческими буквами: "бог", или "живот", или "sfeAo", или "црькы" или "чаание", или "широта", или "ѣдь" или "яд", или "юность", или "язык" и иные подобные этим (слова). Так и было многие годы»³⁶.

ЕН.Флоря, комментируя данное место, пишет: «Сообщение Храбра о попытках славян <...> использовать для записи текстов на славянском языке латинские буквы подтверждается текстологическим и филологическим анализом так называемых "Фрейзингенских отрывков" — рукописи первой половины X века, содержащей записи молитв на славянском языке, сделанные латинскими буквами. Анализ языковых данных и установление оригиналов, с которых переводили славянский текст, показывает, что I и III из этих отрывков отражают тексты, записанные, по-видимому, в Моравии в первой половине IX века Копией таких же древних текстов является и Клагенфуртская (Целовецкая) рукопись середины XV века, где содержатся написанные славянскими буквами тексты молитв — "Отче наш", "Верую" и "Ave Maria", которые представляют собой перевод соответствующих немецких текстов конца VIII — начала IX веков, осуществленный, по-видимому, в славянском княжестве Хорутании...

Записи славянских текстов, сделанные с помощью одних греческих букв, в настоящее время неизвестны. Однако это предположение Храбра представляется вполне правдоподобным, так как по крайней мере с начала IX века употребление греческого письма получает постоянное распространение на территории Первого Болгарского царства (см. десятки греческих надписей, выполненных в первой половине IX века по приказу ханов и других представителей правящей верхуш-

³⁶ Сказания о начале славянской письменности / Отв. ред. Б.Д. Королюк; Вступ. ст., пер. и коммент. Б.Н. Флори. М., 1981. С. 102.

ки болгарского общества)... Еще более существенно, что обнаружены также отдельные надписи, где греческие буквы использованы для записи текстов на протоболгарском (тюркском) языке. В этих условиях представляется вполне возможным и использование греческих букв для записи славянских текстов "без устроения"³⁷.

Примечательно, что со стороны византийцев, стремившихся к поддержанию контактов с болгарями, наблюдалось стремление использовать греческую письменность для передачи специфических звуков славянской речи. «Греки, учителя славян, — пишет Е. Георгиев, — в IX веке уже придерживались известной системы при передаче славянских звуков греческими буквами»³⁸. Так, согласно Е. Георгиеву, звук «б» передавался в этих случаях византийской буквой «вита», звук «ш» — «сигмой», «ч», «ц» — сочетанием «теты» с «дзетой», «у» — сочетанием «омикрона» с «ипсилоном». Как уже упоминалось в нашей книге, адаптация уже существующих алфавитов к особенностям языка народов, не имеющих собственной письменности, происходила в истории очень часто.

Вариант третий. Для передачи информации использовались некие знаки, не являющиеся собственно письменностью.

Это предположение относится, например, к описанному выше обычаю чертить на жертвенных плодах имена богов, которым этот плод посвящается. Вполне возможно, что божества в древности имели свои собственные «гербы», кото-

³⁷ Сказания о начале славянской письменности... М., 1981. С. 176.

³⁸ Цит. по: *Истрин В.А.* 1100 лет славянской азбуке. М., 1963. С. 103. Со ссылкой на: *Георгиев Е.* Славянская письменность от Кирилла до Мефодия. София. 1952. С. 75.

рые, вследствие их несложной графики, было вырезать значительно легче, чем побуквенно вырезать имя. Такие гербы действительно сохранились — например, «перунов знак» (см. гл. 3.1). Информация о том, что эта фигура ассоциируется именно с именем Перуна, сохранилась в этнографических источниках³⁹. Впоследствии с принятием христианства данный обычай мог трансформироваться — теперь на плодах вырезался не герб, а имя или монограмма христианского Бога

В принципе не исключено, что и в описании Титмара имена на пьедесталах богов были не именами как таковыми, а обозначениями.

О возможности существования у славян рисуночного письма и системы гербов будет сказано позднее, в третьей части книги.

Вариант четвертый. Письменность имела автохтонный характер — т.е. использовались некие знаки, существовавшие до появления у славян кириллической письменности или же пришедших из Западной Европы «латинских» шрифтов (для западных и частично южных славян).

Конечно, наиболее интересным вариантом является наличие у славян некой аутентичной письменной системы, которой они пользовались в дохристианские времена.

Одним из поводов для поиска дохристианской славянской письменности служат упоминания в «Житии Кирилла» неких «русских письмен».

Так, в «Житии создателя современной нашей азбуки св. Кирилла-Константина» описывается посещение святым Кириллом в 861 году крымского города Корсуня (близ со-

³⁹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян... С. 419.

временного Севастополя) и, помимо прочего, сообщается о встрече с неким информантом: «Нашел же здесь (в Херсоне) евангелие и псалтирь, написанные *рускими письменами*, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хва-ля бога» .

В русских рукописях к этому месту прибавлено следующее дополнение: «Сеже буди вѣдомо всеми языки и всеми людьми, яко русскыи языкъ ни от куду же приа вѣры сеа свя-тыя, и грамота русскаа ни кым же явлена, но токами самѣмъ богомъ въседержителемъ отцемъ и сыномъ и святымъ ду-хомъ... А грамоты русская явилася, богомъ дана, въ Корсунѣ русину, от негоже научися философъ Константинъ, и отту-ду сложивъ и написавъ книгъ русскимъ языкомъ. То же мужъ Русинъ бысть правовѣренъ... и тыи единъ отъ Русска языка явился прежде крыстьяны...»⁴¹ Далее утверждалось, что этот русский, единственный христианин до крещения всего народа, жил благоверно и уединенно во дни царя Михаила (различные Михаилы царствовали на византийском престоле с 811 по 869 г.) и Ирины благоверной (царствовала в 797—802 гг.) и после них имя его было неизвестно, и никто не знал, откуда он.

Стоит добавить, что о существовании каких-то славянских книг до Кирилла говорится и в «Житии» его брата Мефодия «Тут Бог явил философу славянские книги»⁴² .

⁴⁰ Сказания о начале славянской письменности. М, 1981. С. 77—78.

⁴¹ Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 36—37.

⁴² Цит. по: Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность... С. 14.

Загадочное место в «Житии», повествующее о «русских письменах», вызвало большое количество толкований, сводившихся к следующим вариантам⁴³:

1. «русские письмена» — некая письменность восточных славян (П. Я. Черных, В. А. Истрин, Е. Георгиев, А. Авенариус и др.);

2. имеются в виду «сурские» (т.е. сирийские) письмена (Р. О. Якобсон, А. Вайан, Б. Н. Флоря);

3. имеется в виду перевод Библии на готский язык, осуществленный Ульфилой в IV веке (Ф. Дворник);

4. под «рускими» понимаются «фрузские» (т.е. французские, франкские) буквы (Г. А. Ильинский);

5. надо читать не «русские», а «узкие» письмена (И. Гошев)⁴⁴.

Версии 3—5 не имеют широкого хождения, и мы не будем их касаться. Версия 2 имеет как защитников⁴⁵, так и противников.

В связи с проблемой существования докириллической письменности, как правило, упоминаются загадочные «черты» и «резы», сообщение о которых содержится в сочинении «О письменах» некоего «черноризца Храбра»:

«Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но [читали] и гадали с помощью черт и резов. <..> Потом же бог человеколюбец <..> помиловал род славян-

⁴³ Обзор см.: Сказания о начале славянской письменности... М., 1981. С. 115-117.

⁴⁴ Обзоры см.: *Ильинский Г. А.* Один эпизод из Корсунского периода жизни Константина Философа//Slavia. 1924—1925. III. *Иванова Т. А.* Еще раз о «руских» письменах: (к 1100-летию со дня смерти Константина-Кирилла)//Советское славяноведение. 1969. № 4. Сказания о начале славянской письменности... С. 115—117.

⁴⁵ См.: Сказания о начале славянской письменности... С. 117.

⁴⁶ См.: *Истрин В. А.* 1100 лет славянской азбуке... С. 110.

ский и послал им святого Константина философа, названного (в пострижении) Кириллом <...> И создал (он) для них тридцать письмен и восемь, одни по образцу греческих письмен, другие же в соответствии со славянской речью»⁴⁷.

Наибольший интерес в данном фрагменте представляет упоминание неких «черт и резов». Исследователями предпринимались совершенно разные способы истолковать это туманное место — одни считали «черты и резы» полноценной оригинальной письменностью, разработанной славянами, другие — простейшей системой знаков, приспособленной для передачи несложной информации (например, числительных).

Нам кажется вполне убедительным высказанное А.Д. Маневским⁴⁸ и впоследствии поддержанное многими исследователями мнение, что «черты» и «резы» различались не по их внешнему виду, а по тому материалу, на котором они писались: «резы» вырезались (скажем, на дереве или камне), «черты» — чертились (на глине или пергаменте).

В 987 году арабский ученый Ибн-Якуб-эль-Недим закончил «Книгу росписи наукам» — труд, в котором помимо прочего содержится интереснейшее свидетельство существования письменности у «русов»: «Русские письмена Мне рассказывал один, на правдивость коего я полагаюсь, что один из царей горы Кабк (Кавказ) послал его к царю русов; он утверждал, что они имеют письмена, вырезаемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображения, но не знаю, были ли они слова или отдельные буквы, подобные этому»⁴⁹.

⁴⁷ Сказания о начале славянской письменности... С. 102.

⁴⁸ Маневский А.Д. Возникновение книгопечатания на Руси. М., 1939.

⁴⁹ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб.: Имп. Акад. Наук, 1870. С. 240.

الروسية

اتن بمكانه ان بعض ملوك جبل القبقن ارسله الى
 به وزعم ان لهم كتابة على الخشب حفرا واخرج
 نشب يياض عليها نقوش لا ادري امي كلمات ام
 ردتا ثال ذلك

سنة ١١١٤

Рис. 16. Фрагмент сочинения эль-Недима. В нижнем левом углу —
 надпись «русскими письменами»

Похоже, эль-Недим описывает событие, известное по свидетельству другого арабского автора — аль-Якуби, который под 853—854 гг. описывает восстание в Северной Кахетии против арабских властей. Повстанцы обратились за помощью к трем властелинам Восточной Европы: византийскому императору, хазарскому кагану и некоему «сахиб ас-сакалиба» (государю славян). Ближайшими славянскими землями для санаров были Тмутаракань и Киев — видимо, к киевскому князю и была направлена просьба о помощи. Соответственно, можно предположить, что надпись, воспроизводимая эль-Недимом, является ответным дипломатическим посланием.

Эль-Недим приводит эту надпись (рис. 16). Знаки «русских письмен», воспроизведенных эль-Недимом, не имеют убедительных и последовательных аналогий ни в одной из известных систем письменности. По этой причине попытки

расшифровать эту надпись были многообразны, разнонаправленны и, как правило, малоубедительны.

Так, фон Френ, первый публикатор надписи, безуспешно пытался найти аналоги в ближневосточных письменных памятниках⁵⁰. А. Шегрен трансформировал надпись в последовательность скандинавских рун. Надпись была прочитана им как: *с Руси луд словен(е)*⁵¹. С. Геденов подошел к проблеме с помощью глаголицы и был так же неубедителен, как А. Шегрен. Опустив некоторые знаки, которые он не смог истолковать, он пришел к слову *Стосвь*, которое расценил как имя князя Святослава⁵². А.Я. Гаркави предположил, что речь идет о некоей искаженной арабской надписи⁵³. В.И. Таланкин попробовал перевести надпись как идеограмму торгового договора, сводящегося к формуле «Князь просит разрешения трем своим купцам свободно торговать в городе» или: «Город вследствие просьбы князя-купца разрешает трем его купцам свободную продажу привезенного на ладье товара»⁵⁴. А.Д. Маневский считал, что это — пиктографическая маршрутная карта. Наконец, П.Я. Черных, Е. Георгиев, Д.С. Лихачев и еще ряд советских и болгарских ученых предположили, что надпись действительно написана славянскими «чертами и резами», но прочтение ее невозможно.

⁵⁰ *Frabn C.-M. von. Ibn-Abi-Jacub el-Nedim's Nachricht von der Schrift der Russen im X Jahrh. n. Chr., kritisch beleuchtet. 1835.*

⁵¹ Цит. по: *Чудинов В.А. Загадки славянской письменности...* С. 227—233.

Со ссылкой на: [Siogren von, Dr.] Ueber das Werk Finn Magnusens Runamo og Runerne. S.-Petersburg, 1848.

⁵² *Геденов С. Варяги и Русь. Историческое исследование. СПб., 1876. С. СІХ.*

⁵³ *Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей...*

⁵⁴ Цит. по: *Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность...* С. 36. Со ссылкой на: *Древности. Т. XXIII. Вып. 2. М, 1914. С.447.*

Наконец, МЛ. Серяков предложил читать надпись с помощью индийского письма брахми⁵⁵. Согласно его толкованию, славянский князь отказал просителям в военной поддержке, но выразил свою солидарность и пожелал удачи фразой: «Дай удачи те ратный бог». МЛ. Серякову удалось разбить надпись на отдельные знаки, которые действительно совпадают со знаками алфавита брахми и выстраиваются во вполне осмысленную славянскую фразу. Если многие толкователи надписи эль-Недима неубедительны уже на стадии графической разбивки надписи на знаки, то основные аргументы против версии МЛ. Серякова — историческая Русь вплоть до конца XV века не имела контактов с Индией; использование письменных систем, сходных с брахми, предполагает существование письменности еще во времена индоевропейского единства, что выходит далеко за рамки научных представлений о развитии народов индоевропейского корня.

Наличие определенного количества фактической информации побудило многих исследователей к попыткам вычленить из всего массива восточнославянских знаков некий дохристианский алфавит. Упомянем несколько попыток реконструкции; не вдаваясь в подробности, скажем только, что все данные реконструкции подвергались критике, причем зачастую очень убедительной⁵⁶.

Была попытка воссоздания славянского протописьма на основе так называемых «причерноморских знаков». В середине XIX века в Херсонесе, Керчи, Ольвии и других местах Северного Причерноморья, где существовали древнегреческие поселения, было обнаружено большое количество зага-

⁵⁵ Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность.. С. 35—47.

⁵⁶ СМЛ Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуке М, 1963. С. 116-134.

дочных графических символов. Эти знаки очень редко составляли упорядоченные «надписи», большей частью они были беспорядочно нанесены на различных предметах — каменных плитах, надгробьях, черепице, амфорах, монетах и т.д. Иногда знаки соседствовали с греческими надписями⁵⁷.

НА. Константинов сопоставил форму «причерноморских знаков», во-первых, с формой букв глаголицы, во-вторых, с формой знаков слогового письма, существовавшего на острове Кипр в V—IV веках до н.э. Обнаружилось достаточно большое сходство этих трех знаковых систем, причем буквы глаголицы, сходные по начертанию со знаками кипрского слогового письма, оказались близки к ним и по звуковому значению. На основании этого была выдвинута гипотеза, что протоглаголица как дохристианская система письма ведет свое происхождение от «причерноморских знаков», а те, в свою очередь, восходят к кипрской письменности, якобы проникшей в Северное Причерноморье благодаря торговым контактам.

В дополнение к этому НА. Константинов привел большое количество древних и средневековых русских знаков, содержащихся на всевозможных предметах — пломбах, печатях, кирпичах, монетах, пряслицах, календарях и др. Основываясь на форме этих знаков, он нашел им соответствие в трех перечисленных письменностях и свел в единую таблицу знаки Кипра и Причерноморья, буквы глаголицы и графемы, содержащиеся на восточнославянских древностях.

⁵⁷ См.: Мещанинов ИМ. Загадочные знаки Причерноморья. Л., 1933.

⁵⁸ Константинов Н.А. О начале русской письменности // Нева. 1957. № 7. Также см.: Он же. Скифо-сарматские знаки на памятниках Причерноморья//Крым. 1951. №7. Он же. История русской азбуки//Знание — сила. 1953. № 1. Он же. Черноморские загадочные знаки и глаголица //Ученые записки Ленинградского университета. Вып.23. 1957.

В начале 1960-х годов Н.В. Энговатовым была осуществлена попытка реконструировать исконную славянскую письменность на основе некириллических знаков, встречающихся на русских монетах XI века. На многих монетах вместо пропущенных букв стоят несложные знаки — эти-то знаки и были собраны исследователем в единый алфавит. Наличие неизвестных знаков в однотипных, легко читаемых словах позволило присвоить этим знакам фонетическое значение. Полученный алфавит также рассматривался Н.В. Энговатовым как прототип глаголицы⁵⁹.

Еще одна (и довольно громоздкая) реконструкция прото-глаголицы была предпринята И.А. Фигуровским⁶⁰.

Все три перечисленные реконструкции не совпадают между собой.

Разрабатывались и версии о существовании у славян слогового письма — имеются в виду упоминавшиеся выше работы М.Л. Серякова и В.А. Чудинова⁶¹.

Есть достаточное количество данных, позволяющих судить о том, что письменность (вопрос о том, когда она возникла, здесь не важен) воспринималась славянами как явление *сакральное*.

⁵⁹ Энговатов Н. Древнейшая русская азбука // Знание — сила. 1960. №11. Также см.: Он же. Находки рунических надписей на территории СССР//Советское славяноведение. 1963. № 6. С. 229-257. Он же. Руническая эпиграфика с территории СССР и норманизм // Советская археология. 1964. № 4. С. 214-220.

⁶⁰ Фигуровский И.А. Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными знаками» // Ученые записки Елецкого педагогического института. Вып. 2. Липецк, 1957. Он же. Резюме выступления на IV съезде славистов / IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 1. М., 1962.

⁶¹ Чудинов В.А. Загадки славянской письменности. М., 2002.

Так, обращает на себя внимание тот факт, что русские слова *читать*, *считать*, с одной стороны, и *читать*, *почитать* — с другой, имеют один общий корень *чьт*⁶². Это сопоставление говорит о специфическом восприятии процесса чтения, определенной сакрализации этого процесса.

Выше уже упоминалось сообщение Титмара Мезенбургского о гадании у славян — гадание производилось способом, который внешне был схож с германо-скандинавским метанием рун. При гадании использовались жребии с некими знаками. Данный факт также указывает на сакрализацию знаков письменности (если, конечно, речь у Титмара идет именно о знаках письменности), использование их в магических целях.

В главе 1.1 говорилось о том, что в средневековой Европе изображения рунических футарков имели магическое значение. Обращает на себя внимание тот факт, что многие археологические памятники, относящиеся к средневековой Руси, содержат изображения кириллического алфавита (иногда неполного). Н.И. Толстой писал: «Магическое действие азбуки, особенно первой ее буквы и последней, а также начальных букв определенных слов известно во многих древних и новых культурах. Алфавиты, особенно из чужих азбук, например у коптов греческие, притом вырезанные на камне, на металле, играли роль ШТОТрб71Ш.О"0 (умилостивительная жертва, или astraca) и проникли к грекам и римлянам с Востока. Не исключено, что подобный характер имели граффити, состоящие из начала алфавита из Преслава (Болгария), из Софии Киевской, Софии Новгородской и др., а также написание алфавитов в

⁶² Якубинский Л.П. История древнерусского языка / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1953.

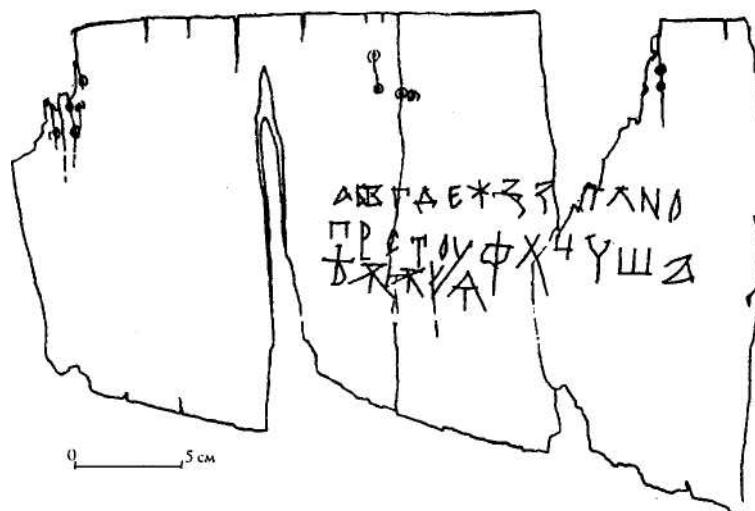

*Рис. 17. Новгородская берестяная грамота,
на которой записана кириллическая азбука
(1-я половина XI в.)*

новгородских берестяных грамотах (напр., № 199—201, 203-207)»⁶³.

Н.И. Толстой указал ряд примеров использования славянами алфавитов в сакральном контексте: «Алфавит — условный порядок букв, наделяемый сакральным смыслом. Такое восприятие алфавита характерно скорее всего для книжной, чем для народной традиции. Форму азбучного акростиха (от альфы до омеги) имел распространенный у славян греческий «Акафист Богородице» (VII в.), исполнявшийся с припевом

⁶³ Толстой Н.И. Алфавит/Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М, 1995. Т. 1. С. 102-103.

«Аллилуйя»; не вызывает сомнения сакральность «Азбучной молитвы» — славянского акростиха, в основу которого положен алфавит (старший список XII в.). <...> При освящении католических храмов епископ писал на полу посохом латинский и греческий алфавиты по крестообразно обозначенным линиям, что обозначало единение различных заветов и народов через посредство креста»⁶⁴. Использование алфавитов в сакральном контексте было продиктовано мотивацией, типичной для многих культур: «Вероятнее всего, алфавит в целом, или представляющие его первая и последняя буквы, или же первые его буквы выражали идею цельности, полноты и завершенности, наконец, основы и сути книжной сакральной премудрости»⁶⁵. Здесь же Н.И. Толстой приводил примеры использования отдельных букв и буквенных сочетаний (чаще всего как символов неких определенных слов) в магических целях — для защиты, лечения, обучения.

Не исключено, что сакральная информация была заложена даже в сами знаки славянской письменности: «Древнейший славянский алфавит — глаголица, — изобретенный славянским просветителем Константином-Кириллом, базировался, по гипотезе Юрия Черныхвостова (1949), в основном на сочетании трех символических фигур — креста (Христос), треугольника (Троица) и круга (Бог Отец), а также линий, повторенных во многих случаях дважды и трижды (ср. символику сложения перстов при крестном знамении)»⁶⁶.

Мотивы сакрализации письменности можно увидеть в восточнославянском «Стихе о Голубиной книге». Нет сомнения в том, что данный фольклорный текст содержит боль-

⁶⁴ Толстой Н.И. Алфавит... С. 102-103.

⁶⁵ Толстой Н.И. Алфавит... С. 102.

⁶⁶ Толстой Н.И. Алфавит... С. 103.

шое количество отсылок к языческим мифам; высказывалась даже точка зрения⁶⁷, что «Стих» является композиционно законченным изложением славянской дохристианской мифологии. «Стих» может быть представлен как описание некоего исходного космогонического действия и его последствий — развертывания и развития Вселенной. Примечательно, что первоначальным объектом, появление которого стимулирует развертывание космогонического сюжета, является именно *книга*.

Говоря о сакральности письменности, можно еще раз привести цитату из текста XV века: «Грамота русскаа ни кым же явлена, но токами самемъ богомъ въсдержителемъ от-цемъ и сыномъ и святымъ духомъ...»⁶⁸

Заканчивая экскурс в проблему существования славянской дохристианской письменности, сделаем ряд **выводов**, важных для нашего дальнейшего исследования.

1. Велика степень вероятности того, что письменность у славян (как восточных, так и западных) существовала еще до принятия христианства. Таким образом, не исключено, что славяне могли использовать некие достаточно древние письменные системы, неизвестные современному исследователю. Эти системы могли не иметь отношения к латинскому и кириллическому алфавитам, использовавшимся при внедрении христианских текстов в славянских землях.

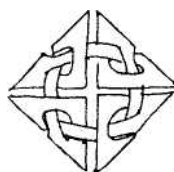
2. Есть достаточно много данных о заимствовании славянами существующих алфавитов для записи славянских слов.

⁶⁷ См.: *Серяков М.А.* «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. М., 2001.

⁶⁸ *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 36—37.

В одном из выводов главы 1.1 говорилось о том, что в Средние века наблюдался процесс распространения рунической письменности; при этом народы, перенимавшие руны, модифицировали рунический строй для адаптации его к особенностям своего языка. Поэтому в принципе не исключено, что рунические алфавиты были заимствованы и славянами-язычниками, которые также трансформировали его согласно особенностям местного языка.

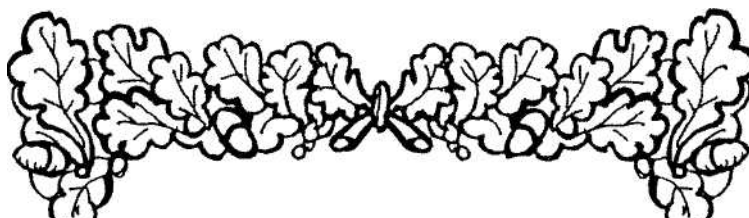
3. У славян письменность была сакрализована, что вызывает ассоциации с традицией сакрализации рунической письменности у западноевропейских народов.

Часть 2

Славянские рунические памятники

Глава 2.1. Западнославянский рунический строй («вендские руны»)

В последующих главах мы рассмотрим ряд западнославянских памятников с руническими надписями, выполненными одним и тем же алфавитом. В литературе встречалось условное название данного строя как «вендских рун»¹. Они названы так по имени венедов — этнонима, которым в Средние века часто обозначали те или иные славянские племена.

К числу этих памятников с «вендскими рунами» относятся:

- предметы первой и второй части «прильвицкой кол лекции»;
- коллекция камней, найденных близ Ной-Штрелица;
- микоржинские камни;
- — медаль из Вапно и др.

Наличие одного и того же рунического строя на таком большом количестве археологических находок, казалось бы, должно свидетельствовать в пользу подлинности данной рунической системы. Но все не так просто. К сожалению, в разные годы практически все предметы и коллекции с «вендскими рунами» подвергались критике и объявлялись поддельными.

На настоящий момент целый ряд западнославянских рунических памятников оказался «в единой связке»: если до-

¹ Платов А. Славянские руны. М., 2001.

казать подлинность одного из них, то автоматически повышается вероятность подлинности всех других памятников. И наоборот, если одну из групп памятников принять за фальсификат, то это «тянет ко дну» и все остальное. Как выразился один из критиков западнославянской руники, И.В. Ягич, «они все вместе стоят или падают»².

В литературе устоялось мнение³, что западнославянский рунический строй восходит к футаркам, зафиксированным в работах М.Т. Арнкия (1691 г.)⁴ и Клювера (1728 г.)⁵.

Футарки Арнкия и Клювера представляют собой модифицированные датские рунические строи.

Как мы упоминали в первой части данной книги, в средневековой Европе была широко распространена практика заимствования письменности у соседей. При этом народ, заимствовавший чужие алфавиты, модифицировал их согласно требованиям местного языка. Не исключено, что и западные славяне могли заимствовать рунический алфавит у своих соседей — германских народов. В таком случае вполне объяснимо, что «вендские руны» приобрели некоторые различия в сравнении с «датским» руническим алфавитом.

К сожалению, работы возможных «праотцов» «вендских рун» — Арнкия и Клювера, — написанные на старонемецком языке, нам не доступны, и поэтому мы приведем пере-

² Ягич И.В. Вопрос о рунах у славян // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3. СПб., 1911. С. 16.

³ Впервые данная идея была высказана А. Малецким (*MaJecki A.* Co rozumiec o runach siowianskich i o autentycznosci napisow na Mikor-zynskich kamieniach // Rocniki Towarzystwa Przyjaciol, nauk poz-nanskiego. Poznan, 1860. T. 7. С. 126.

⁴ *Arnkiel M.T.* Cimbrische Heyden-Religion. T. 1. Hamburg, 1691.

⁵ *Kltiver.* Beschreibung des Herzogthums Mecklenburg. 1728.

сказ этих работ И.В. Ягичем, исследователем, который, кстати, скептически относился к самой возможности существования руники у славян.

И.В. Ягич писал: «Археолог и историк Арнкиль в своем сочинении⁶, говоря по старшим, преимущественно скандинавским источникам о рунах, прибавил, должно быть, не от себя, догадку, что в языческую старину молодежь тех стран Германии (о славянах, в частности, не говорится) упражнялась в чтении рун, "in Erlernung der Cimber-Gothischen Buchstaben und Schriftten"⁷. Как наглядный образец этого письма он приводит следующий рунический алфавит:

Изображение этого алфавита заимствовано Арнкилем из старших сочинений, на которые добросовестно указывается. [Впрочем, далее И.В. Ягич указывает на отличия алфавита Арнкиля от алфавитов, содержащихся в "старших сочинениях"].

Сочинение Ключера излагает рассказ, относящийся к языческим славянам, еще подробнее, чем мы слышали от Арнкиля. Сославшись на переписку Добровского с Дурихом, я указал в Истории славянской филологии (с. 60) на диссертацию Шурцфлейша 1670 года, в которой уже до-

⁶ *Arnkiel M.T. Cimbrische...* S. 294-295.

⁷ Перевод: «По учебнику кимрско-готской письменности и алфавита».

казывалось, что у германских славян были свои школы, где дети обучались рунам. Вот ту же самую мысль повторил также Клювер относительно германских "вендов": "Die Schulen waren zwar bey den Wenden im schlechten Strande, dennoch ihre Priester — Schullehrer und unter ihren Buch-staben die Runische genannt folgender Gestalt beschaffen"⁸ (1728, I. 75). В доказательство приводится следующий образец алфавита:

Во втором издании, которое в типографском отношении лучше и изящнее исполнено, представлен тот же алфавит в следующем виде (изд. 1737, с. 262): »⁹

⁸ Перевод: «Правда, школы у вендов были в плохом состоянии, тем не менее их учителя-священнослужители наряду со своими буквами пользовались руническими письменами следующего облика».

⁹ Ягич И.В. Вопрос о рунах у славян... С. 5—8.

И.В. Ягич, рассмотрев все надписи, выполненные «вендскими рунами», составил свой вариант западнославянского рунического футарка:

λϚλϚ	A	ρϚ	G	ψφ	M	иm	S
ψψψ	B	*	H	h	N	↑↑↑	T
↓±↓	C	ιτ	I	ʎʎʎ	O	ΛΛΛ	U,V
ρλρ	D	Ϛ	K	ΛM	P	Φ	X
↓ʎʎʎψ	E	ιm	L	R	R	Λ	Y
						hʎ	Z

АА Бычков, один из авторов данной книги, сделал свою реконструкцию «вендских рун», приведя в качестве аналогов рунам не знаки латинского алфавита, а буквы кириллицы.

λʎ	A	↓ʎʎʎψ	E,Э	ιm	Λ	R	P
ψψψ	B	и	Ж	ψφ	M	↑↑↑	T
ΛΛΛ	B	иm	З,С	h	H	↓	Ў
ρϚ	Г,К,Х	ιτ	И	ʎʎʎ	O	h	Ц
ρρ	Д	Ϛ	К	ΛM	П	ʎI	Ы
						*ʎ	Ь

Реконструкция, предложенная А.А. Бычковым, отличается как от реконструкции И.В. Ягича, так в некоторых пунктах и от строя «датских рун».

Некоторые варианты начертания (по Ягичу) были отвергнуты А.А. Бычковым как технические ошибки, описки, недорисованные знаки.

Так, А.А. Бычковым было подвергнуто сомнению традиционное толкование знака*

Обычно этот знак читается как [h]. Однако обращает на себя внимание его использование в слове «Ретра», обозначающем на предметах прильвицкой коллекции соответствующий город и храм. Встречаются следующие написания:

К*ЅТКΛ
 R*†↑RΥ
 RΥ‡↑Rλ
 R*†↑Rλ
 R*†↑Rλ
 R*‡↑Rλ
 R*†↑Rλ
 R*†↑Rλ

Если рассматривать знак* как [h], то название Ретры приобретет непривычное для славянского слуха звучание: *Рхет-ра*. Однако в одном из вариантов* заменяется наΥ— [a]. Таким образом, знак оказывается неким гласным, фонетически близким к звуку [a]. По мнению А.А. Быčkova, речь идет о полугласном звуке, среднем между э и ы, аналоге редуцированного старославянского гласного [ъ] («ерь»). Соответственно, сочетание знаков* Ѕ, видимо, следует читать как [ье]. В таком случае название города храма приобретает привычное звучание: *Рэтра*.

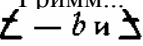
Если принять именно такое звуковое значение руны*, то привычное звучание приобретут многие слова, в которых она встречается:

ИΛΛΛ†‡Λ†* — не *Свантовитх* (что невозможно в славянских языках), а *Свантовить*;
 R I Ж‡†ΛN† — не *Рихегаст*, а *Риъегаст*.

Фонетическую трансформацию претерпевает еще одна руна — у. Если в датских футарках она звучала исключительно как [к],¹⁰ то ^{Pr}И адаптации к славянским языкам она получила целый ряд значений: стала произноситься как [g], [k], [x], [h]

Многие исследователи пытались сличить строй «вендских рун» и западноевропейские футарки. На основании сравнения делались выводы о подлинности или поддельности и самого рунического строя, и предметов, на которые были нанесены руны. Интересно, что при этом одни исследователи рассматривали различия между славянскими и скандинаво-германскими руническими строями как доказательства аутентичности славянских рун, а другие, напротив, видели в этом доказательства их поддельности.

Приведем некоторые примеры научных построений на эту тему.

Так, например, «В. Grimm... не находя полного соответствия < рунам — e> в германских памятниках рунического письма, признавал эти две руны *rac excellence* славянскими, что, конечно, в нем утверждало веру в подлинность мекленбургских открытий»¹⁰. Логика Вильгельма Гримма понятна: если в алфавите славян появились новые знаки, то, значит, это знаки местного происхождения.

Однако другой ученый-рунолог, Я. Лечеевский, в своих построениях пользовался совсем другой логикой. Обнаружив в славянских рунических надписях какой-либо знак, не имеющий точных аналогов в европейских футарках, он рассматривал это как убедительное доказательство того, что знак непременно был выдуман фальсификатором. Например, расценив два знака на камне № 2 из Ной-Штрелица

¹⁰ Ягич И.В. Вопрос о рунах у славян... С. 7.

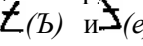
как руну $\mathfrak{h}$ (читается как [ц]), он сделал следующие выводы: «Ошибкой <фальсификатора> является употребление руны $\mathfrak{h} = z$ — на скандинавских памятниках она никогда не обозначает z , ибо, как мы знаем, футарк вообще не знает знака для z . $\mathfrak{h} = z$ приводят в своих алфавитах такие ученые, как Арнкиль и Клювер, а за ними Маш. От них и исходит знакомство фальсификатора с рунами. Видимо, фальсификатор придерживался своих источников, как пьяный плот. <...> Это свидетельствует, что руны — не стародавние, а были выбиты в XVIII веке»¹¹. То есть Лечеевский обвинил возможного «фальсификатора» в том, что тот для фальсификации не воспользовался скандинавскими руническими строениями, а ограничился использованием книг Арн-киля и Клювера. При этом гипотеза, что «первоисточником» для западославянских рун были именно эти книги, не доказывается Лечеевским, а постулируется им как само собой разумеющееся.

Пользуясь тем же самым «логическим методом», Лечеевский трактовал обнаруженный им на том же камне знак $\mathfrak{d}$ (прочитан как [d]): «Для обозначения $\mathfrak{d}$ фальсификатор взял руну $\mathfrak{th}$, которая в скандинавских футарках (и то в позднейших), может быть один раз из тысячи обозначает d »¹². Короче говоря, не найдя в скандинаво-германской рунике убедительной (с его точки зрения) параллели руне $\mathfrak{d}$, Лечеевский почему-то делает вывод о ее фальсифицированности. Впрочем, надо отметить, что «доказательства» Я. Лечеевского, одного из наиболее известных критиков славянской руники, почти всегда неубедительны (об этом мы неоднократно будем говорить на протяжении всей книги).

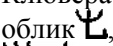
¹¹ *Ledejewski*). Runy i runiczne pomniki... S. 44—45.

¹² *Leciejewski*]. Runy i runiczne pomniki... S. 44.

Рассмотрим также замечания еще одного критика славянских рун — И.В. Ягича.

Сравнив западнославянские руны с другими европейскими футарками, он, так же как и Вильгельм Гримм, обнаружил наличие в славянском строе оригинальных рун (*ᚷ*) и (*ᚹ*). Однако выводы были сделаны совсем другие. И.В. Ягич писал: «Сличение его < Арнкиля > таблицы с рисунками старших сочинений убедило меня в свое время (в 1880 году, ел. Archiv f. si. Phil. V. 213¹³) в том, что гравер Арнкиля копировал свои образцы вообще довольно внимательно, но некоторые, хотя незначительные отступления, быть может чисто случайные, все-таки заметны. Важнее других по своим последствиям два изменения, вышедшие наружу в рисунках для *e* и для *ᚷ*. Для *e* у него на первом месте начертание ; старших примеров этого начертания в приводимых у Арнкиля сочинениях мне не удалось отыскать; ближе других подходит, правда, у Шедиуса знак , но и здесь рисунок буквы еще без нижнего крючка. Должно быть, здесь подразумевается позднейший знак для *e*. Начертание Арнкиля рядом со всеми прочими изображениями вошло в сочинение Клюве-ра, где еще в первом издании (1728 г.) руна эта получила вид несколько наклонного положения отвесной черты, во втором же издании (1737 г.) эта наклонность еще увеличилась, т.е. вышел облик буквы . И вот этот наклонный облик руны у Клювера является первоисточником для всех многочисленных воспроизведений этой руны в Мекленбургских, по нынешнему месту хранения — Стрелицких, рунических надписях на так называемых Прильвицких божках. Рядом с *ᚷ* является как второй тип или иногда , а также , . Вто-

¹³ *Jagic V. Zur slavischer Runenfrage // Archiv for slavische Philologie. Bd. 5. Hf. 3.1881. S.213. — Примеч. авторов.*

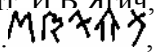
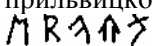
рая руна, в начертании которой произошла перемена внешнего облика, обличающая подложность Стрелицких рунических надписей, это — передача буквы В. У Арнкиля имеются два изображения руны: ; второе вышло в первом издании Клювера несколько неуклюже как , т.е. поперечная линия получила полуовальный вид, нижняя же часть руны представляет не вполне замкнутый полукруг. Издание второе Клювера переделало это начертание внизу в совсем открытый облик , и по этому точно образу копировалась руна на всех Стрелицких фигурках»¹⁴. Как мы видим, и В. Гримм, и И.В. Ягич исходят в своих построениях из одного и того же исходного положения — из наличия в западнославянских строях некоторых оригинальных рун. Однако на основании этих исходных данных они делают совершенно противоположные выводы. При этом И.В. Ягич пытается в качестве доказательства указать на сходство западнославянских рун с алфавитами Арнкиля и Клювера, однако нельзя забывать, что предположение о заимствовании «фальсификаторами» рун из двух упомянутых алфавитов — всего лишь предположение самого Ягича и сторонников его гипотезы; эта гипотеза, в общем-то, не подтверждена серьезными доказательствами. Перед нами классический *argumentum ex silentio*, иными словами — ситуация, когда из-за недостаточности источников нельзя доказать ни наличия, ни отсутствия чего-либо. В данном случае из-за недостаточного количества исходной информации из сопоставления рунических строев нельзя сделать заключения ни о поддельности, ни о подлинности западнославянских рун. Поэтому каждый толкователь делает из исходных положений те выводы, которые лично ему более симпатичны.

¹⁴ Ягич И.В. Вопрос о рунах у славян... С. 6—7.

Например, приведем два высказывания исследователей, пытавшихся сравнить стиль «вендских» надписей (прильвицкие коллекции) и традиционных западноевропейских рунических надписей. Лаврентий Суровецкий в докладе «Нечто о рунических письменах» отмечал: «В находящихся на сих древностях рунических надписях... равно как и в прочих северных рунах, сохранилась первоначальная простота, а потому и большее сходство с теми [западноевропейскими рунами], которые еще не подверглись переменам»¹⁵. Как мы видим, Л. Суровецкий не замечал стилистических и функциональных различий между славянскими и скандинаво-германскими руническими надписями. Внешнюю примитивность славянской руники он рассматривал как довод не в пользу поддельности славянских рун, а наоборот, в пользу их архаичности. При этом Л. Суровецкий был сравнительно умерен в своих оценках — он порицал авторов, которые высказывали слишком уж смелые «прославянские» предположения: «Многие писатели, увлеченные сим обстоятельством [архаичностью славянских рун], оставили неосновательные догадки об их начале. Одни из них полагали, что славяне заимствовали руны у своих соседей, норманнов; другие, напротив, утверждали, что норманны заимствовали оные у славян или какого-нибудь другого народа; первые в подтверждение своих предположений ссылались на известное множество памятников, исписанных сими рунами и находящихся в древних жилищах норманнов; другие же замечали, что сии письмена, без сомнения, заимствованы были норманнами у славян или кого-либо другого, во-первых, потому, что они не соответствовали ни потребностям сих последних, ни произ-

¹⁵ Суровецкий А. Нечто о рунических письменах // Северный архив. 1822. №24. С. 440.

ношению их языка; во-вторых, что славянская азбука содержит в себе буквы, которые вовсе не находятся в норманнской; что, наконец, письма сих двух языков чувствительно между собою различаются»¹⁶. Однако Ян Лечеевский, имея примерно те же самые исходные данные, делает совершенно противоположные выводы: «Северные рунические памятники имеют, как мы знаем, иной способ нанесения надписей. Весь уклад прильвицких надписей, т.е. размещение отдельных слов без всякой связи, противоречит характеру подлинной рунической письменности»¹⁷. Что касается грубой графики славянских рун, то Лечеевский, конечно, объясняет это не архаичностью, а следствием неумелости фальсификатора.

Наиболее серьезным является следующий довод И.В.Ягича. Далее по ходу книги нами будет рассмотрено изображение на одном из микоржинских камней (рис. 25); как будет показано, изображение на микоржинском камне № 1 сходно с одной из статуэток прильвицкой коллекции. Рядом с этими двумя изображениями, сходными внешне, содержатся и сходные надписи. Как говорит И.В.Ягич, на микоржинском камне содержится надпись , на прильвицкой статуэтке, приведенной в книге Лелевеля, — .

¹⁶ *Суровецкий А.* Нечто о рунических письменах... С. 441.

¹⁷ *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 59. Отметим, что, вопреки мнению Лечеевского, большинство западнославянских рунических надписей, в общем, хорошо укладываются в европейские рунические традиции. Надписи на предметах прильвицких коллекций, как правило, обозначают имена собственные и являются обозначением принадлежности данных предметов храму или божеству — как мы говорили в главе 1.1, именно надписи, утверждающие собственность, составляли большой процент рунической эпиграфики.

По утверждению И.В. Ягича, осмотрев прильвицкую статуэтку в подлиннике, он обнаружил, что в книге Лелевеля надпись приведена с искажением: в действительности первый знак представляет собой не , а . Соответственно, по И.В. Ягичу, получается, что человек, изготавливавший рисунок и надпись на микоржинском камне, имел в качестве образца именно книгу Лелевеля — он перенес на камень и силуэт одной из статуэток, и сопутствующую надпись, однако при этом повторил и опечатку, содержащуюся в книге.

Данный довод действительно обращает на себя внимание, хотя и здесь не обошлось без ошибки. Если мы обратимся к книге Лелевеля, в которой использован рисунок, выполненный Я. Колларом (рис. 26 б), то увидим, что первым знаком надписи является вовсе не (как это утверждает И.В. Ягич), а — то есть именно тот знак, который и должен быть «по условию». Знак же присутствует в книге Я. Потоцкого (рис. 26 а)¹⁸. Приводя наиболее убедительное свое доказательство, И.В. Ягич путался в источниках.

Можно сделать обобщение: критики «вендских рун» не дают достаточных доказательств того, что данные руны являются фальсификацией. Выше мы приводили несколько отрывков из трудов Я. Лечеевского и И.В. Ягича — в этих отрывках содержатся скептические доводы по поводу западнославянских рунических памятников. Видно, что некоторые из этих доводов наивны и неубедительны, хотя некоторые в той или иной степени и резонны. Однако все приведенные доводы (даже убедительные) не позволяют считать

¹⁸ Видимо, в реальности эта руна действительно имеет специфическую выемку в верхней части, и поэтому разные рисовальщики фиксировали ее по-разному.

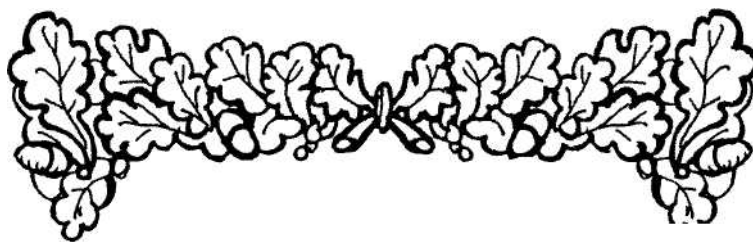
вопрос о подлинности или поддельности «вендских рун» решенным окончательно.

Надо сказать, что два упомянутых выше автора издали свои критические исследования в начале XX века; по-видимому, их книги являются обобщением всей критики, высказывавшейся до того момента. В последующие десятилетия научный интерес к западнославянским руническим памятникам сошел практически к нулю — поэтому, надо полагать, в трудах Я. Лечеевского и И.В. Ягича содержится *достаточно полный* комплекс логических доказательств фальшивости «вендских рун». Как мы видим, этих доказательств не так уж и много. Проблема так и остается нерешенной.

Если грамматический анализ западноевропейских рун и не дает убедительных результатов, то вопрос об их поддельности или аутентичности может быть решен и другим способом — через доказательство поддельности или подлинности предметов, на которые эти руны нанесены.

Как нам кажется, *окончательно снять вопрос о подлинности западнославянских рунических памятников может только материальная экспертиза, проведенная непредвзятыми специалистами с применением современных технологий.*

Глава 2.2. Территория современной Германии

Прильвицкие коллекции А. Маша и Я. Потоцкого

В конце XVII века в местечке Прильвиц, находящемся в восточногерманской области Мекленбург близ города Ной-Штрелица, был обнаружен клад, состоящий из нескольких десятков странных металлических предметов. Эти предметы находились в массивном металлическом котле с ножками и были накрыты сверху, как крышкой, еще одним котлом. И на сосудах, и на содержащихся в них предметах имелись многочисленные рунические надписи. Помимо котлов и их содержимого в земле было обнаружено много древней металлической утвари.

Андреас Готлиб Маш, издатель наиболее полного описания коллекции, так излагает историю находки: «Всё собрание сохранившихся древностей наряду с несколькими предметами, которые уже безвозвратно утеряны, было обнаружено в Прильвице, а именно на старой Замковой горе, которая в настоящее время находится в пределах деревни, на северном склоне горы, неподалеку от берега реки Толлен-зе. Время, когда было сделано это открытие, точно установить не представляется возможным, так как найденный клад на некоторое время был спрятан. Определенно можно ска-

зять, что это произошло в прошлом веке, в период с 1687 по 1697 год. В это время владельцем деревни Прильвиц был господин фон Гамм. Открытие было сделано пастором Фридрихом Шпонхольцем, умершим в декабре 1697 года Сад пастора примыкал к северному склону высокого холма, который восточнее образует крутой берег озера; холм этот в настоящее время скрыт, а земля с него использована для подсыпки сада в дворянском поместье. При посадке дерева в своем саду, на берегу озера, пастор копнул землю и обнаружил эти сокровища, которые и взял себе на хранение. Не установлено, узнал ли господин фон Гамм об этом сразу, однако находка не осталась в тайне, о ней распространились слухи, которым одни верили, а другие опровергали. Расследование никогда не проводилось. Когда пастор Шпонхольц в 1697 году почил в бозе, вдова пастора продала все древние предметы, включая оба котла и железную утварь, ювелиру Пёльке из Ной-Бранденбурга. Здесь железная утварь была использована: оба котла переданы для отливки колокола в Ной-Бран-денбурге. Но собственно богослужебные предметы, хотя и не все, сохранились. Ювелир Шпонхольц, дальний родственник пастора Шпонхольца и зять ювелира Пёльке, получил это собрание в наследство от своего тестя»¹.

После смерти упомянутого Ф. Шпонхольца коллекция в количестве шестидесяти шести предметов осталась у вдовы и старшего сына (тоже ювелира). В это время о предметах узнал тамошний врач Хемпель, который приобрел сорок во-

¹ [Masch A.G.] Die Gottdienstlichen Altermüher der Obotriten aus dem Tempel zu Rhetra am Tollenzer See /Nach den Originalien auf das genaueste gemahlet, und Kupferstichen nebst Hrn Andreas Gottlieb Maschens Herzogs. Meklenb. Strelitzischen Hofpredigers, Konsistotal, Raths und Superintendentens; Erleutenung derselben herausgegeben von Daniel Wogen, Herzogl. Meklenb. Strel. Hofmahler. Berlin, 1771. § 4.

семь штук из них; остальные же вдова продала суперинтенданту из Ной-Штрелица А. Машу.

Приобретенные древности Маш описал в отдельном издании. Одновременно с А. Машем свою часть коллекции описал и доктор Хемпель².

По мнению А. Маша, предметы, найденные Ф. Шпонхольцем, происходят из знаменитой языческой святыни в городе Ретра, который когда-то находился вблизи Прильвица.

Согласно историческим данным, Ретра выделялась среди других западнославянских городов — здесь находилось крупнейшее святилище, почитавшееся не только местными жителями, но и населением окрестных славянских земель. Адам Бременский писал: «...их [славян-редарей] город повсюду известен, Ретра, центр идолопоклонства. Здесь выстроено большой храм для богов. Главный из них — Редегаст. Идол его сделан из золота, ложе — из пурпура. В этом городе девять ворот, и со всех сторон он окружен глубоким озером. Для перехода служит деревянный мост, но путь по нему открыт только для приносящих жертвы и испрашивающих ответы»³. Позже Гельмольд писал: «Ибо редари и доленчане желали господствовать вследствие того, что у них имеется древнейший город и знаменитейший храм, в котором находится идол Радегаста, и они только себе приписывали единственное право на первенство потому, что все славянские народы часто их посещают ради ответов и ежегодных жертвоприношений»⁴.

В годы, когда германские государства начали осуществлять экспансию на земли западных славян, Ретра неоднократно

² *Hempel D.* // *Altonaischer Mercurius*. 1768. № 34, 44; *Hempel D.* // *Rostockische gemeinnützige Aufsätze*. 1769. № 8—12.

³ Цит. по: Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 37.

⁴ Цит. по: Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 76.

разрушалась. Первый раз это произошло в 955 году — и город, и храм были уничтожены, а храмовые сокровища вывезены. Впоследствии Ретра была восстановлена, однако примерно в 1150 году она снова была разрушена, теперь уже окончательно. По мнению А. Маша, предметы, впоследствии обнаруженные Ф. Шпонхольцем, были изготовлены именно в годы между двумя разорениями Ретры и закопаны в землю в момент ее окончательной гибели. А. Маш так представляет себе атмосферу, в которой были созданы прильвицкие предметы: «Духовная суть и материальное воплощение идолов полностью соответствуют времени и условиям жизни. Представьте себе редариев, когда по их стране прокатилась война Ретра, их столица, куда они свозили свои сокровища, где на многочисленных островах они надежно сохранялись, была уничтожена и разграблена, а добыча была увезена из страны. Они объединились, чтобы вновь отстроить свой город и храм, воссоздать свои идолы. Они собрали весь металл, который могли найти (золото, серебро, медь, латунь), бросили его в тигель, чтобы отлить из него идолов, которые должны уберечь их страну от будущих опустошений. Это так соответствует обстоятельствам, в которых оказался ограбленный народ, озабоченный положением своей религии и возможности поклоняться своим богам, что и материалы, из которых отлиты идолы, говорят о подлинности описываемых раритетов и правильности определения времени их изготовления. Бедный венд отдает последнее, лишь бы иметь божества, которые он может почитать и посрамлять равнодушие многих христиан, которым скоро покажется излишним жертвовать частью своей собственности ради ре-

.5

⁵ [Masch A.G.] Die Gottdienstlichen Altertümer... § 56.

Надо заметить, что современные археологи не имеют единого мнения о том, где же в действительности находились знаменитый город и храм. Однако А.Маш в конце XVIII века считал, что сад пастора Ф. Шпонхольца, где был найден клад, находился именно на территории Ретры.

С момента обнаружения прильвицкой коллекции до ее обнаружения прошло почти сто лет. Давность событий затрудняла А. Машу и его современникам выяснение обстоятельств находки и не позволяла в должной мере оценить степень ее аутентичности. Это послужило одной из причин для сомнений ученого мира в подлинности предметов. Так, вскоре пастор Зенсе из Варлина⁶ отверг возможность того, что предметы являются славянскими языческими идолами, положив начало научной дискуссии. В защиту памятников выступили доктор Таделль и пробст Генцмер.

Разразившийся спор подвигнул А. Маша на приобретение у доктора Хемпеля второй части древностей — коллекция вновь была объединена. А. Маш попросил придворного художника Д. Вогена зарисовать предметы коллекции; рисунки были перенесены на медь, и эти гравюры были изданы в большом труде А. Маша, который хотел убедить общественность в аутентичности идолов⁷.

Дискуссия продолжилась: книга А. Маша вызвала суровую критику со стороны профессора Яна Тунмана⁸. С критикой выступил также и Самуэль Бухгольц⁹ — он, в общем-то, не подвергал сомнению подлинность самих статуэток, но воз-

⁶ *Sense //Nutzliche Beitrage zu den Strelitzischen Anzeigen*. 1768. №21-23.

⁷ *[Masch A.G.] Die Gottdienstlichen Altertumer...*

⁸ *Tbunman J. Untersuchung ueber die alte Geschichte einiger nordischer V61ker*. Berlin, 1772.

⁹ *Buchholz S. Rhetra und dessen Gotzen*. Biitzow und Wismar, 1773.

ражал против концепции Маша, привязывающего средневековую Ретру к Прильвицу. Маш неоднократно отвечал на обвинения¹⁰. Впоследствии все свое собрание он передал на хранение в город Рацебург.

История прильвицких статуэток вступила в новую фазу, когда писатель граф Ян Потоцкий, путешествуя в этих местах в 1794 году, встретил в Ной-Бранденбурге Гедеона Шпонхольца, младшего брата ювелира, и нашел у него новую коллекцию славянских древностей — 118 предметов, подобных старинным предметам первого собрания. Мало интересуясь, откуда снова взялось столько идолов, Потоцкий, обрадованный открытием, приказал зарисовать предметы новой коллекции и издал их¹¹.

В своей книге, написанной в жанре путевого дневника, Я. Потоцкий описал историю своего знакомства с коллекцией довольно коротко. В записи за 13 августа 1794 года он упомянул о встрече с А. Машем в Ной-Штрелице: «Я провел там многие часы в обществе господина Маша, главного управляющего церковей, и беседа с ним мне показалась столь же поучительной, как и его работы».

Запись за 14 августа: «...от Пенцлина я взял курс на Прильвиц, чтобы увидеть старинную Ретру, но поскольку господин Маш описал ее более двадцати лет назад, то я с трудом смог там сориентироваться. Названия Ретраберг и Темпельберг вышли из употребления и ныне забылись. Холма, где стоял храм, также более не существует. Земля была

¹⁰ *Masch A. // Beitrage zur Erlauterung der Obotritischen Alterthumer. Schwerin und Gustrow, 1774. Masch A. Von den Grabmalen der Wenden.*

¹¹ *[Potocky J.] Yoyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquites Slaves ou Venedes. Fait en 1794 par le comte Jean Potocki. Hambourg, 1795.*

перевезена в соседнее болото, которое хотели осушить. Старая славянская крепость превратилась в английский сад, а место старой саксонской башни заняла беседка. Славянское кладбище перепахано, а симметрично уложенные там ранее камни разбросаны по равнине, как и прочие надгробные камни. <...> Сейчас лишь несколько намогильных холмов свидетельствуют, что здесь жили и были погребены славянские князья...

Я простился с пастором Прильвица и вернулся в Пенц-лин, откуда направился в Ной-Бранденбург, чтобы увидеть кабинет г-на Шпонхольца, в котором, как меня уверяли, хранились сокровища славянских древностей.

Кабинет господина Шпонхольца превзошел мои ожидания, и я решил посвятить ему несколько дней».

16 августа; «Я зарисовал идолов, восемь чаш, а также жертвенные ножи; каждый объект с двух сторон, потому что идолы в своем большинстве имеют по крайней мере два лица, как и потому что почти все надписи сделаны на спине. Все, что я зарисовал сегодня, находится в Прильвице, как и зарисованные г-ном Машем. Однако те, что остались у г-на Шпонхольца, массивнее и во всем интереснее, чем другие. Но г-н Шпонхольц по причинам нравственного порядка посвятил этой эпохе лишь меньшую часть своего кабинета, и то лишь после того, как г-н Маш прекратил поиски славянских древностей, поскольку успехи, сопровождавшие начало этого увлечения, внушали Шпонхольцу более доверия».

17 августа; «Сегодня я зарисовал вторую часть коллекции кабинета г-на Шпонхольца, которая состоит из большого числа бронзовых пластин с рельефными изображениями, найденных им в принадлежащей ему местности среди большого количества урн <...> в буквальном смысле вырытых из земли. Г-н Шпонхольц был столь любезен, что сопровождал

меня по всем местам, где, по его предположениям, можно было почти наверняка успешно вести раскопки».

Через несколько дней Ян Потоцкий посетил Рацебург, где осмотрел коллекцию А. Маша и еще некие древности (по тексту книги не ясно, каково их происхождение): «Моей первой заботой было посещение библиотеки, чтобы увидеть хранящиеся там славянские древности. Они размещены в двух шкафах в форме ротонды, увенчанных идолами Радега-ста, что придает им вид храмов.

Первый шкаф заключает идолов, которых господин суперинтендант Маш уже описал, и даже, может быть, слишком подробно <...>

Второй шкаф содержит другие идолы и амулеты, которые по большей части принадлежат ко времени, когда обо-триты уже отказались от христианства, вернувшись к своей старой религии. В это время они уже утратили древние образцы. Некоторые Радегасты имеют усы и маленькую бородку на подбородке, как это было в обычае у старых господ того времени. У других на головах короны с заостренными концами, как у царя Давида, что можно видеть в готических церквях. Здесь уже нет этого смешения драгоценных металлов, как у идолов, найденных в Прильви-це. Наоборот, внешность идолов точь-в-точь походит на наши известняки, смешанные с перцем. И наконец, они не имеют ни патины, ни медной ржавчины. Однако, так как эта последняя пора язычества небезынтересна для истории славян, я решил остаться здесь на весь завтрашний день, чтобы их зарисовать».

Далее Ян Потоцкий приводит дополнительные сведения о коллекции Г. Шпонхольца: «Когда суперинтендант Маш захотел ознакомиться с древностями, которые находились в собственности г-на Шпонхольца, этот последний показал ему

лишь самую малую их часть, и это по причине морального характера, о чем я сказал выше.

С того времени как г-н Шпонхольц решил не сохранять больше свой кабинет в особой тайне, он уверял меня, что я был первым, кому он показал его полностью, без всякой утайки. Я зарисовал у него идолов и другие предметы, найденные в Прильвице и составлявшие часть собрания, которому г-н Маш доставил неприятности. После этого он с особенным удовольствием предоставил мне для зарисовки ту часть собрания, которая оставалась неизвестной Машу. Тот, по-видимому, даже не знал о ее существовании. Когда я имел честь видеть его в Штрелице, он действительно порекомендовал мне только направиться в Рацебург, ничего не сказав о Ной-Бранденбурге <...> ».

Труд Потоцкого обратил на себя большое внимание; тогдашний мекленбургский князь Карл приобрел в 1804 году оба собрания: и старое (Андреаса Маша), и новое (Яна Потоцкого)¹².

Князь Карл сделал коллекцию доступной научному миру и научной критике. Первым осмотрел полное собрание Рюс — после осмотра он заявил о своем сомнении в их подлинности. Также высказался и Иозеф Добровский: «Не могу утаить, что сразу же при первом о них объявлении высказывались различные подозрения в их аутентичности. Мне кажется, что в этом кладе очень много божков и предметов подозрительных, но не смею утверждать ничего основательно»¹³. Гораздо более суровый суд вынес Якоб Гримм: «Из достойных доверия уст рецензент (Гримм) знает — а ученые из Ростока должны об этом знать даже больше, — что в прошлом столетии

¹² См.: *Leipziger Literatur-Zeitung*. 1805. № 20. *Intelligenzblatt*.

¹³ *Dobrowski*}. // *Slowanka*. II, 174.

мекленбургский ювелир маленькие божки находил и делал»¹⁴. Подобное мнение Гримм высказывал и позже¹⁵. В 1825 году Конрад Левезов предпринял специальное путешествие в Ной-Штрелиц, чтобы там своими глазами увидеть обе коллекции. Он сделал вывод, что большая часть статуэток неаутентична, а некоторые из них, возможно, были изготовлены в XVI-XVII веках¹⁶.

Многочисленные научные споры подтолкнули мекленбургского князя Ежи к созданию комиссии с целью изучения памятников. Исследования эти длились с 26 сентября 1827 года по 10 августа 1829 года, т.е. в течение почти двух лет. Окончательный вывод был оглашен 3 октября 1829 года.

Согласно мнению комиссии, первая часть коллекции — та, которую описал Андреас Маш, — была признана подлинной.

Что касается второй части коллекции, было высказано мнение, что памятники, описанные в труде Потоцкого, были сфабрикованы. Подозрение пало на упоминавшегося выше младшего сына Шпонхольца — Гедеона. Когда его брат продал доктору Хамплю статуэтки первой части коллекции (собрания Маша), Гедеон упрекал его за это и начал заниматься древностями. Он (иногда при участии помощников) производил раскопки в окрестностях Прильвица и Ной-Штрелица; из выкопанных Гедеоном Шпонхольцем предметов образовался домашний музей, в который попали также древности, впоследствии опубликованные Яном Потоцким.

¹⁴ *Grimm J.* Deutsche Alterthumskunde // Gottingher gelehrte Anzeigen. 1815. № 52. S. 513.

¹⁵ См.: *Grimm J.* // Gottingher gelehrte Anzeigen. 1825. S. 518.

¹⁶ *Lewezow K.* Ueber die Echtheit der sogenannten Obotritischen Runendenkmaler zu Neustrelitz. Berlin. 1835.

Следствие вышло на ной-бранденбургского гончара Похля, который в свое время изготовил, согласно полученным указаниям, глиняные формы, в которых Гедеон Шпонхольц и отливал свои древности. В каждой форме делалась лишь одна отливка, после чего форма уничтожалась. На отлитых статуэтках помощник ювелира Нейманн резал руны, изображения которых брал из уже вышедшей на тот момент книги А. Маша. В документах встречается утверждение, что Похль был малосведущим человеком и что вся его библиотека состояла из вышеуказанной книги Маша.

Выводы комиссии не положили конца ученым спорам. Так, Левезов в исследовании, предложенном Берлинской академии наук в 1834 году, усомнился в подлинности не только второй, но и первой серии. Он писал: «Не могу себе после всех многолетних исследований об их происхождении и их внешнем виде представить ничего, кроме как следующее: мастер был отливщиком металлов очень невысокого мастерства либо просто дилетантом, вероятнее всего, XVIII века, ежели сведения об их обнаружении правдивы»¹⁷. Еще более суровое суждение об этих божках высказал Шафарик: «Идите себе <идолы> из святынь нашей древности за вашими мастерами, куда вам и надлежит идти — до Эрба!»¹⁸ Против аутентичности статуэток выступил Лиш, который сосредоточился прежде всего на исследовании их пластики¹⁹. Также из-за пластики критиковал коллекцию Г.М. Маш²⁰. Позже

¹⁷ *Lwczow K.* Ueber die Echtheit der sogerwnnten... S. 204.

¹⁸ *Safarik P.* Podobizna Cernoboha v Bamberku // *Casopis Ceskeho museum.* Praha, 1837. Цит. по: *Leciejewski*). Runy i runiczne pomniki... С 57.

¹⁹ См.: *Jahrbucher des Vereins für Meklemburgische Geschichte.* 1836. Т. XVII. S. 36.

²⁰ См.: *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 55.

против признания аутентичности коллекции выступали АМалецкий²¹, И.В.Ягич²², Д.О. Шеппинг²³.

В то же время на защиту коллекции встали российский археолог Булгарин²⁴, шведский рунолог Финн Магнуссен²⁵, немецкие исследователи Л. Гизебрехт²⁶, И. Боли²⁷, польский историк И. Лелевель²⁸. Во второй половине XIX века в пользу аутентичности памятников высказывались Л. Суровецкий²⁹, Т. Воланский³⁰, В.Цибульский³¹, К. Шульц³², А. Пшезджецкий³³, А. Пекощинский³⁴.

²¹ Malecki A. Co rozumiec o runach slowianskich i o autentycznosci napisow na Mikorzynskich kamieniach // Roczniki Towarzystwa Przyjaciol nauk poznanskiego. Poznan. T. 7. S. 126.

²² Jagic V. Zur slavischer Runenfrage // Archiv fur slavische Philologie Bd 5. Hf. 3.1881. S. 193.

²³ Шеппинг А-О. Мифы славянского язычества. М., 1997. С. 4—5. (Переиздание).

²⁴ См.: Russland in historischer statistischer, geographischer und literarischer Beziehung; ubers. v. H. v. Brachel. Riga; Leipzig, 1839.

²⁵ Magnussen F. Runamo og runerne. 1842.

²⁶ Giesebrecht L. // Historische Zeitung, von Schmidt. 1842. См. также: Giesebrecht L. Ueber die Religion der wendischen Volker // Baltische Studien. VI. Jahrg. I Heft. Stettin, 1838. S.239; Wendische Geschichte. Berlin, 1843. T.I. S. 64.

²⁷ Boli J. // Wochenblatt fur Mecklenburg-Strelitz. 1850. №. 41 -44.

²⁸ Lelewel I. Polska wiekow srednich. Poznan, 1846. S. 400.

²⁹ Surowiecki. O charakterze pisma runicznego (см. Surowiecki. Dzieia Wawrz. Krakow, 1861. S. 540. Также см.: Суровецкий Л. Нечто о рунических письменах// Северный архив. 1822. № 24. С.440—441.

³⁰ Wolanski T. Briefe iiber slavischen Alterthiimer, I Sammlung. Gnesen, 1846.

³¹ Cibulski W. Obecny stan nauki o runach slowianskich // Rocniki Towarzystwa Przyjaciol, nauk poznanskiego. Poznan, 1860. T. I.

³² Szulc K. Autentycznosc kamieni mikorzynskich zbadana na miejscu // Roczniki Towarzystwa Przyjaciol nauk poznanskiego. Poznan, 1876. T. IX.

³³ Przedziecki A. O kamieniach Mikorzynskich. Krakow. 1872.

³⁴ Piekosinski A. Kamienie Mikorzynskie. Krakow. 1896. S. 26-27.

Непрекращающиеся научные баталии снова послужили поводом для разбирательств мекленбургского совета. Многие верили в славянское происхождение древностей, было решено пригласить в качестве эксперта славянского ученого. Для этого был выбран Ян Колляр, профессор славянской археологии из Вены. Он отправился в Ной-Штрелиц, а вернувшись оттуда, читал в Вене публичные лекции, в которых все древности — и Маша, и Потоцкого — признал подлинными, а Нейманна, который под присягой сообщил суду о фальсификации памятников, обвинил во лжи. Колляр посвятил прильвицкой коллекции двухтомный труд³⁵, который должен был быть издан в России под личным патронатом одной из великих княжен. К сожалению, книга Я. Колляра так и не увидела свет. Даже не будучи изданной, книга подверглась резким нападкам: И. Гануш, ознакомившись с рукописью, утверждал, что «научная критика о подлинности заявленных божков, и тем более рунология, вперед бы не продвинулись»³⁶.

И. Гануш был автором, пытавшимся достичь золотой середины в научной битве вокруг прильвицкой коллекции. Он формулировал свою точку зрения с осторожностью: «У Потоцкого с уверенностью, у Маша с вероятностью большая часть сфальсифицирована».

В XX веке споры вокруг прильвицкой коллекции утихли, причем утвердилось мнение об неаутентичности коллекции. Тем не менее ситуация явно неоднозначна. Мы приводим здесь длинные списки фамилий авторов XVIII—XIX веков для

³⁵ *Kollar J.* Die Getter von Rhetra oder mythologische Alterthümer der Slaven, besonders im westlichen und nordlichen Europa.

³⁶ *Hanus I.J.* Mitglied und Bibliotheker der K. Bohm. Gesellschaft der Wissenschaft in Prag. Zur slavischen Runenfrage... // *Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen*. Wien, 1857. T. 17. S. 16. Цит. по: *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 58.

того, чтобы показать — в те времена было множество ученых, признающих прильвицкие статуэтки подлинными (по крайней мере, подлинными с определенной степенью вероятности). В те времена работали авторитетные комиссии, призванные прояснить вопрос, и выводы этих комиссий позволяют говорить о подлинности отдельных частей коллекции (прежде всего, о подлинности предметов, опубликованных А. Машем).

В Приложении 1 мы воспроизвели все гравюры первой части прильвицкой коллекции, сопроводили эти гравюры комментариями, зафиксировали рунические надписи и привели их фонетическую расшифровку.

А.Г. Маш, описывая коллекцию, упоминает следующие детали: «Мелкие фигурки, которые я считаю изображениями подчиненных богов, в сравнении с теми, которые я считаю памятниками, в целом обработаны очень чисто, и все их детали правильно сочетаются. Об изображениях храмовых богов подобное утверждать невозможно, они вообще изваяны топорно и бесформенно. Некоторые детали или целые предметы хороши и изящны, а другие плохо подходят, плохо сочетаются со всем изображением. Сравнение деталей друг с другом позволяет высказать следующие замечания <...>:

1. Фигуры созданы с помощью литейных форм, состоящих только из двух частей, поэтому изгибы и углубления либо

отсутствуют, либо, если этого невозможно было избежать, заполнены металлом. На некоторых статуэтках, например Вода и Цирнитры, отчетливо видно, что формы не совсем подходят друг к другу.

2. Внутри почти все фигурки полые. На некоторых, особенно поврежденных, фигурках отчетливо видно, что в фор-

му укладывалась твердая, обработанная вручную масса; а затем, в случае, если изображение намеревались установить вертикально, в отверстие вставлялся металлический шест.

3. У вендов были штампы, которые вдавливались в мягкую форму, благодаря чему на многие статуи были нанесены одинаковые рисунки — например, изображения жуков, лучников, человеческих лиц, встречающиеся на совершенно разных предметах.

4. Венды могли отдельно обрабатывать и отливать мелкие детали, а затем, при окончательном литье, соединять их с более крупными деталями. Данная технология хорошо заметна, например, на статуе Ипабокга (№ 9) и жертвенной чаше № 45.

5. В соответствии со своими вкусами венды украшали не некоторые изображения шипами. Судя по внешнему виду, эти шипы втыкались в мягкую форму и при отливке соединялись с жидким металлом.

6. Представляется, что не обязательно все части фигур выполнялись одним и тем же мастером. У некоторых изображений лицо прекрасно, а все остальное выполнено весьма грубо.

7. Одно изображение идола могли переделать в другое, изменяя некоторые его части. Некоторые идолы представляли собой частичную копию других»³⁷.

Все предметы первой части прильвицкой коллекции достаточно реалистичны, изготовители явно были знакомы с образцами классической античной скульптуры. А. Маш считал, что в работе над фигурами принимали участие иностранные специалисты. Он писал: «Я делаю вывод, что именно греческие мастера изготовили предметы, которые свидетельствуют о мастерстве их авторов. Что касается изображений

³⁷ [Masch A.G.] Die Gottdienstlichen Alterttimer... § 44.

храмовых богов, то об их авторах можно сказать, что по сравнению с греческими мастерами они были только дилетантами. Невозможно с уверенностью определить, кем были эти люди. Тем не менее я позволю себе высказать предположение. Без сомнения, идолы должны были стать святынями, создание их изображения не могло быть поручено профанам. Жрецы, веиделы, т.е. ученые люди среди своего народа, сами создавали и отливали изображения, возможно, в самих храмах. Так как они знали о своей неопытности в изобразительном искусстве, то поручали какому-то мастеру рисовать и ваять некоторые главные детали: лицо, руку, жука и другие мелкие фигурки. Все остальное жрецы как могли изготавливали сами. Так появлялся идол, священный благодаря участию в его создании жреца, но одновременно с этим и свидетель неумелости его авторов. В данном случае я думаю, что венды — один из европейских языческих народов, у которых идолы создавались руками жрецов. Поэтому Тертулиан называл их *artifices idolorum*»³⁸.

А. Маш привел несколько доводов в пользу аутентичности коллекции. Среди этих доводов — слишком малая цена, заплаченная за предметы, патина, их покрывающая, специфические повреждения:

«После того как я описал эти раритеты под углом зрения их предназначения, мне следует оценить их также с другой стороны, более подробно коснувшись как материалов, из которых они изготовлены, так и некоторых других привходящих обстоятельств, связанных с ними. Также и они подкрепят доказательства подлинной древности этих предметов. Все фигурки отлиты из металла, определить свойство которого трудно. Внешний осмотр и проведенные пробы показали, что

³⁸ [Masch A.G.] Die Gottdienstlichen Altertiimer... § 45.

в данном случае речь идет о сплавах различных руд <...> Наши идолы [были отлиты] — из сплава золота, серебра, меди и латуни, причем обнаружено различное содержание серебра в разных предметах. А в одном — сплав, содержащий на одну пятую свинец. При описании каждого предмета я буду точно указывать состав металла <...>

Можно считать обоснованным вывод, что эти предметы не являются подброшенными и поддельными, как это хотят представить те, кто их видел только один раз и не обладает знаниями о Древнем мире. Для изготовления подделок потребовались бы слишком большие затраты, так как нужно было бы смешать так много серебра с незначительным количеством других металлов. Изображение Швайкстикса, в котором металлы равномерно перемешаны во всех частях статуи, в чем я, впрочем, сомневаюсь, содержит серебра почти на 70 рейхсталеров, а в другом предмете содержание серебра превышает 20 рейхсталеров. Что же за обманщик должен быть в этом случае, который приложил чрезвычайные усилия и пошел на значительные траты — и не получить взамен ничего?! Этого достаточно, чтобы отвергнуть эти подозрения.

Другое привходящее обстоятельство — это цвет, который приобрели идола и другие предметы клада. Если бы они были блестящими и чистыми, то можно было бы поверить, что они подброшены обманным путем. Напротив, многие из этих предметов имеют неподражаемый зеленый цвет и покрыты пленкой, называемой благородной патиной. Знатоки древностей знают, как много значит это обстоятельство в истории антиквариата, и если предпринимается попытка подделать патину, то можно легко обнаружить и отличить подделку от настоящей пленки. Таким образом, и цвет идола доказывает, что они созданы несколько веков назад.

Третье обстоятельство — большие повреждения у всех предметов вследствие влияния на них огня. Визуальный осмотр убеждает любого, кто знакомился с этим собранием, что все предметы побывали в сильном огне, который оплавил их в некоторых местах. Следы огня заметны не только в разных отверстиях, но можно найти места, где металл стекал каплями. На более крупных предметах или храмовых идолах особенно заметно то, что металлические стержни проходили от подставок до голов статуй и, по всей видимости, своими нижними концами прикреплялись к деревянным подставкам, которые, сгорая, и привели к повреждениям. Авторы рисунков и гравюр попытались с точностью их воспроизвести. Возникает вопрос, что это был за огонь, причинивший такой ущерб ретрским божествам? История раскрывает нам эту причину. Князь Никлот и граф Адольф Голштинский и были теми, кто полностью разрушил город Ретру и прошелся плугом по его земле. Тем самым город был приговорен к полному исчезновению, чтобы никто и никогда не мог его отстроить заново. Поэтому и стало спорным истинное расположение города. Не было другого средства до основания разрушить город и храм, кроме огня, и именно он охватил находившиеся в храме священные предметы, раскалил добела металлические стержни и стал причиной повреждения идолов и прочих предметов»³⁹.

А. Маш произвел классификацию предметов коллекции: «Как мне представляется, в собрании имеются предметы трех видов. К первой группе относятся статуэтки богов, ко второй — всевозможная утварь, а к третьей — несколько предметов, которые я называю памятниками. Первую груп-

³⁹ [Masch A.G.] Die Gottdienstlichen Altertumer... § 56-58.

пу можно разделить на три части: во-первых, храмовые боги; во-вторых, подчиненные боги; в-третьих, полубоги»⁴⁰.

Коллекция А. Маша неоднородна с художественной точки зрения. Наиболее крупные предметы — статуэтки божеств (№ 1, 2, 4, 5 и др.) — выполнены в оригинальном стиле. И наоборот, многие предметы мелкой пластики (№ 19—22 и др.) копируют классические скульптурные образцы и даже вызывают ассоциации с предметами искусства Нового времени.

Многие предметы напоминают серийные изделия (№ 19—25-30; 26-27; 33-42).

Наличие в коллекции разнородных предметов некоторыми исследователями рассматривалось как доказательство неаутентичности всей коллекции. Так, И.И. Срезневский, не скрывая раздражения, пишет: «Присматриваясь к ним, нельзя не отказаться от всякой возможности доказывать их подлинность: в числе изображений встречаются фигуры рыцарей и охотников, маркиз и маркизов, амуров и психей...»⁴¹ В общем-то, довод И.И. Срезневского недоказателен: вовсе не исключено, что к собранию старинных металлических предметов, хранившихся у пастора Ф. Шпонхольца, могли быть добавлены и современные изделия. Вспомним, что первые хозяева коллекции не ставили себе целью сбор коллекции древностей; скорее всего, интересующие нас предметы были для них всего лишь запасом металла, годного на переплавку. В таком случае и Ф. Шпонхольц, и Пёльке без всякого злого умысла могли добавить в кучу лома любые предметы, лишь бы они были изготовлены из соответствующего металла.

⁴⁰ [Masch A.G.J Die Gottdienstlichen Altermüer... § 41.

⁴¹ Срезневский И.И. Древние письма славянские//Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1848. 4.9. Отд. 1. С. 22.

Многие изобразительные элементы неоднократно повторяются на различных предметах коллекции. Например, это можно сказать о специфических зигзагообразных линиях (на предметах № 43, 46 (?), 48), изображениях муравья (№ 14, 50, 59), сидящего скорченного человека (№ 15, 16, 51, 59) и т.д. Частично это объясняется фактом, отмеченным А. Машем: изготовители скульптур использовали при работе заранее заготовленные элементы и штампы.

Интересно сравнить прильвицкие статуэтки с изображениями западнославянских божеств, накопившимися в литературе на момент обнаружения коллекции (к концу XVIII века). В качестве примера рассмотрим изображения бога Радегаста.

Западнославянский бог Радегаст упоминается в записках Гельмольда (XII в.), описывавшего Ретрский храм: «Наружные стены храма украшены были чудесной резьбой, представлявшей изображения различных богов, страшных на вид, так как они снабжены были полным вооружением и одеты в шлемы и латы. И лишь один бог был совершенно нагим, даже срамные части его ничем не были прикрыты, — этот идол принадлежал самому Радегасту <...> Сколько было в стране областей, столько же было храмов и кумиров, но ретринский храм у ободритов пользовался особым почитанием и уважением»⁴². В своих записках Гельмольд использует более ранние хроники Адама Бременского⁴³.

В хронике Боттона, датируемой 1492 годом, содержится изображение бога Радегаста, несколько отличающееся от

⁴² Цит. по: *Гельмольд*. Славянская хроника. М., 1963. ⁴¹ *Magistri Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*. Ed. 3. Hannoverae et Lipsiae, 1917.

a

б

в

г

Рис. 18. Изображения Радегаста: а — по Машу (1774 г.),
б — по Ботону (1492 г.), в — по Монфакону (1722 г.),
г — по Вестфалену (1740 г.)

описаний Гельмольда и Адама Бременского. Нам не известно, какими источниками пользовался хронист, но изображение содержит несколько дополнительных деталей. Во-первых, на голове Радегаста помещается птица с распростертыми крыльями, во-вторых, на груди у него — щит с изображением быка, высунувшего язык (рис. 18 б).

Данный иконографический тип впоследствии неоднократно воспроизводился в исторических произведениях: у Б. де Монфакона⁴⁴, Е.Л. Вестфалена⁴⁵ и др.

При сопоставлении скульптур Радегаста из книги А. Маша с изображениями, представленными на рисунке 18, видно, что в целом они похожи, но в деталях различаются. Практически невозможно составить непредвзятое суждение — изготовлены ли прильвицкие скульптуры человеком, знакомым с перечисленными выше книгами или же нет. Дело в том, что трудно определить степень достоверности изображений у Боттона, Б. де Монфакона, Е.А. Вестфалена. В принципе эти авторы могли пользоваться вполне правдивыми книжными и фольклорными текстами, не дошедшими до нас, — однако вплоть до середины XIX века считалось необязательным давать в научных трудах ссылки на источники. Поэтому некоторые детали в книжных изображениях Радегаста в равной степени могут быть как отображением неких реальных фактов, так и плодом фантазии. Соответственно, толкователь при сопоставлении этих рисунков может вынести противоположные суждения. Скептически настроенный исследователь сделает вывод, что «фальсификатор» изготовил прильвицкие

⁴⁴ *Montfaucon B. de. L'Antiquite expliquee et representee en figures. Paris, 1722.*

⁴⁵ *Westphalen E.J. Monumenta inedita rerum Germanorum. Lipsiae, MDCCXL (1740).*

статуэтки, основываясь на вышедших ранее книгах. Доброжелательный исследователь, напротив, посчитает, что сходство прильвицких Радегастов с книжными рисунками свидетельствует не только о подлинности находок А. Маша, но и об определенной степени достоверности в книжной изобразительной традиции.

Однако обратим внимание на одно различие между статуэтками А. Маша и изображениями Боттона, Монфакона, Вестфалена. В перечисленных изданиях на голове Радегаста находится орел с распростертыми крыльями, а у Маша — водоплавающая птица. Если бы «фальсификатор» слепо следовал современной ему книжной традиции, он должен был бы уделить внимание такому часто встречающемуся элементу, как орел с поднятыми крыльями (см. рис. 18 б—г⁴⁶). Но на голове Радегаста оказался изображен вовсе не орел, а водоплавающая птица — персонаж, действительно встречающийся в славянском мифологическом фольклоре.

На предметах первой прильвицкой коллекции водоплавающая птица занимает «почетное» место — на головах божеств или в центре композиций⁴⁷. Центральное положение позволяет предположить, что она является очень значимым мифологическим персонажем. И действительно, в многочисленных славянских дуалистических легендах о сотворении мира два бога-Творца часто представляются как водоплавающие птицы (утки, гоголи, гуси и др.)⁴⁸. Во многих вариантах данного сюжета водоплавающая птица не ассоциирует-

⁴⁶ Изображение орла, распростершего крылья над головой верховного западнославянского божества см. также: *Bote K. Saechsish Chronicon*. Wittenberg, 1596.

⁴⁷ Предметы № 1-3, 41, 44.

⁴⁸ См.: *Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции*. Новосибирск, 1998.

ся с Творцами, но является их помощницей, исполнительницей демиургического действия: она ныряет на дно океана и достает оттуда немного земли, из которой Бог и творит сушу. Высказывалась мысль, что сюжет о ныряющей птице-Демиурге был заимствован из финно-угорской мифологии, однако данная гипотеза маловероятна ввиду широкой распространенности сюжета в славянских землях и бытовании его далеко за пределами зоны контактирования с финно-угорскими племенами.

Тот факт, что изображение водоплавающей птицы соответствует реальной мифологической традиции, хотя при этом не соответствует традиции книжной, свидетельствует в пользу подлинности предметов первой прильвицкой коллекции. Тем более что мы далеко не уверены, мог ли вообще «фальсификатор», живший в немецких землях не ранее 1760-х годов, быть знаком со славянскими дуалистическими легендами о сотворении мира.

Если придерживаться мнения, что первая часть прильвицких статуэток была изготовлена фальсификатором, то следует признать, что этот фальсификатор был прекрасно осведомлен не только о славянской, но и об иранской мифологии, поскольку в статуэтках коллекции заметны явные параллели с иконографией иранского бога Митры.

1. Митра часто изображался с лучами, исходящими от его головы (рис. 19 а). Видимо, подобные лучи и изображаются «шипам» (по выражению А. Маша), которые присутствуют на предметах № 5, 6, 7, 9 (?), 14 (?), 48, 49.

2. Митра часто изображается как антропоморфное существо с львиной головой (рис. 19б). Именно такие персонажи представлены статуэтками № 1, 2, 3, 5. Вообще, изображение льва очень часто встречается среди предметов из Прильвица — см. № 3, 11, 12, 17, 44, 47, 64 (?).

Рис. 19. Древнеримские изображения Митры

3. Одним из основных мотивов, сопутствующих образу иранского Митры, является мотив убийства быка. Статуэтки из прильвицкой коллекции (№ 1—3), изображающие персонаж со львиной головой, содержат также и изображение бычьей головы. Бычья голова помещается на груди фигуры —

создается впечатление, что львиноголовый персонаж держит ее в руке.

4. Типичный элемент изображения Митры — змея, которая обвивает тело бога от ног до головы (рис. 19 б). Тот же изобразительный мотив — см. статуэтки № 4, 5.

Присутствие культа Митры в западославянских землях вполне возможно. Во времена поздней античности культ Митры был распространен очень широко; в частности, мит-

раизм был известен на территории всей Римской империи, отмечается особенная его популярность среди римских легионеров. Поклонниками Митры считались даже некоторые из римских императоров. В литературе неоднократно высказывалась гипотеза, что культ Митры ввиду своей универсальности мог со временем стать «всеобщей» религией, если бы это место не заняло христианство. Вполне возможно, что с культом Митры были знакомы и западные славяне, контактировавшие с античным миром. Славянам были известны сакральные понятия, которые олицетворял Митра, — божественный порядок, божественный «договор»⁴⁹; идея солнцепоклонничества была близка славянам, как и многим другим народам; образ Митры, убивающего быка, укладывался в рамки так называемого «основного мифа индоевропейцев», повествующего об убийстве хтонического демона. Не исключено, что при митраистском влиянии, происходившем со стороны римской цивилизации, культ данного бога мог проникнуть и на территорию западных славян. Также черты Митры могли быть использованы в иконографии славянских божеств. Стоит сказать, что В.Н. Топоров, анализируя образ этого бога, указал на соответствие русского выражения «мир да бог» митраистским формулам: авест. *miθrā^h bāγa^h* — Митра Бага (бог), согдийск. *myšyū βγyū*, ведийск. *mitra-bhaga*⁵⁰

Как мы видим на примере Радегаста и изображений, содержащих отсылки к иконографии Митры, «фальсификатор» проявлял немалую осведомленность и в славянской, и в античной мифологии. Несомненно, корректность мифо-

⁴⁹ См. напр.: *Серяков М.Л.* «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. М., 2001.

⁵⁰ *Топоров В.Н.* Митра // Мифы народов мира. Т. 2. С. 155.

логического материала говорит в пользу того, что «фальсификатора» и вовсе не было, а первая часть прильвицкой коллекции подлинна.

Как уже говорилось в главе 2.1, надписи на предметах первой прильвицкой коллекции сделаны с помощью рунического алфавита, несколько отличающегося от классического «датского футарка».

Большая часть слов, написанных на предметах с помощью рун, является именами собственными (иногда сокращенными). Эти имена называют богов, которые представлены фигурками Белобога, Радегаста, Прове, Криве, Святовита, Чернобога. Часто встречаются отдельные руны — возможно, это обозначения конкретных имен или магических посылов.

Отдельную группу предметов составляют жертвенные ножи, на которые также нанесены имена богов (по-видимому, каждый нож был посвящен одному богу).

И.В. Ягич отмечал, что на гравюрах Вогена руны выглядят несколько более аккуратно, чем в действительности.

Некоторые рунические слова, нанесенные на фигурках, имеют по несколько вариантов написания. Так, выше (гл. 2.1) мы уже приводили различные варианты написания слова «Ретра», встречающиеся на предметах первой части коллекции. Такой буквенный разнобой необъясним, если рассматривать руны как произведение фальсификатора. Если же допустить их подлинность, то возможны несколько объяснений.

Во-первых, разночтения позволяют предположить, что на момент нанесения надписей строй «вендских рун» еще не сформировался в достаточной степени. Поэтому различные резчики наносили руны произвольно, «на слух».

Во-вторых, можно предположить, что надписи, как и статуэтки, были расположены в различных славянских областях и были впоследствии присланы в крупный религиозный центр — Ретру. В таком случае различия в написании слов могли возникать не только из-за несформированности единого алфавита, но и вследствие того, что разные написания одного и того же слова могут отображать фонетические особенности разных славянских говоров.

В Приложении 2 мы приводим несколько изображений из книги Я. Потоцкого, нарисованных, как надо понимать, им самим.

Несомненно, что предметы, опубликованные Я. Потоцким, типологически близки предметам первой прильвицкой коллекции. Повторяются многие характерные черты статуэток А. Маша: «лучи» вокруг головы, бычья морда на груди, птица на голове и т.д. Например, статуэтка № 17 из коллекции Я. Потоцкого довольно точно повторяет основные черты статуэток № 1 и 2 из коллекции А. Маша.

Первая коллекция в большинстве своем состоит из идолов и жертвенных ножей, каждый из которых посвящен конкретному идолу (о чем сообщает поясняющая надпись). Соответственно, и вторая коллекция включает те же группы предметов — идолы и ножи. Кроме того, в обеих коллекциях присутствует много подносов с сакральными надписями. Одинаков и характер надписей — это, как правило, теонимы без каких-либо пояснений. Очень часто встречается слово «Ретра».

Несомненно, вероятность того, что собрание Я. Потоцкого подлинно, значительно меньше, чем вероятность подлинности собрания А. Маша.

Исследователи, рассуждающие об аутентичности прильвицких коллекций, иногда высказывают мнение, вы-

раженное Яном Лечеевским: «Отрицая аутентичность надписей, не отрицаю, что сами фигурки, особенно из первой серии, действительно могли быть найдены, а не подделаны. Однако надписи, на них нанесенные, происходят из XVIII века»⁵¹.

Камни из Ной-Штрелица

В 1826 году Фридрих фон Хагенов опубликовал информацию о коллекции, состоящей из четырнадцати камней, покрытых рисунками и руническими надписями⁵².

Согласно сведениям некоего Бойе, мещанина из Вагена, они были обнаружены при любительских археологических изысканиях в 1788—1795 годах на полях в местностях Ной-кирх, Прильвиц и Старогрод.

Предположительно эти камни были древними славянскими памятниками, имевшими сакральное значение. В XIX веке коллекция хранилась в музее костела в Ной-Штрелице.

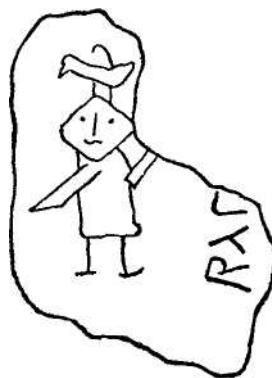
Камни невелики по размеру: самый большой из них весит около девяти килограммов, а самый маленький — около двухсот пятидесяти граммов.

На первом камне коллекции (рис 20 а) изображен человек, на голове которого сидит птица. Расположение рук изображенной на камне фигуры позволяет предположить, что резчик хотел придать ей сходство со свастическим знаком (сравн. с предметом № 4 из коллекции А. Маша). По мнению фон Ха-генова, это бог Радегаст с птицей на голове. Руны, помещен-

⁵¹ *Leciejewski*). Runy i runiczne pomniki... S. 59.

⁵² *Hagenow Fr. von*. Beschreibung der auf der Grossherzoglichen Bibliothek zu Neustrelitz befindlichen Runensteine... Loitz; Greifswald, 1826.

Рис. 20 а.
Йой-штрелицкий
камень № 1

ные на камне, RλM — фон Хагенов читал как *ras*. Соответственно, эти руны рассматривались как начало имени *Радегаст*.

Данное изображение перекликается с изображениями № 1—3 из издания А. Маша — там также изображен бог с птицей, сидящей на его голове. Причем во всех трех случаях это бог Радегаст.

Второй камень коллекции (рис. 20 б), самый маленький из всех, исписан с обеих сторон. На стороне *а* находится изображение некоего животного (скорее всего, змея или ящерицы).

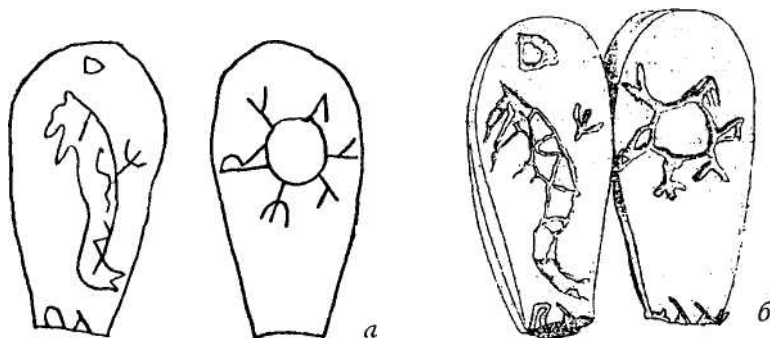

Рис. 20 б. Камень № 2

а — в издании Я. Лечеевского; *б* — в издании фон Хагенова

Рунические знаки не составляют четко выраженных слов — они довольно беспорядочно расположены вокруг центральной фигуры.

Не исключено, что ряд знаков стороны *a* на самом деле являются не рунами, а фрагментами центрального рисунка. Так, знак , возможно, представляет собой некую емкость (посуду?), к которой направляется «змей». Знак может быть расценен как трехпалая лапа змея.

Существуют разночтения в рисунке камня, приведенном Лечеевском и наиболее часто используемом в исследовательском обороте, и рисунка, помещенного у Хагенова (рис 20 б).

Фон Хагенов предпринял попытку расшифровать находящиеся в нижней части рисунка руны — — как *ва*. По мнению фон Хагенова, это начало имени Водан (Один).

Изображение на стороне *b* представляет кольцо, окруженное рунами. Фон Хагенов высказал предположение, что это колдовской круг, и надпись представляет собой некую магическую формулу. Саму же формулу он прочесть затруднился — руны с трудом выстраиваются в единое связное слово.

А. Бычков предлагает свое прочтение надписи на стороне *b*.

Предполагается начинать чтение с нижнего знака — — *б*.

Далее, руны читаются по часовой стрелке:

б р г л а г

В итоге круговая надпись читается как: *брглаг* или *брглак*.

Если принять знак *б* как сокращение слова «бог», то надпись читается как: *Бог Рыглак, Ръил*.

Персонаж с таким именем действительно упоминается в первоисточниках по славянской мифологии как один из двух парных персонажей, чьи имена входят в теоним Семаргль.

В «Повести временных лет» (980 г.) среди богов киевского Владимирова пантеона упоминается божество Семаргл. Однако «Слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере» — одно из наиболее ранних древнерусских поучений,

направленных против язычества, упоминает имя *Семаргл* в несколько иной форме. Здесь это имя оказывается разделенным на два — Сим/Сем и Регл: обличая «христиан, двоевер-но живущих», автор поучения указывал, что они веруют «в перуна и хорса и въ мокошь и в Сима и въ Рьгла...»⁵³ (варианты по различным спискам «Слова»: «и в Ерьгла», «и в сима и ворхгла», «и воргла», «въ рьгла», «ргла»⁵⁴). А также: «Молять подь овиномъ огневи. и виламъ и мокоши (и) симу. (и) реглу и перуну и волосу скотью б(ог)у. (и) роду и рожаницамъ...»⁵⁵ (варианты: «рьглу», «симу реглу», «и сему реглу»⁵⁶).

А.С. Фаминцын считал теоним *Семаргл* состоящим из двух слов — *Сим* (или *Сем*) и *Ерыл*, где *Ерыл* — Ярило, восточнославянский бог Солнца⁵⁷. А. Брюкнер, считая, что форма *Семаргл* не могла быть славянской, делил теоним на два слова и, соответственно, усматривал здесь двух богов. Теоним *Сем/ Сим* он полагал родственным праславянскому **sembja* 'род, родина', и тогда это божество — покровитель дома, рода или родины, подобное восточнославянскому Роду. Форма *Регл* могла быть связана либо с праслав. **gъgъ* 'рожь', либо с польск. *rzygac* 'блевать', русск. *рыгать*; отсюда Регл или являлся божеством ржи, сельского хозяйства, хлебных злаков, или оказывался как-то связан с ферментацией⁵⁸.

Действительно, имя *Регл* и его варианты вызывает ассоциации с целым рядом русских слов, связанных с плодород-

⁵³ Гальковский НМ. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М, 1913. Т. 2. С. 41.

⁵⁴ Гальковский НМ. Борьба христианства... С. 41, 45.

⁵⁵ Гальковский НМ. Борьба христианства... С. 43.

⁵⁶ Гальковский НМ. Борьба христианства... С. 47.

⁵⁷ Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1884. Вып. 1. С. 226—227, 232.

⁵⁸ Bruckner A. Mitologia slowianska. Krakow, 1918. S. 92-97.

дием: *рожь, рождение, рига, рог* (как сакральный символ плодородия), *рыжий* (ср. красный цвет как цвет жизни) и др.

Имя *Регл* также созвучно со встречающимися в заговорах именем *Рах* (огненный дух, упоминающийся в русских заговорах) и *Рарог* (чеш. и словац. *Парашек*, укр. *париг*) — огненный дух, связанный с культом очага⁵⁹. И Рах, и Рарог имеют зооморфные черты: Рах в заговорах занимает функциональное место, часто занимаемое змееподобными существами, Рарог же иногда представляется в виде «дракона с искрящимся телом, пламенеющими волосами и сиянием, вырывающимся изо рта, а также в виде огненного вихря»⁶⁰. Примечательно, что высказывалось мнение о связи Рарога и Раха с Радегастом — мифологическим персонажем, который чаще всего упоминается при рассмотрении коллекции камней из Ной-Штрелица⁶¹.

Остается добавить, что представление змееподобного существа в качестве божества плодородия и домашнего очага в славянской традиции вполне возможно.

Рис. 20 в.
Камень № 3

На третий камень (рис. 20 в) нанесены три руны, которые сводятся к слову $\pm I \uparrow$ — Ъй, что, видимо, является усеченным вариантом слова «белый» (кашуб. *biaiy*, н.-луж. *bieiy*, *biewu*, полаб. *hioiy*).

⁵⁹ Иванов В.В., Топоров В.Н. Рарог // Мифы народов мира. М., 1992. Т.2. С. 368.

⁶⁰ Иванов В.В., Топоров В.Н. Рарог... С. 368.

⁶¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. Сварог // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 349.

Рис. 20 г.
Камень № 4

Рис. 20 д.
Камень № 5

Рис. 20 е.
Камень № 6

На четвертом камне (рис. 20 г) изображена «положенная на бок» руна с исходящими от ее «головы» лучами; под ней — еще три или четыре руны.

В первом фон Хагенов снова усмотрел намек на Радегаста, а ряд рун прочитал как $\text{F} \text{J} \text{I} \text{R}$ — *гелр*. В средней руне он увидел сложную руно; знак I получил, отображая знак J . Первые три знака предположительно читались как *Гелбог*, что должно было быть заменой слова *Белбог*.

Последняя руна R в слове, согласно фон Хагенову, являлась сакральным окончанием и должна была обозначать слово *рац* (что, по мнению фон Хагенова, переводилось как *советчик*).

Пятый камень (рис. 20 д) содержит изображения двух голов, разделенных горизонтальной чертой. В этих головах фон Хагенов увидел лики Чернобога. Кроме этого, здесь выбиты еще три руны: $\text{Y}, \text{I}, \text{X}$

Любые комбинации этих разрозненных рун вряд ли можно истолковать сколько-нибудь убедительно.

На шестом камне (рис. 20 е) изображен рогатый лик в круге из шести знаков, которые поддаются дешифровке с большим трудом

При чтении по часовой стрелке, начиная с крайнего правого знака, фон Хагенов получил выражение: *Thor bet*.

Выражение «тор бел», конечно, может быть переведено как *Тор белый*.

Не исключено, что германо-скандинавский бог Тор мог быть известен и в славянских землях. Тор относится к категории небесных божеств, он выступает как противник хто-нических чудовищ; соответственно, нет противоречия в

том, что ему мог быть присвоен статус «белого».

Рис. 20ж.
Камень № 7

На седьмом камне (рис. 20 ж) мы видим некий рогатый лик и над ним — изображение животного. Также на камне содержится несколько разрозненных рун. Три руны в нижней части камня читаются

как *рал* — созвучие, которое затруднительно перевести каким-либо образом. Также

затруднительно толкование и других знаков.

Фон Хагенов рассмотрел голову быка как символ Радегаста (см. коммент к изображению камня № 1), а верхнее животное посчитал изображением Черно-бога.

Рис. 20з.
Камень №8

Несколько больше возможностей для толкования дает изображение на восьмом камне коллекции. На лицевой стороне камня выбита антропоморфная

фигура в одежде, спадающей до земли. От головы фигуры расходятся лучи — голова из-за этого схожа с солнцем. Еще одна «голова-солнце» находится в левой руке фигуры; в правой же руке — посох или какой-то другой продолговатый предмет.

На боковой грани камня содержатся два непонятных изображения. (Верхний из них, возможно, — воздетая к небу рука.)

Большой интерес представляют рунические знаки. Надпись на лицевой стороне читается как

↑↑Rλ
Итра

Над головой фигуры — знак Ψ — б. Сравнение с камнем № 2 позволяет рассмотреть этот знак как сокращение слова *бог*. Итого: «Бог Итра».

Имя *Итра* созвучно имени иранского божества Митры. В главе о прильвицких статуэтках мы отмечали, что многие предметы, опубликованные А. Машем и Я. Потоцким, имеют черты, сходные с античными изображениями Митры.

Изображение на камне № 8 соответствует той же самой традиции.

На девятом камне — фигура в шляпе и с отведенной в сторону левой рукой.

Слева от фигуры — надпись, которая читается как

И|±±λ
Сиеба

Поза фигуры, изображенной на камне, повторяет позу одной из

Рис. 20 и.
Камень № 9

прильвицких статуэток (см. рис. 20 и). Данная статуэтка представляет собой изящного безбородого человека, на голове которого на коленях стоит еще один человек.

Обращает на себя внимание шапка на голове фигуры, высеченной на камне № 9. Подобные шапки характерны для славянских идолов⁶². Примечательно, что данная деталь присуща множеству археологических находок, обнаруженных *позднее* опубликования книги фон Хагена. И напротив, у прильвицких статуэток, которые якобы являются образцом для гипотетического «фальсификатора», изготовившего данную коллекцию, шапок и шляп нет. Наличие шапки на голове «Сиебы» является аргументом в пользу подлинности камней.

Рис. 20 к.
Камень №10

Десятый и одиннадцатый камни содержат сходные комбинации рун. На десятом камне написано:

ᚠᚱᚨ

На одиннадцатом:

ᚠᚱᚢ

Рис. 20 л.
Камень №11

На двенадцатом камне изображены две птицы, смотрящие в противоположные стороны. Примечательно, что обе птицы нарисованы с помощью одной непрерывной линии — в целом такой рисунок напо-

⁶² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 234. Изображения идолов с шапками на головах приведены в главе 1.2 нашей книги. См. рис. 4 а—б, 5, 6в, 6е, 7.

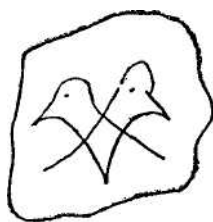

Рис. 20 м.
Камень №12

минает плетеные орнаменты, широко распространенные в Средние века у многих народов, в том числе у славян.

Парные изображения птиц часто встречаются в декоративном искусстве славян. Так, они типичны для русских вышивок, книжных буквиц, резьбы оконных наличников. Данная композиция типична не только для славян, но и для многих народов⁶³. Кроме того,

двуглавые зооморфные изображения используются в качестве оберегов, для украшения зданий и т.д.

Парные орнитоморфные персонажи встречаются и в мифологии. Так, существует большой массив архаичных славянских легенд о создании мира двумя Творцами, представленными в виде птиц⁶⁴.

Рис. 20 н. Камень №13

Рис. 20 о. Камень №14

Смысл рисунка на тринадцатом камне не ясен. Помимо рисунка здесь же высечена руна **R**.

Вообще стоит отметить, что руна **R** на предметах данной коллекции встречается чаще всего.

⁶³ См.: Голам. А. Миф и символ. М.; Иерусалим. 1992. Рис. 340—357.

⁶⁴ Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира...

Четырнадцатый камень содержит слово из четырех рун. При чтении, согласно датскому футарку, надпись должна звучать как

ᚦᚱᚱᚨ
й и р н

При использовании же строя, реконструируемого с помощью книги А. Маша, надпись звучит как *ᚦᚱᚱᚨ*, или же *цирн*.

И фон Хагенов, и Лечеевский рассматривали слово *цирн* как сокращение от *черный*.

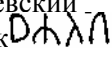
Подлинность камней коллекции подвергалась сомнению со стороны Шафарика⁶⁵, Левезова⁶⁶. В начале XX века Лечеевский с явным неудовольствием писал о камнях: «Несмотря на отдельные протесты, они все еще пользуются славой подлинных рунических памятников». Лечеевский подвергал сомнению подлинность камней: он придирчиво критиковал как рисунки, так и рунические надписи. Однако рассуждения Лечеевского не лишены субъективности и предвзятости. Большинство доводов Лечеевского сводились к тому, что он создавал образ некоего гипотетического «фальсификатора» — который изготовил камни и ввел в заблуждение фон Хагенова — и представлял себе, о чем этот глуповатый фальсификатор думал, высекая ту или иную надпись.

Например, о камне № 1 Лечеевский писал: «Выбитые знаки можно читать как *зей*, что не дает никакого смысла. Мне кажется, что каменотес хотел выбить: *kral*, то есть «король». Однако он не знал ни одного славянского языка, а только несколько плохо расслышанных выражений кашубских либо

⁶⁵ *Schaffarik*. Slawische Alterthumer. Leipzig, 1844.

⁶⁶ *Lewczow K.* Ueber die Echtheit der sogenannten Obotritischen Runendenkmaler zu Neustrelitz. Berlin, 1835.

лужицких, — и поэтому извратил это слово и получил не то, что собирался получить. Это очевидный довод для признания фальсификации. Это тем яснее, что на камне достаточно места для того, чтобы поместить недостающую руну К в начале слова».

Рассматривая второй камень, Лечеевский прочитал цепочку из разбросанных по камню рун как — *dzaw*. По мнению Лечеевского, фальсификатор хотел бы написать начало слова *дьявол* (польск. *dzawei*, польск. диал. *dziobor*, *dziowor* и др.). В целом фальсификатор якобы хотел изобразить на поддельном языческом камне сцену искушения Евы дьяволом в образе змея. Обвинив «фальсификатора» в столь абсурдном замысле, Лечеевский поглумился над ним, убедительно и с удовольствием покритиковал его, в итоге обозвав «немецким писакой».

Подобным образом Лечеевский «развенчивал» и остальные изображения коллекции. Сначала им составлялись довольно уязвимые концепции толкования. Затем данные толкования безоговорочно приписывались некоему виртуальному «фальсификатору». И наконец, составленные Лечеевским и приписанные им «фальсификатору» концепции подвергались разгромной критике и опровергались. Виртуальный «фальсификатор» при этом обвинялся в недостатке ума и плохом знании славянских языков.

Крайне уязвимы и доводы Лечеевского, касающиеся славянской мифологии. Например, нельзя согласиться с его мнением о том, что образы мифологий родственных народов не могут иметь параллелей в славянском язычестве. Обнаружив ту или иную параллель, Лечеевский сразу же обвинял злокозненного «фальсификатора» во всех смертных грехах, утверждая, что «это мог сделать только человек, который считал, что мифологии славянская и германская либо греческая —

это одно и то же и можно сюжеты одной из них переносить в другую». Однако, противореча иронической оценке Лечеевского, современная наука только утверждает во мнении, что мифологии родственных индоевропейских народов — славян, германцев, кельтов, греков и т.д. — очень сходны друг с другом вследствие наличия общих мифологических корней. Кроме того, существовало взаимное влияние, взаимное проникновение культур; например, нельзя отрицать влияние греко-римской культуры на культуру европейских «варварских» народов.

И уж совсем нельзя согласиться с Лечеевским, когда он утверждает, что гипотетический фальсификатор не знал славянской мифологии. Напротив, изображения на камнях замечательно укладываются в славянские мифологические представления, и если предметы действительно поддельны, то фальсификатора нельзя упрекнуть в отсутствии вкуса и фактологической корректности.

Напротив, предполагаемый «фальсификатор» знал славянскую мифологию лучше, чем многие ученые того времени (в частности, лучше, чем славист Лечеевский). По крайней мере, «сфальсифицированные» им предметы (сюда можно отнести и прильвицкие коллекции, и камни, описанные в данной главе), лучше соотносятся с современными знаниями о славянском язычестве, чем со знанием времен Лечеевского. Мы не беремся судить, стоит ли отнести это за счет интуиции и удачливости «фальсификатора», или же надо рассматривать как доказательство того, что все коллекции подлинны.

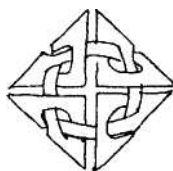
Сопоставление изображений на камнях с мифологическими представлениями славян не дает нам поводов для сомнений в их аутентичности, хотя, с другой стороны, не дает и достаточной информации для признания их подлинными.

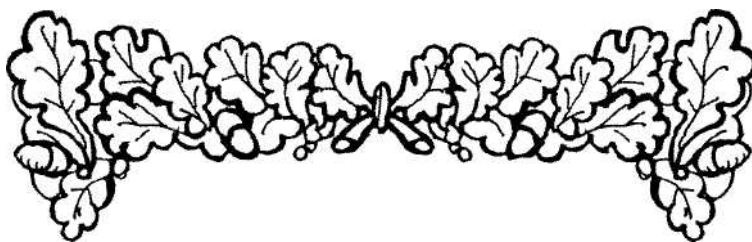
Ввиду этого «мифологический» анализ рисунков на камнях из Ной-Штрелица относится к категории *argumentum*

ex suentio — иными словами, возникает ситуация, когда из-за недостаточности источников нельзя сделать ни выводов об аутентичности памятников, ни противоположных выводов. Интерпретации надписей на камнях вызывают критику со стороны научного мира, но эта критика неубедительна и не позволяет считать вопрос исчерпанным.

Значительно снижает вероятность аутентичности камней причастность к обнародованию коллекции одиозной личности — Гедеона Шпонхольца, того самого ювелира, который продал Я. Потоцкому вторую часть коллекции бронзовых статуэток. Слишком большое количество сенсационных находок (причем большинство из них подозрительно группируются вокруг святилища Ретры и бога Радегаста) заставляют заподозрить, что в лице Г. Шпонхольца мы все-таки имеем дело не с удачливым археологом, а с фальсификатором.

Тем не менее даже при учете причастности к коллекции компрометирующей личности Г. Шпонхольца вопрос о подлинности или поддельности ной-штрелицких камней не может быть решен окончательно.

Глава 2.3.

Польша

Брактеат из Вапно

Ян Лечеевский в качестве славянского рунического памятника рассматривает брактеат, обнаруженный в польском селе Вапно близ Познани в 1853 году¹. Утверждение о славянском происхождении брактеата основывалось на содержавшемся здесь изображении свастики. Надпись исследователь читал как зеркально отображенное

Ѕ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
S a b a w

Лечеевский рассматривает эту надпись как славянское мужское имя *Забав* и предполагает, что надпись обозначает принадлежность брактеата некоему конному рыцарю Забаву.

К сожалению, данная трактовка не является исчерпывающей. Брактеаты подобного типа весьма многочисленны (см. рис. 21) и распространены на обширной территории. Убедительное прочтение надписи сделать затруднительно.

Фигурка из Ледниц

Еще одним памятником, который Лечеевский трактовал как рунический, является фигурка, обнаруженная в об-

¹ *Leciejewski J. Rimy i runiczne pomniki... S. 68—73.*

*Рис. 21. Вверху? — брактеат
из Вапно.*

*Внизу — аналогичные
германские и скандинавские
брактеаты*

рыве над озером Ледни-цы (Lednicy) близ города Гнезна (рис. 22)².

Эта тринадцатисантиметровая дубовая статуэтка интересна сама по себе как памятник славянского язычества. Она изображает стоящее во весь рост существо с зооморфной головой (на голове существа две пары рогов — бараньи и козлиные).

На брюшке фигурки какой-то комбинированный знак, а рядом еще три значка-насечки. Примечательно, что В. Яжджевский, описывая фигурку из Ледниц³, отметил, что не может поручиться, были ли эти знаки изначально на фигурке, ибо дерево, из которого вырезана фигурка, оставленная на столько лет на милость земли, могло покрыться трещинами. Однако Лечеевский считает, что все линии имеют искусственное происхождение и образуют следующий рисунок:

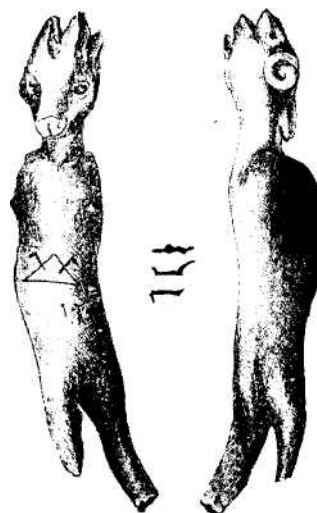

Рис. 22. Фигурка из Ледниц (по изданию Я. Лечеевского)

Путем сложных и неубедительных построений он читает надпись «как *lice leui*, что значит: "Фигура, лечи!"».

² Leciejewski J. Runy i runiczne pomniki... S.92—97.

³ Jazdzeski W. Zapiskach archeologicznych poznacskich. T.2. Tabl. 12. Fig. 1,2

Фигурку Лечеевский считает лечебным амулетом, а громоздкость своих построений оправдывает довольно своеобразно: «Признаком амулетов является размещение надписи таким способом, чтобы ее трудно или даже невозможно было прочитать».

Примечательно, что изображение фигурки, приводимое Лечеевским, не совпадает с изображением, приведенным в других изданиях. Это окончательно сводит на нет правомерность данного прочтения.

В.А. Чудинов, рассматривая изображение «козлика из Ледниц» в одной из недавних публикаций⁴, обнаружил у него на бочке «незамеченные знаки» и прочитал «надпись» как: *Аедь-нцѣькой водѣникъ* (т.е. «ледницкий водяной»). Стоит отметить, что построения Чудинова, разбившего несложную фигуру на множество отдельных знаков, не менее громоздки и не более убедительны, чем у Лечеевского.

Очевидно, рисунок на брюшке фигуры из Ледниц вообще не является надписью. Возможно, это пиктограмма (магическая?) или герб — обозначение некоего имени собственного.

Краковская медаль

С гораздо большей уверенностью может быть отнесена к числу рунических памятников небольшая медаль, собственность бывшего мэра города Кракова, некоего Фридляйна. Вот

⁴ Lesny J. W sprawie kultu pogańskiego na ostrowie Lednickim we wczesnym średniowieczu // *Slavia antiqua*. T. 21. Warszawa-Poznań. 1974. № 120. Oea. 1. Подлинность данной медали также подвергалась сомнению. Так, Н. Энговатов характеризовал медаль как подделку, не сопроводив данное утверждение комментариями. См.: Энговатов Н. Руническая эпиграфика с территории СССР и норманизм // *Советская археология*. 1964. № 4. С. 214.

что писал о ней профессор Пекощинский: «Лет 30 или немного больше тому назад господину Фридляйну удалось добыть в Кракове за небольшую цену серебряную монету, имеющую вес около 12 граммов, снабженную с обеих сторон руническими надписями. Медаль после покупки была положена в нумизматическую коллекцию и забыта, пока случайно не попала в руки господину мэру снова. Господин президент прислал монету мне, потому что захотел прочесть рунические надписи и таким образом идентифицировать ее»⁵. Медаль невелика — ее максимальный диаметр составляет 3,5 см.

На одной стороне медали изображен лик усатого мужчины в высокой шапке. Ниже его подбородка — округлый медальон (?). На обороте медали другой лик, безусый и безбородый. Выше — солнце, лучи которого собраны в четыре «пучка»; в целом солнце напоминает крест. В нижней части медали — треугольник.

Первый публикатор медали, профессор Пекощинский, отметил, что руны, нанесенные здесь, не читаются с помощью какого-либо из языков, использующих рунические строи. Он попытался прочесть надписи по-славянски, используя фонетические значения рун футарка.

Надпись на первой стороне была представлена Пекощинским как

ᚱᚺᚱᚱᚱ ᚠᚱᚱᚱᚱᚱ
ржаст еастон

На второй стороне:

ᚠᚠᚱᚱ ᚱᚱᚱᚱᚱᚱ
мдц Белобк

Рис. 23. Краковская медаль (в центре разворота — в натуральную величину)

В данной надписи он увидел упоминание одного из языческих богов — Белобога.

Что по-русски означает: «Витязь Христов».

Совершенно иначе прочитал надпись Я. Лечеевский. Он выстроил знаки надписи в довольно произвольной последовательности; причем сочетание знаков **ЛБ** было прочитано им дважды — как *кр*, а затем — как *ндз*. В

$\Upsilon R \Upsilon \uparrow \# \cap \downarrow \tau \cap \cap \mathcal{B}$
Кржестоф витандз

результате надпись на первой стороне была сведена к следующей формуле:

Соответственно, мужскую голову Я. Лечеевский расценил как изображение этого самого «витязя Христова». Надпись на обороте медали была прочитана как

Ф Д А 1 λ Α Π Α Ξ Γ Α Υ
 ђ(е)в(и)ца м(а)иы ча(н)ловек

То есть «Девница, мать людей».

На основании своей расшифровки Я. Лечеевский утверждал, что данная медаль изготовлена в честь принятия поляками христианства Мужчина в шапке — князь Мечислав I, который в 965 году и ввел христианство в качестве государственной религии. Надпись: «Витязь Христов» указывает на его конфессиональную принадлежность и заслуги перед Богом Вторая голова на медали, согласно Лечеевскому, принадлежит Богоматери; «крестообразное» солнце, сияющее над ней, — символ победы

христианства; треугольник, располагающийся в нижней части изображения, обозначает поверженное язычество.

Гипотеза Я. Лечеевского крайне неубедительна. Прежде всего вызывает возражения его способ чтения: для того чтобы получить окончательный результат, он произвольно тасует фрагменты надписи — меняет их местами, переворачивает, зеркально отображает. В результате такой подгонки и образуется итоговая версия.

Другой вариант толкования предлагается АА Бычковым — его чтение близко чтению Пекощиньского. В надписи на первой стороне он воздерживается от чтения первого слова, а второе читает как

Гастон

Это слово интерпретируется А.А. Бычковым как имя Гас-тон — так звался один из демонов, упоминающийся в сочинении немецкого мифолога начала XIX века Фолльмера⁶.

Надпись на второй стороне читается как

доц Белбог

То есть «Дочь Белбога».

При этом второй знак рассматривается как латинская буква О.

Фигурка Жунковича

Информация о еще одном руническом памятнике содержится у Д. Жунковича. Он приводит изображение глиняной скульптуры, случайно обнаруженной в поле. Скульптура пред-

⁶ Vollmer's mythologic aller Volker. Stuttgart, 1834.

ставляет собой голову, установленную на пятигранном основании. На каждой из граней нанесено по одному руническому знаку; шестой знак находится на макушке головы⁷.

Д. Жункович предположил, что руны располагаются в следующем порядке:

УМАННА

То есть *гловно* или *главный*. В этом переводе знак ^ рассматривается как перевернутое |

А.А. Бычковым предлагается другая последовательность рун:

ПАТАУМ

В таком случае знаки читаются как *помогл. онак*) j рассматривается А.А. Бычковым как кириллическая буква *п*.

п
УМАННА

Рис. 24.
Фигурка,
опубликованная
Д. Жунковичем

Микоржинские камни

Еще у одного польского рунического памятника — камней, известных в литературе как *микоржинские камни*, — сложилась непростая научная судьба: их неоднократно признавали то аутентичными, то фальшивыми.

Всего микоржинских камней два (см. рис. 25). Первый из них имеет углубление овальной формы; в этом углублении выбиты контуры человека, у которого левая рука поднята, а правая уперта в бок. Под изображением нанесена руническая надпись. Высота камня — 72 см, ширина — 48 см, тол-

⁷ См.: Zunkovic D. Slavische Denkmaler. Kremsier, 1915. Zwikovie D. Die slavische Vorzeit Maribor, 1918.

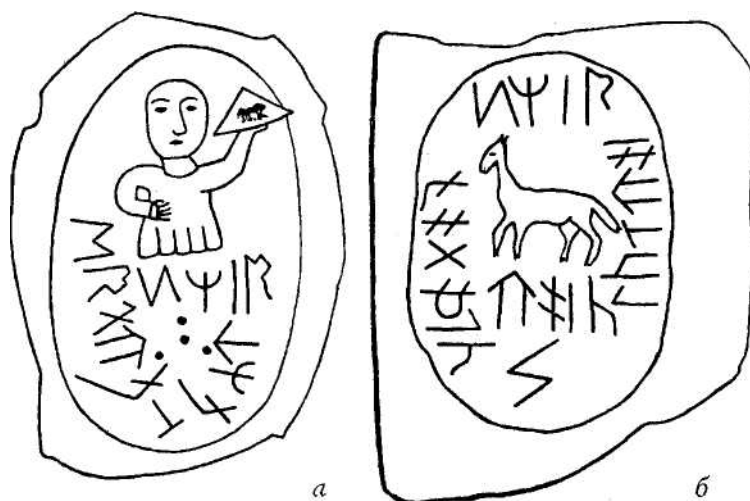

Рис. 25. Микоржинские камни

шина — 8 см. Овальное углубление размером 48X 36 см имеет максимальную глубину до 8 см. На ровной поверхности второго камня вырезан овал, заключающий в себе контуры коня и руническую надпись. Размеры второго камня — 62 x 56 x 16 см, размеры овала — 48 X 32 см. Породу камня исследователи определяют как сиенит (вид гранита).

Камни были найдены в Микоржине, деревне Островского (ранее Остржешовского) повета. Они находились в непосредственной близости друг от друга. От обнаружения первого до обнаружения второго прошел год: осенью 1855 года был выкопан камень с человеческим изображением, второй (с конем) был открыт осенью 1856 года.

Известие о находке первого камня вместе с его изображением представил Петр Дрошевский, брат хозяина Микор-жина, Анджея Дрошевского. Он отправил сообщение в по-

знаньскую газету: «Уважаемый редактор! Прилагаемый рисунок является изображением надгробья, обнаруженного в Микоржине прошедшей осенью. Принадлежа дохристианским временам, оно заинтересует любителей славянских древностей и, безусловно, станет предметом исследования ученых-археологов. Считаю своей обязанностью представить для общего сведения описание этого ныне весьма редкого памятника из времен, ушедших во тьму нескольких, а может быть, и нескольких десятков, веков. Камень этот был найден на склоне небольшого холма на глубине около 2 футов; под ним была урна из песчанистой глины, грубо вылепленная; в ней находились пепел и спекшиеся комки серебра и меди. Урну, вынутую весьма неосторожно, ветром разбило на куски, так что трудно и представить ее первоначальный вид. Местные жители рассказывают, что несколько десятков лет назад тут находили подобные камни — "только не совсем такие — то с птицами, то с конями, то с разными дьяволами"»⁸.

Отправив сообщение о находке в периодическую печать, Петр Дрошевский одновременно поставил в известность и специалистов, занимающихся данной тематикой, — И. Левеля и Ю. Пшиборовского. Пшиборовский сразу же предпринял попытку прочесть надписи на камне, и через несколько дней в той же самой познаньской газете⁹ была напечатана его статья под названием: «Великопольский Прове».

Ю. Пшиборовский рассматривает изображение на первом микоржинском камне именно как изображение бога Прове, основываясь на сравнении его с одним из предметов

⁸ *Droszewski P. //Gazeta Wielkiego Ks. Poznackiego. 1856. № 158.*

⁹ *Gazeta Wielkiego Ks. Poznackiego. 1856. № 161.*

Рис. 26. Фигурка Прове
из второй прильвицкой
коллекции:
а — по изданию
Я. Потоцкого,
б — по изданию
14. Пелевея

второй прильвицкой коллекции (рис. 26). Среди прильвиц-ких статуэток действительно есть фигурка человека, держащего в руке треугольник, на фигурке написано «Прове».

В энциклопедическом словаре «Славянская мифология» данному божеству посвящена следующая статья: «Прове — у балтийских славян бог. Почитался как высшее божество в Старгарде (Вагрия). Связан со священными дубами, лесами и рощами. Празднества в честь Прове проводились там во второй день каждой недели специальным жрецом. Прове не имел идола. Имя Прове сопоставляется с именем бога Поре-вита у балтийских славян и с *Porvata*, отождествляемой с Прозерпиной в списке польских богов у Я. Длугоша (XV в.). Согласно одной из гипотез, имя Прове — видоизменение общеславянского имени бога грозы Перуна (ср. связь с дубом — деревом громовержца). По другой гипотезе (В. Пиза-ни) имя Прове — один из эпитетов Перуна — «правый, справедливый», искаженный при передаче. Согласно третьему объяснению, Прове — бог плодородия, как и Поревит, чьи имена родственны слав. **roga*, 'изобилие, плодородие'¹⁰.

Добавим, что имя Прове может быть связано с понятием *правды* как некоего божественного установления, «закона», свойственного «божественному» и противопоставляемому *кривде* — «закону», свойственному обыденному миру¹¹.

Славянское святилище Прове, существовавшее близ нынешнего города Ольденбург (слав. Старгард, Староград), в хронике Гельмольда описывается так: «...Мы пришли в рощу, единственную в этом краю, которая целиком расположена

¹⁰ Иванов В., Топоров В. Прове // Славянская мифология.

Энциклопедический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. С. 326.

¹¹ Мифологическая пара «правда-кривда», где «правда» находится на небе, а «кривда» — на земле, описана во многочисленных текстах фольклорного «Стиха о Голубиной книге».

на равнине. Здесь среди очень старых деревьев мы увидели священные дубы, посвященные богу этой земли — Прове. Их окружал дворик, обнесенный деревянной, искусно сделанной оградой, имевшей двое врат. Все города изобиловали пенатами и идолами, но это место было святыней всей земли... Славяне питают к своим святыням такое уважение, что место, где расположен храм, не позволяют осквернять кровью даже во время войны»¹².

При этом, однако, надо отметить, что ни одно из имеющихся описаний Прове не содержит упоминаний о каком-либо треугольнике или вообще какой-либо троичности, и поэтому вызывает затруднение толкование наиболее характерного атрибута, встречающегося и на микоржинском камне, и на прильвицкой статуэтке — треугольника в руке «Прове».

Осенью 1856 года в Микоржине был найден и второй камень. История сохранила тот факт, что «Газета великого княжества Познаньского» запросила с Петра Дрошевского немалые деньги за статью — в результате тот отказался от публикации в прессе и сразу же обратился к специалистам.

Петр Дрошевский послал сообщение и рисунок второго камня Пшиборовскому. В письме говорилось: «Привожу вид с описанием второго памятника, найденного 4 недели назад (в конце августа 1856 года) между камнями, привезенными для строительства фундамента. Он уже не находился на своем первоначальном месте, но на меже на расстоянии около 200 шагов от первого найденного Прове».

Пшиборовский передал сообщение Лелевелю, а тот его опубликовал¹³: «Некоторое время спустя после открытия

¹² Гельмолд. Славянская хроника / Пер. Л.В. Разумовского. М., 1963. С. 185-186.

¹³ Ldewel I. Czesc balwochwacza... 1857.

микоржинского памятника объявился старанием владельца г-на Дрошевского и второй, подобный первому, находящийся ныне в имении г-на Вэнжика в Мрочене под Кэнпнем. Г-н Вэнжик был столь любезен, что прислал мне изображение нового памятника. Я немедленно уведомляю об этом приобретении и... чувствую себя счастливым: ведь имею возможность выразить г-ну Вэнжику публичную благодарность за достойное уважения внимание, с которым вместе с г-ном Дрошевским следит за памятниками языческого прошлого. Приступаю к прочтению рун: "Sbir, woin, bogdan, Inawoi s"».

Известия эти об открытии камней вызвали большие споры между учеными. Начали высказываться сомнения в их подлинности. Споры дали повод к тому, что Познаньское товарищество любителей наук (Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Poznaniu) 17 мая 1858 года поручило Антонию Бялецко-му посетить Микоржин и Мрочен с целью осмотра камней и убедиться, не удалось ли найти еще что-либо подобное. Познаньский делегат выполнил это поручение 14 августа¹⁴. Однако при организации поездки он совершил ряд больших ошибок. Во-первых, он не уведомил о времени своего прибытия гг. Дрошевских и не попросил их об оказании помощи. Во-вторых, он выбрал для приезда самый неподходящий период — время уборки урожая. В результате, прибыв в Микоржин, он не обнаружил там ни хозяина, Анджея Дрошевского, занятого своими делами, ни его сына Петра, который в это время был в Варшаве. Принял его только управляющий, Войцех Стоковский; но он не мог дать никаких пояснений, ибо во время находки камней его не было в Микоржине.

Еще одной ошибкой Бялецкого было то, что он поддался влиянию тамошнего священника — ксендза Херманьского.

¹⁴ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk poznańskiego. Poznan. T. IX. S. 119.

Как оказалось, Херманьский был недоброжелателем А. Дрошевского, жил с ним в постоянном конфликте. Бялецкий, не застав владельца села и дома, остановился у упомянутого ксендза, «который руководил всем его исследованием и допускал только таких свидетелей, которые ни о чем не слыхали»¹⁵. Сыграл свою роль и распространившийся ни ко времени слух о том, что Познаньское товарищество любителей наук прикажет разобрать недавно построенную корчму, чтобы в ее фундаменте искать подобные камни «с птицами, конями и дьяволами». Естественно, такая перспектива не способствовала откровенности ни хозяина корчмы, ни других жителей тех мест.

При проведении следствия Бяleckим не были опрошены все свидетели. Свидетель Зурек, присутствовавший при обнаружении первого камня, уже умер, но еще был жив Николай Тушкевич, который нашел второй камень. В отчете Бяleckкого о посещении Микоржина¹⁶ о Тушкевиче говорится вскользь, хотя Бялецкий с ним, скорее всего, толком и не разговаривал: «Наконец нашелся какой-то человек, который предположительно указал на место, где были выкопаны Прове и Коник. Согласно его мнению, первый должен был находиться на огороде, лежащим горизонтально, прикрывая собой пепелище, а второй — под корнями огромного дуба в березняке на песчаном берегу над излуциной».

Кроме того, в курсе дела был также местный учитель Пикзонка, который был опрошен еще много лет спустя, и о котором Бялецкий в отчете о расследовании вообще не упоминал. В результате плохо проведенных опросов Бялецкий, естественно, не пришел ни к каким результатам. Правда, он

¹⁵ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... T. IX. S. 116. ¹⁶ Casopis Ceskeho museum. Praha, 1858. № 242, 243.

осмотрел микоржинские камни в Мрочене, где они в то время находились, признал их подлинными, приказал сделать с них слепки, но никаких разъяснений в их отношении не предоставил.

В заслугу Бялецкому может быть поставлено то, что он все-таки послал письмо с запросом Петру Дрошевскому. Ответ был следующим: «Уважаемый господин доброжелатель! На Ваше письмо от 15 сего месяца и года имею честь ответить, что камень с изображением Прове был найден совершенно случайно осенью 1855 г. следующим способом. На поверхности не было достаточного количества камней для фундамента, и эта потребность заставила искать их в земле. Хозяин Ян Зурек помнил, что когда-то в огороде при его дворе были закопаны большие камни. Он начал их искать с помощью железного прута и вместо этого наткнулся на другой камень, добыв который с моим дядей, признал, что он похож на корыто для скотины; о чем и рассказал по весне. Я пошел оглядеть это корыто; оно лежало, опертое на пенек, несколько испачканное в земле, смахнув которую, я увидел фигуру и руны. В первый момент я подумал, что это начертил играющий парнишка, ибо то тут, то там на стенах сельских зданий можно увидеть подобные рисунки, намалеванные углем; однако, присмотревшись внимательно, увидел непонятное мне письмо, вид которого наполнил меня непонятным чувством восхищения и радости. Я немедленно пошел домой за бумагой и карандашом, а затем перерисовал камень как можно точнее. С этим рисунком я на другой день поехал в Мрочен, размышляя о надписях и рисунке. Пан В. Вэнжик припомнил книгу Лелевеля "Polska wiekow srednich", в которой на таблице рисунков прильвицких истуканов мы нашли подобный нашему под номером 8. Будучи проинформированным, я решил объявить в "Газете" сведения об этом

открытии. <...> Пан Пшиборовский из Познани объяснил памятник в статье "Великопольский Прове", из которой, собственно, я узнал о важности нашей реликвии. В конце августа этого года между камнями свезенного для фундамента нового здания нашелся второй, с рунами и коником...»¹⁷

Микоржинские камни стали объектом научных споров. На их аутентичности настаивали В. Цибульский¹⁸, А. Пшежджецкий¹⁹, а позже — А. Пекощиньский²⁰, Я. Лечеевский²¹. Подлинность камней оспаривал Эстрайхер²².

Научные споры привели к тому, что Познанское товарищество любителей наук на заседании 11 ноября 1872 года поручило К.Шульцу, профессору гимназии, «собирать все, что и когда признает нужным для прояснения вопросов рунических камней»²³. Профессор Шульц, наученный ошибками предыдущего делегата, предпринял все возможные средства, чтобы свое исследование провести подобающим образом²⁴. Он обратился с письмом к владельцу Микоржина — в то время им был Адольф Вэнжик — с просьбой о позволении провести исследования на месте, на что получил приглашение прибыть в назначенный день, пригласив с собой компетентную комиссию. Обратился он также и в Краковскую академию ремесел (*Akademia Umiejetnosci*), где на тот момент хранились камни, с просьбой о присылке наблюдателя-экс-

¹⁷ Rocznild Towarzystwa Przyjaciol nauk... T. IX. S. 440.

¹⁸ *CibuhM W.* Obecny Stan nauki o runach siowiackich // Roczniki Towarzystwa Przyjaciol nauk poznacskiego. Poznac. T. 1.

¹⁹ *Przeydziecki A.* O kamieniach mikorzyckich. Krakow. 1872.

²⁰ *Piekosicski A.* Kamienie Mikorzyckie. Krakow. 1896.

²¹ *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 98—118.

²² *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 101.

²³ Roczniki Towarzystwa Przyjaciol nauk poznacskiego. Poznan. T. 9. S. 85.

²⁴ *Szulc K.* Autentycznosc kamieni mikorzyckich zbadana na miejscu // Roczniki Towarzystwa Przyjaciol nauk... T. 9. 1876. S. 798.

перта. Кроме того, были отправлены письма всем людям, имеющим хоть какую-то связь с Микоржином и способным дать хоть какие-либо сведения о камнях. Все подготовив, Шульц «отправился в святую великую ночь 1873 года в Ми-коржин». По документам расследования видно, что профессор Шульц старался поступать беспристрастно и вел дело корректно. Не все приглашенные свидетели смогли прибыть на место расследования, однако удалось собрать вполне авторитетную комиссию.

Первая серия опросов свидетелей была предпринята профессором Шульцем еще по дороге в Микоржин. Помимо прочего, он составил протокол беседы с нынешним хозяином села, Юлианом Вэнжыком, сыном Феликса Вэнжыка²⁵. Молодой помещик, однако, не смог дать никаких пояснений по поводу обнаружения и доставки камней в Мрочене, ибо в то время уезжал в гимназию и не был дома — прибыв позже на каникулы, он застал камни уже установленными перед домом. О Петре Дрошевском Вэнжык сказал: «Он был человек хорошего воспитания, но без серьезного образования и знания каких-либо наук, одевался старательно и всегда был при деньгах». Последнее утверждение ошибочно: гимназисту, которым был в то время Юлиан Вэнжык, Петр Дрошевский мог казаться богатым, хотя он таковым и не был — многие факты говорят о том, что Петр Дрошевский часто нуждался в средствах. Хотя Ю. Вэнжык и не смог дать информации лично, но он оказал большую помощь комиссии Шульца, выступая как посредник при проведении дознания.

В Микоржине профессор Шульц в обществе Адольфа и Юлиана Вэнжыков, профессора Зенктелера, профессора Яко-вицкого из Познани, Шафраньца из Конгресуфки опросил

²⁵ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... T. 9. S. 101.

уже упоминавшегося Миколая Тышкевича. На вопрос, что он знает о находке камней, Тышкевич рассказал, что «его используют при всяком строительстве в роли каменщика, он имел обязанность разыскивать камни. Когда начали собирать материалы для строительства мельницы, он пошел в огород искать камень, который, как помнили, находился там в земле. Однако вместо этого камня попал на другой, лежащий в нескольких шагах от ограды сада в его северо-западной стороне, обращенной к общественной дороге, напротив больших верб, находящихся за садом. Вынув из земли этот камень, хотя он и был большим, занес его во двор. То ли на следующий день, то ли двумя днями позднее пошел дождь, омыл камень, и на нем показалась фигура, окруженная царапинами. Заметив это, господин Дрошевский очень обрадовался и забрал камень в свою комнату, находящуюся в восточной части дома. Несколькими днями или неделями позже, разыскивая в поле камни, нашел такой же с конем на меже между поворотом и дорогой из Микоржина до Мыомиц». На вопрос, не находил ли он чего-либо при этих камнях, Миколай Тышкевич ответил: «Что люди говорят, будто он нашел под ними деньги, то это неправда, только под камнем, найденным в огороде, был кувшин, в котором ничего, кроме земли, не было, и который развалился, когда его пошевелили»²⁶.

Сравнение свидетельства М. Тышкевича с сообщениями П. Дрошевского приводит к ощущению, что оба они действительно описывают некое событие, участниками которого были. Разногласия в описаниях создают ощущение правдоподобности — такого рода разногласия действительно могут возникать вследствие субъективности восприятия, плохой памяти и т.д.

²⁶ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... T. IX. S.204. Protokot № 2.

Не углубляясь в сравнительный анализ сообщений П. Дрошевского и М. Тышкевича, приведем мнение Яна Лечеев-ского по этому вопросу: «...Надо отметить, что свидетельства этих двух людей отделены одно от другого пятнадцатью, а то и семнадцатью годами, что Тышкевичу не нужно было ничего скрывать, ибо г-н Дрошевский уже давно умер и не мог бы опровергнуть его показания. Утверждения обоих сходятся в том, что камень с человеческой фигурой обнаружен первым, а с конем — позднее, что первый камень найден в огороде, другой — на меже, что под первым камнем была урна с пеплом (ибо то, что Тышкевич называет землей, конечно же, было пеплом), что оба камня найдены при розыске материалов для строительства фундамента и что г-н Дрошевский не присутствовал при находке первого камня, но увидел его позднее. Все это не могло быть результатом сговора, ибо сговор с умершим невозможен. Разница между их словами была столь мала и незначительна, что не может дать повода усомниться в том, как были обнаружены камни. Главное отличие показаний сводится к тому, что П. Дрошевский называет как человека, нашедшего первый камень, Журэка, а Тышкевич приписывает этот факт себе. Что он его действительно нашел, о том свидетельствуют не только известные ему подробности, но и слухи о найденных им деньгах. В пользу этого говорят свидетельства местных жителей Войцеха Хаджяка и Анджея Аксамского, которые присутствовали при нахождении камней и также были опрошены комиссией Шульца. Это просто ошибка памяти П. Дрошевского, которая объясняется тем, что тот не находился при выкапывании камня и что свое письмо писал не из Микоржина, а из Конгресуфки, где рядом не было никого из участников находки и нельзя было уточнить детали. Пояснение этой ошибки дает нам письмо Ант. Шимбор-

ского, который в то же время отдыхал в соседней деревне Доманине и который часто бывал в Микоржине. В его письме читаем: «Присматривал за людьми обычно хозяин Жу-рэк». Еще подробнее узнаем из письма Казимира Дрошевского, брата Петра, присланного Шульцу: «Камни эти до того, как о них узнал брат, выкопал под надзором Журэка Миколай Тышкевич»²⁷. Журэк только присматривал за работой, но сам камня не выкапывал. Так что Тышкевич имел право приписывать заслугу находки камня себе.

Другой видимой разницей является то, что П. Дрошевский утверждал, будто камень с коником сам нашел между камнями, свезенными для фундамента; Тышкевич же говорил, что камень нашел он. Однако одно не исключает другого. Петр Дрошевский нашел камень между свезенными камнями, а туда он мог быть доставлен с межи, где и был обнаружен Тышкевичем. Что так оно и было, вытекает из слов письма Дрошевского, в котором читаем: «Этот <второй ка-мень> не находился уже на своем месте, но на меже, в 200 шагах от первого найденного "Прове"».

Еще одно несовпадение в том, что Дрошевский время нахождения второго камня относит на целый год позже находки первого, в то время как Тышкевич говорит о нескольких днях или неделях. Здесь ошибается Тышкевич. Прошло 17 лет после находки камней, и память старого селянина не могла уже удерживать все подробности, о чем свидетельствует само выражение "несколько дней или недель"²⁸.

В качестве образца скептической критики микоржинских камней можно привести критические доводы варшавского библиографа профессора Эстрайхера,

²⁷ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... T. 9. S. 112, 115.

²⁸ *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 105—106.

Во-первых, он указывал на то, что, по его мнению, камни выглядят достаточно новыми — поверхность камней свежая, белая и черты рисунков ничем не повреждены, что на старинном камне невероятно. Несомненно, данный довод в устах специалиста очень весом. Если камень, долгое время пролежавший в земле, внешне выглядит как новодел — это является решающим доводом в пользу его неаутентичности. Однако от полного доверия по отношению к оценке Эстрайхера нас удерживает тот факт, что другие исследователи не сочли камень излишне «свежим». Проводилось ли впоследствии какое-либо исследование камней с помощью современных методик — нам неизвестно.

Во-вторых, Эстрайхер указывал на сходство «микоржинских» знаков и рун, нанесенных на прильвицкие статуэтки (см. гл. 2.2). А поскольку прильвицкая коллекция, по мнению Эстрайхера, является поддельной, то и камни также поддельны — резонно предположить, что фальсификатор для своих целей использовал книги А. Маша и Я. Потоцкого.

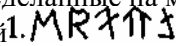
В-третьих, Эстрайхер считал подозрительным визуальное сходство коня на втором микоржинском камне и коня, изображенного на Збручском идоле (см. рис. 4 б), — ему кажется, что это сходство могло произойти только вследствие злого умысла «фальсификатора», скопировавшего уже известное изображение для своей подделки. Этот довод Эстрайхера кажется нам субъективным и неубедительным — вряд ли возможно большое разнообразие в изображении коней, особенно если изображение высекается на камне с помощью недостаточно совершенных камнерезных инструментов. Вообще, факты подобного типа могут быть истолкованы множеством разных способов в зависимости от желания толкователя. Так, если проводить сравнение, основываясь на другом, заранее запланированном выводе, то можно сделать

совсем иное умозаключение: изображения коней на микоржинском камне и на збручской стеле сходны, потому что они относятся к одной и той же изобразительной традиции.

В-четвертых, Эстрайхер возражал против аутентичности имени «Прове», «которое славянские филологи не знают ни как славянское, ни как литовское». Ссылаясь на работу Гильфердинга²⁹, он утверждает, что имя западнославянского божества следует читать и произносить как *Проне* и сопоставлять с именем *Перун*. Этот довод Эстрайхера был опровергнут очень скоро — граф Пшежджецкий³⁰, предприняв специальное разыскание, установил, что форма теонима *Прове* вполне корректна.

Наконец, в-пятых, Эстрайхер выступал против того, чтобы имя *Прове* сближалось с понятием *права*, мотивируя это тем, что «бога права» «у славян не было». Это утверждение явно ошибочно — у западных славян в средние века уже существовала достаточно развитая правовая система; что касается упоминавшегося выше описания святилища Прове (сделанного Гельмольдом), то в нем прямо указывается на судебно-правовую функцию этого божества: «Сюда каждый второй день недели имел обыкновение собираться весь народ с князем и жрецом на суд»³¹.

Существует довольно много попыток расшифровать надписи, сделанные на микоржинских камнях.

Первый камень содержит три группы рун (три слова?).

Разными толкователями читается как *proue*, *prowe ziretwan*.

²⁹ Hilferding. Resztki Siowian baityckiego przymorza.

³⁰ Przeydziecki A. O kamieniach miorzyckich. Krakow, 1872.

³¹ Гельмолд. Славянская хроника/Пер. Л.В. Разумовского. М., 1963.

2. ИΨIR

Разными толкователями читается как *sow*, *smir*.

3. ↓ΨΔT

Разными толкователями читается как *k bel*, *kmet*, *cezf*, *ledzy*?¹.

Как упоминалось выше, первым, кто решился на прочтение надписей на камнях с рисунками, был Юзеф Пшиборовский. Согласно его мнению, надпись нужно читать так:

MRXΠΔ ИΨIR ↓ΨΔT
Proue sbir k bel

Здесь *Прове* — имя бога, *сбир* — означает «сбор, собрание», *бел* — значит «белый» и должно означать Белобога (Белбога). И. Лелевель читал так же, только переставляя слова:

ИΨIR ↓ΨΔT MRXΠΔ
Sbir k bel Proue

Что значит: «Собрание к белому <великому> Прове».

И. Лелевель попытался дать и объяснение этой надписи, считая, что «этот образ является символом (гербом?) общего собрания».

Разрабатывая версию прочтения Пшиборовского и Лелеве-ля, можно предположить, что слово *sbLr* здесь является одним из имен или титулов Прове — «собирающий, объединяющий».

А. Петрушевич³³ первый признал, что микоржинские камни являются надгробьями. В соответствии с этим он прочитал:

MRXΠΔ ИΨIR ↓ΨΔT
Prowe! Smbr kmet

³² При перевороте надписи на 180 градусов.

³³ Петрушевич А. О микоржинских надгробных камнях с руническо-словенскими надписями // Научный сборник галицко-русской ма-тыцы. Т. 1. 1866. С. 57.

Что значит: «Прове! Умер кмет!»

В данной расшифровке *hnet* (польск.) — 'слуга, холоп'.

К Шульц³⁴ остановился на варианте:

ИҮІR MRXΠΔ ↓ΨΔT
smir Prowe kmet

Что значит: «Умер Прове слуга».

В. Цибульский³⁵ дал аналогичную фонетическую расшифровку, переставив местами слова: *Smir hnet Prowe*.

Однако в данной расшифровке он рассматривает *Smir* как имя собственное.

Фраза переводится Цибульским так: «Смир — слуга Прове».

В последних трех расшифровках встречается выражение «кмет Прове» или просто «кмет». Если предположение расшифровщиков верно, получается выражение «слуга Прове», близкое русскому «раб Божий». Видимо, Прове выступает как покровитель душ умерших, принимающий их на «том свете».

Я. Лечеевский также перевернул одно из рунических слов и перевел фразу следующим образом:

ИҮІR MRXΠΔ ⊥ξΑ↑
smiř žiretwan (l) e džyt

То есть: «Смирж жиретван лежит».

Второй камень содержит пять групп рун (пять слов?).

1. 1 1 X 1 1

Разными толкователями читается как *Boh. dac, Bohdan, Bobodan, Bog odin* и др.

³⁴ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... T. 9. S. 142.

³⁵ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... T. 1. S. 461.

2. ИҮІР

Разными толкователями читается как *Shir*, *Swir* и др.

3. ІНІІІІ

Разными толкователями читается как *(s)l. na woi*, *Lituoī*,

Lutwoī и др. 4. ІІІІІ Разными толкователями читается как *woi*, *woin*.

5. S

Как правило, читается как *s*.

Что касается второго камня, мнения здесь имеют больший разброс, чем при чтении рун на первом камне.

И. Лелевель³⁶ видит в кольцевой надписи следующие слова:

ИҮІР ŁŁX DІІІ SІ ІІ ІІІІ
Sbir. Bob. dac. sl. na woi

Что значит: «Боже! Дай силу на войне!» Кроме этой надписи на камне присутствует еще и отдельное слово в центре композиции — *woin*.

Чешский археолог Эразм Воцель предложил следующее прочтение³⁷:

ИҮІР ŁŁX ƆDІІ ІІІІ ІІІІ ІІІІ
Hwir Byg odin woin Lituoī

При этом Воцель трансформировал ІІІІІІ, а ІІІІІІ. Знак Ɔ был рассмотрен как Ɔ; S — вообще опущен.

³⁶ *Lelewel Cze'sc baiwochwalcza. Poznani, 1857. S. 79.* ³⁷

³⁷ См.: *Gazeta codzienna 1860. № 129.*

В. Цибульский³⁸:

ИΨΙR ѠѠIH ⚊ I ѠI ѠI тХРЛH
Smir woin s. l. na Woi Bobdan

Рогавский³⁹:

ИΨΙR тХРЛH ѠѠIH ⚊ MТѠI
Smir Bobdan Woin s. Lutwoi

Что значит: «Мир Богдану Воину с Лютовоем». А.

Петрушевич⁴⁰:

ИΨΙR тХРЛH ѠI H NRЛѠIS
Smir Bobdan woin prawoi s

Что значит: «Умер Богдан воин права».

При этом А. Петрушевич рассматривает Ѡ как NR, а т как λ.

Из всех переводов наиболее громоздким является перевод Я.Лечеевского⁴¹:

ИΨΙR тХѠ I H MТѠI ѠI H И
smircogo oćeg lutewoi woju s(ynowi)

Что значит: «Смира отец Лютевой — воину (сыну)»

Итак, толкования надписей на камнях сводятся к двум группам: рассмотрение надписей как обозначений теонимов (1) и как надгробных эпитафий (2).

Второе предположение, несомненно, более вероятно.

³⁸ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk... T. 1, S. 62.

³⁹ См.: *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 136.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 145—156.

Прежде всего стоит вспомнить, что крестьяне Микоржина свидетельствовали об обнаружении в округе и других камней с изображениями — в таком случае резонно предположить существование в данной местности древнего кладбища с каменными надгробьями.

Кроме косвенных свидетельств крестьян есть и другие доводы в пользу того, что микоржинские камни служили надгробьями. Здесь мы имеем возможность привлечь справочный материал, приведенный в первой части книги.

Как уже говорилось (см. гл. 1.1), в XI веке в Западной Европе была распространена практика установки памятных стел, на которых указывалось имя умершего, погибшего или отправившегося в опасное путешествие. Микоржинские камни как индивидуальные мемориалы органично укладываются в данную материальную традицию. Надпись на первом микоржинском камне, так же как надписи на скандинавских стелах, содержит упоминание некоего человека и его минимальную характеристику.

Характеристика Смира как «раба Прове» вызывает в памяти сообщение Ибн-Фадлана (см. гл. 1.3) о том, что «русы» на памятную стелу в честь погребенного наносили «имя царя русов». Упоминание об отношениях синьората (феодальной подчиненности) несвойственно для скандинавских эпитафий, но зато с сообщением Ибн-Фадлана вполне сопоставляется содержание надписи на первом микоржинском камне — здесь указывается, что Смир находится *в подчинении* Прове, является его *кметом* (холопом). Упоминания о подчиненности человека богу встречаются в славянском материале и помимо этого: как мы уже говорили, выражение «кмет Прове» фактически является калькой славянской сакральной формулы «раб Божий», где человек фактически рассматривается как «вассал» некоего бога. Вы-

ражение «раб Божий», по-видимому, достаточно архаично, поскольку оно является неотъемлемой частью такого древнего жанра как заговоры.

В принципе не исключено, что Ибн-Фадлан допустил ошибку, и на самом деле над могилой знатного руса был установлен памятник, упоминающий не «царя», а «бога русов». Действительно, у славян существовали представления о некоем божестве, являющемся покровителем именно славян, о чем можно судить по двум фразам из «Слова о полку Игореве»:

*Тогда при Олзѣ Гориславличи (ц)
сУяшеться и растяшеть усобицами;
погибашеть жизнь Алждѣ — Б о ж а внука,
въ Княжихъ крамолахъ въци челоуѣкомъ скратишася.*

а также:

*Въстала обида въ силахъ Аажѣ — Б о ж а внука.
Въступилъ дѣвою на землю Трояню...*⁴²

Можно спорить о разнице понятий *внук* и *раб* (*холоп*), но однозначно, что в приведенных здесь цитатах речь идет о боге, который, согласно мнению автора «Слова о полку Игореве», являлся главенствующим именно для славян или для славянских князей.

Как мы видим, велика вероятность того, что функционально близки надпись о «кмете Прове» (высеченная на первом микоржинском камне) и упоминание об «имени царя русов», высекавшееся на надгробном памятнике по сообще-

⁴² Цит. по: Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича. М., 1800. С. 17, 19.

нию Ибн-Фадлана. Эта близость покажется еще более вероятной, если мы учтем, что функции *царя* и *бога* в «традиционном» понимании были крайне близки⁴³. О сакрализации «царя русов», кстати, говорит и Ибн-Фадлан в другой части своего сочинения.

Пытаясь провести параллель между микоржинскими камнями и западноевропейскими руническими мемориалами XI века, мы не можем не обратить внимания на то, что композиционно они довольно близки. Как мы писали в главе 1.1., для мемориальных рунических камней характерно, когда текст выстраивается по периметру поверхности камня, оставляя в центре место для некоего изображения (см. рис. 2 а, б, д). Именно так строятся композиции и на микоржинских камнях — надпись идет по периметру, а в центре оказывается фигура Прове (камень № 1) или конь (камень № 2.). Создается впечатление, что резчик, делавший камни, был знаком с западноевропейскими мемориалами и брал их за основу; однако при этом он, не обладая достаточным опытом, сделал изображение весьма грубо.

Как мы уже говорили в главе 1.1, время наибольшего распространения мемориальных рунических стел приходится на X—XI века. Соответственно, и время изготовления микоржинских камней, скорее всего, относится именно к этому периоду. Более точно позволяет датировать камни то, что изображения на них носят явно языческий характер. На территории Польши христианство было принято в 965 году, однако не исключено, что погребальный обряд мог еще какое-то время носить языческий характер. По крайней мере, на Руси, где христианство было при-

⁴³ См.: Фрэзер АЛ- Золотая ветвь. М., 1998.

нято в 988 году, христианская погребальная обрядность окончательно утвердилась только к XII—XIII векам⁴⁴. Соответственно, мы можем предполагать, что микоржинские камни могли быть вырезаны и позднее 965 года; в качестве наиболее вероятного времени их изготовления мы бы назвали конец X — начало XI веков.

Понятны и пути проникновения скандинаво-германских традиций на территорию Польши. Воины-викинги в то время не только совершали набеги на многие страны Европы, но и находились на воинской службе у местных правителей; они составляли воинскую элиту того времени, и, соответственно, обычаи викингов наверняка были предметом моды. Поэтому не удивительно, что обычай возводить мемориальные камни мог быть перенят на территории Польши; по скандинавскому обычаю мог быть похоронен как викинг, так и местный воин — вспомним, что в надписи на втором микоржинском камне упоминается именно *воин Богдан*. Это заимствование, скорее всего, могло произойти до середины XI века, поскольку именно к этому времени влияние викингов в Европе начинает угасать.

Использование воинами-славянами погребальных обычаев викингов в принципе не исключено; зафиксирован случай, когда воин со славянским именем был упомянут на руническом камне в надписи, сделанной древнедатскими рунами⁴⁵. В 1837 году было издано изображение рунического камня, находившегося в южном Висинге (Sender Vissing-Stenen I). На камне было нанесено четыре строки рун, во второй стро-

⁴⁴ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 111.

⁴⁵ Ягич И.В. Вопрос о рунах у славян... С. 24—25. Со ссылкой на: Wimmer L.F.A. De Danske Runemindesmaerker ... Kopenhagen. 1893-1895. Т. 1. 4.2.(fol. 174). S.73.

ке на первом месте читались руны ф I И TI и I И, что значит *Mistivis*. В.И. Ягич предположил, что это упоминание некоего славянского воина Мистивоя, находившегося на иностранной службе.

Однако неправильно было бы рассматривать микоржинские камни исключительно как следствие скандинаво-германского влияния. Нельзя не указать еще одну сходную группу памятников — из южнославянских земель.

В главе 1.2 мы писали о надгробиях XIV—XV века из Боснии, Герцеговины и Словакии (рис. 9—10); конечно, проводить параллели между памятниками X—XI и XIV—XV веков довольно рискованно, однако обращает на себя внимание внешнее сходство центральных фигур этих памятников. На первом микоржинском камне изображена фигура, правая рука которой уперта в бок, а в левой, поднятой вверх, находится некий треугольный предмет (символ?). Фигура одета в недлинный (подробно прочерчены складки ниже пояса) кафтан без ворота. Поза фигур на южнославянских надгробиях зеркально отображает позу микоржинского Прове — левая рука у них уперта в бок, а правая (иногда гипертрофированная) поднята к небу. Рука указывает на некий небесный объект — месяц, звезду, круг; как мы уже говорили, данный жест толкуется как указание на цель посмертного путешествия души, место ее райского пребывания. Стоит отметить, что надгробные фигуры одеты в костюм, аналогичный одеянию микоржинского Прове; этот костюм, в свою очередь, совпадает с одеянием многих западнославянских идолов (см. гл. 1.2). Конечно, на основании такой второстепенной детали, как очертания одежды, не стоит делать далеко идущих выводов, однако надо отметить, что (в том числе благодаря одежде) очертания микоржинского Прове и надгробных фигур южных славян очень сходны. Это

сходство обращает на себя внимание еще и потому, что южнославянские надгробия вошли в научный оборот только в середине XX века. Маловероятно, что гипотетические немецкие и польские «фальсификаторы» были знакомы с ними еще в XVII—XIX веках.

В главе 2.1 мы выдвигали гипотезу, что некоторые славянские идолы, обнаруженные археологами, в действительности были надгробными памятниками, изображавшими божества. По крайней мере, в пользу этого говорит наличие определенных повторяющихся элементов как у идолов, так, позднее, у южнославянских надгробных фигур и, еще позднее, на христианских надгробных крестах. По этому факту можно судить, что фигура на надгробиях рассматриваемого типа является именно изображением некоего сакрального персонажа

Итак, фигура, изображенная на первом микоржинском камне, видимо, обозначает божество (Прове?), встречающее души после смерти и указывающее им путь на «тот свет». Что же в таком случае символизирует конь на втором микоржинском камне?

В славянской традиции, как и в традиции ряда других народов, конь также является существом, провожающим душу умершего. В.Я. Петрухин пишет: «Конь связан со смертью и (как транспортное животное) с путешествием на "тот свет"»⁴⁶. «По археологическим данным конь (наряду с собакой) был главным жертвенным животным на похоронах, проводником на "тот свет". Ср. сказочные мотивы коня — чудесного помощника героя, помогающего проникнуть в тридевятое царство, на вершину стеклянной

⁴⁶ *Петрухин В.Я.* Конь // Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М, 1995. С. 228.

горы и т.п.; в западноукраинских "обмираниях" герой былички, вернувшийся с "того света", оказывается не в гробу, а в смердящем трупе коня, лежащем на столе. <...> Конь (и собака) могут видеть смерть, о чем свидетельствует его беспокойное поведение и т.п. Характерен общеславянский фольклорный мотив вещего коня, предсказывающего смерть своему хозяину»⁴⁷. Обращает на себя внимание большое количество символики коня и саней (повозки) в обрядах и легендах, связанных с проводами на «тот свет»⁴⁸. В «Поучении» Владимира Мономаха употребляется выражение «сedia на санех» (в смысле — «будучи старым, перед смертью»). Кстати, стоит вспомнить, что конь упоминается и на скандинавских рунических памятниках — в качестве примера можно привести хотя бы камень с острова Готланд (см. рис. 3).

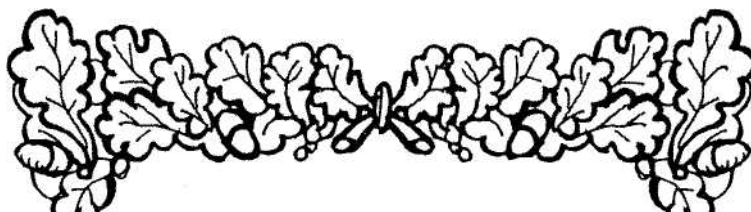
Таким образом, изображение коня на втором микоржинском камне вполне укладывается в концепцию камней как надгробных памятников и изображений на них — как символов пути на «тот свет».

Итак, при рассмотрении микоржинских камней в широком материальном и культурном контексте реконструируется следующая картина. В X—XI веках большое распространение в Западной Европе получили рунические мемориальные стелы. На окраине распространения этих стел оказалась и Польша. Видимо, заимствование происходило благодаря моде, существовавшей в воинских кругах. Мастер, недостаточно искусный в изготовлении памят-

⁴⁷ Петрухин В.Я. Конь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И.Толстого. Т.2. М., 1999. С. 590. См.: Белецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 2003.

ных стел, высек достаточно грубые рисунки и рунические надписи. Однако микоржинские камни нельзя рассматривать как слепое копирование скандинаво-германских образцов — при их изготовлении мастер использовал и славянские языческие элементы — он изобразил персонажи (бога Прове и коня), являющиеся символами перехода на «тот свет».

Глава 2.4. Чехия и Словакия

Чешских памятников, содержащих рунические изображения, немного, они недостаточно хорошо сохранились, вследствие чего надписи на них невыразительны, плохо читаемы и трудны для расшифровки. Зато их подлинность не вызывает сомнений.

Камни из Скальска

В 1852 году чешский археолог Вацлав Кролмус прибыл в село Кралск (болеславский край). В это же самое время сельчанин Юзеф Кабша ремонтировал подвал, в котором хранил пиво. Ударив в одну из стен подвала, он отметил, что удар прозвучал подозрительно глухо — создавалось впечатление, что за стеной была пустота. Кабш пробил стену и оказался в достаточно большом подземном зале. Потолок зала был подперт каменным столбом. Подземелье явно было могильным склепом, поскольку в нем было обнаружено несколько урн. Увидев урны, Кабш понадеялся, что найдет в них деньги, однако его надежды не оправдались. Огорчившись, крестьянин разбил урны и выбросил на свалку.

Именно в это время и прибыл Кролмус. Прослышав о разбитых Кабшем урнах, Кролмус нанес ему визит и попросил показать склеп. Осмотр склепа проходил в присутствии нескольких местных жителей. Во время этого осмотра на столбе, подпирающем свод, и были замечены два камня с

надписями. Кролмус перерисовал обе надписи и, закончив другие свои дела, уехал.

Однако он не был уверен в достаточной качественности и точности своего рисунка, поскольку во время осмотра камни были покрыты грязью и плесенью. Поэтому Кролмус в 1853 и 1854 годах попросил нескольких человек, чтобы они еще раз скопировали эти надписи. Все присланные копии, за исключением одной, весьма плохо выполненной, совпали между собой. Наличие нескольких свидетельств доказывает, что надписи не являются мистификацией.

Юзеф Кабш употребил исторический склеп под хранение картофеля, хотя Кролмус и просил оставить его пустым. Вследствие небрежения Кабша надписи, и без того слабо выраженные, стали и вовсе нечитаемыми. Так что ныне, если склеп еще существует, вероятно, вообще ничего нельзя будет разобрать. Остается только жалеть, что этот склеп не был куплен за общественные деньги и не был сохранен от уничтожения.

Оба камня, как и весь склеп, Кролмус описал и дал расшифровки надписей¹.

Надпись на первом камне Кролмус читает как *raksi* — *Раки*.

В этом слове видит связь с древнеиндийским Ракшасом и, соответственно, приходит к выводу, что данное слово обозначает славянского Чернобога. Сам склеп Кролмус расценивает как «святилище Чернобога».

Не исключено также чтение с помощью кириллицы. Тогда надпись прочитывается как *Русич*, что, возможно, является именем собственным.

¹ Krolmus W. Posledni boziste Cerno-boha s runami na Skalsku. Praha, 1857.

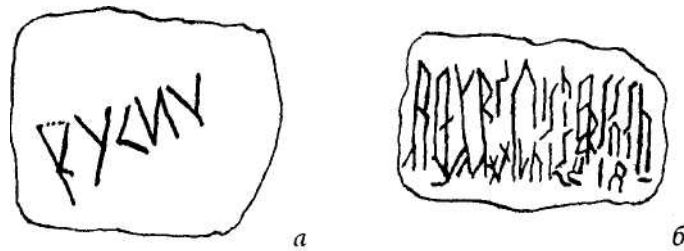

Рис. 27. Камни из Скальска

Надпись второго камня Кролмусом разбивается на отдельные знаки

и читается как

*Radegasi Balemu Vlinsi Nisi Jamarsi
sudu (или sum) Sivi*

Что, по Кролмусу, значит: «Радегасту Белому, Влинсу, Нишу, Ямаршу (= Ямуну), судье Живы (либо: северной Зори) <посвящено>».

Перечисленные имена славянских богов — Радегаст, Флинц, Ниш (Ний), Жива — действительно встречаются в литературе, посвященной западнославянскому язычеству. Информация о них достоверна в большей или меньшей степени.

Впоследствии расшифровать надписи пытался Я. Лечеев-ский. Он давал следующую транскрипцию:

*kneze ga de ko Ъa kam(e)ny ukul si ve s
bratrusi, sv(e)mu siv*

Что сводится к следующей фразе:

*Knefe Radek oba kam(e)ny uhA si Ves(lawu) Bratrusi,
sv(e)mu sy(no)v(i)*

Перевод: «Князь Радек оба камня высек Вес(лаву) Братруши, своему сыну».

По мнению Я. Лечеевского, камни являются надгробными памятниками и относятся к дохристианским векам Чехии.

Драгельчицкая урна

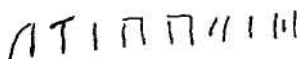

Рис. 28. Драгельчицкая урна

В 1857-1858 годах в Чехии строилась железная дорога из Кладно до Нучиц. В Драгельчицах строители наткнулись на большое языческое захоронение. Найденные погребальные урны не представляли, по мнению рабочих, никакой материальной ценности, и поэтому большинство из них было уничтожено. К счастью, в Драгельчицах нашелся человек, которого заинтересовали эти памятники

прошлого — это был Ежи Дрвота. Он собрал все, что смог обнаружить. Он-то и нашел между иными темно-серую урну ручной работы с пеплом внутри и с руническими знаками снаружи (рис. 28). Урну приобрел для чешского музея в Праге Вацлав Кролмус, который производил археологические изыскания поблизости от тех мест².

² См. Pamatky archeologicke a mastopisno. T. IV. Cze'sc. 1.1860. S.44.

Об этой урне упоминают К. Шульц³, К. Тышкевич⁴, Я. Лечеевский⁵.

Прочтение надписи на урне затруднено потому, что знаки недостаточно хорошо сохранились. Глина, хоть и обожжена, но материал не очень прочен, и земля, всегда содержащая в себе какую-либо влажность, длительное время влияла на поверхность урны. Поэтому знаки на глиняной поверхности подверглись уничтожению и не сохранились в первоначальном виде — менее глубокие царапины выравнивались и пропадали.

Кролмус, склонный к поиску параллелей между славянской и древнеиндийской традициями, прочитал эту надпись как

atmaua im

Он усмотрел в первом слове индийское понятие *atman* (= душа) и предположил, что надпись является неким посылом для души умершего. Хотя языковые параллели между санскритом и славянскими языками существуют в большом количестве, но утверждение об использовании славянами слова «атман» является слишком смелым и может рассматриваться только при наличии большого количества дополнительных доказательств.

Ян Лечеевский предположил, что руны, входящие в надпись, — «обратные», их надо читать справа налево. Кроме того, он расценил первый и третий знаки справа как полустертую руну . Согласно Лечеевскому, надпись сводится к форме:

WIMNITN

³ Roczniki Towarzystwa Przyjaciół nauk poznańskiego. Poznań. T. IX. S. 172.

⁴ Тышкевич К. О курганах на Литве и Руси...

⁵ Leciejewski J. Runy i runiczne pomniki... С. 171—172.

Вся надпись является обозначением конкретного умершего и читается как

Didu Uitu Что

значит: «Деду Биту».

Бодинский камень

В Словакии также были зафиксированы древние памятники, несущие на себе нерасшифрованные надписи, однако сведения о них скудны.

В упомянутой выше статье, опубликованной в Сборнике словенского музейного общества, содержится описание бодинского камня и знаков, содержащихся на нем (рис. 29).

Камень, находившийся в Бодине (Тренчинский комитат) представлял собой большой валун из зернистого серого песчаника, выступавший на два метра над поверхностью земли. По мнению местных жителей, валун лежал на этом месте с

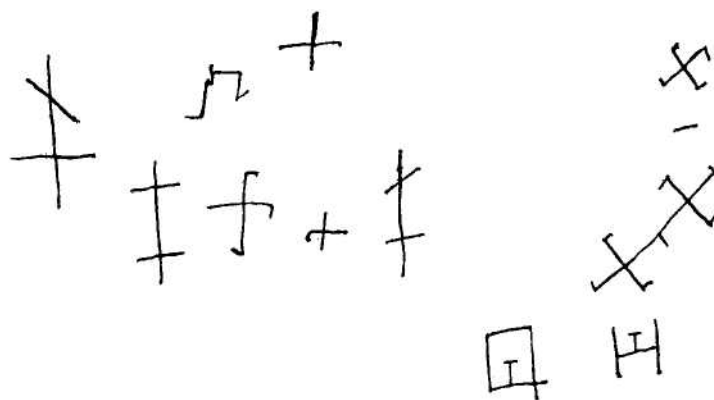

Рис. 29. Знаки на Бодинском камне

незапамятных времен. Поверхность камня не имела никаких следов обработки, за исключением упомянутых на нем знаков. Я. Лечеевский, пытаясь как-либо интерпретировать данный рисунок, выдвинул предположение, что многочисленные кресты представляют собой обозначения числительных⁶. Соответственно, по Лечеевскому, надпись указывала расстояния до границ земельного владения.

Велестурская надпись

Еще одна надпись, выполненная неизвестными знаками, внешне похожими на рунические, была обнаружена в Южной Словакии. Находка была сделана неподалеку от местечка Велестур, близ слияния рек Вага и Туроча⁷.

Д. Жункович дает следующую транслитерацию:

*прехах Силиан от моране зрумих кременитю те
туру и вся града и бье годе по туру двесте те те
осемдет*

Данный текст переводится им как «Явился Силлейнер от границы, разрушил Кремниц и Тур, равно как все города в области Тура, в 280 году».

Несколько иной вариант прочтения предлагает Я.

Ружичка:

*пр(и)ехах (в) Симиан от поране (,) зрумих кремени-
ту те туру и всиа (г)рада и бе годе по туру двести
те осимд(е)с(я)т*

⁶ Leciejewski). Runy i runiczne pomniki... S. 175.

⁷ Воспр. по: Платов А.В. Памятники рунического искусства славян // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6.1998. С. 114—115. Со ссылкой на: J. Ruzicka. Slovanska Mythologie. Praha, 1924. Zunkovic D. Die slavische Vorzeit. Maribor, 1918. Lesnoy S. The origins of the Ancient «Russians». Winnipeg, 1964.

При этом второе слово надписи рассматривается Я. Ружичкой не как имя человека, а как название города Симиа-на на реке Ваг.

С. Лесной добавляет, что слово «зрумих», возможно, читается как «из Румих», т.е. «из Рима».

Словацкие наскальные надписи

В словацкой научной литературе конца XIX века встречаются упоминания о неких знаках, выбитых на скалах в крем-ницких горах⁸, причем Я. Лечеевский утверждает, что подобные знаки на скалах встречаются и в других местах Словакии⁹.

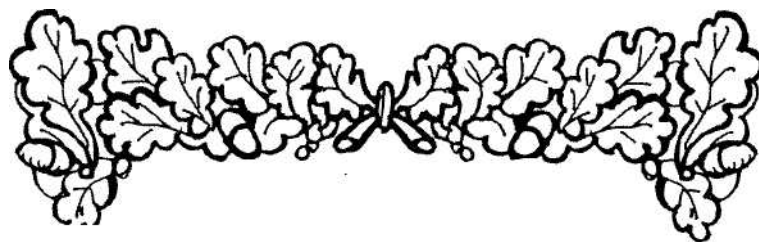
Д.Жункович упоминает еще восемь «рунических» наскальных надписей, известных уже в начале XX века, но к моменту выхода его работы (1918) еще не изученных¹⁰.

1. у Липтау, на «Гавранна скала»;
2. на расстоянии четырех часов ходьбы к юго-востоку от Гронеча;
3. в среднем Текове, севернее Иновеца;
4. в округе Гандль, против Нова Лыгота;
5. в округе Боглар, у Бардижова, около **полянки «на Баниску»**;
6. в окрестностях Сабинова;
7. под горой Кривая;
8. «на Голах».

⁸ Sbornik musealnej slovenskej spolonnosti. Rocznik I. 1896. S. 195—200.

⁹ *Leciejewski J.* Runy i runiczne pomniki... S. 174—175.

¹⁰ Воспр. по: *Платов А.В.* Памятники рунического искусства славян // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6. 1998. С. 114—115. Со ссылкой на: *Lesnoy S.* The origins of the Ancient «Russians». Winnipeg, 1964.

Глава 2.5. Россия, Украина, Белоруссия

На территории расселения восточных славян было зафиксировано несколько археологических находок со специфическими знаками, которые можно было бы идентифицировать как знаки некой дохристианской письменности. Однако мы воздержимся от обзоров этих памятников, отсылая читателя к обзорам в ряде вышедших за последнее время публикаций¹. Поскольку темой нашей книги является рассмотрение гипотезы о существовании у славян *рунической* письменности, мы ограничимся описанием ряда памятников, содержащих знаки, которые по своей графике сколько-либо напоминают руны.

Рунические знаки на территории расселения восточных славян очень фрагментарны. Е. А. Мельникова так характеризует общий массив находок: «Наряду с кириллическими и бесспорно скандинавскими руническими надписями, на территории Древней Руси и в сопредельных регионах обнаружено немало предметов с надписями из трех—десяти, а иногда и больше знаков, которые не являются кириллическими или глаголическими. К ним принадлежат надписи на так на-

¹ Обзоры см: *Истрин В.А.* 1100 лет славянской азбуки... *Серяков МЛ.* Русская дохристианская письменность... *Платов А.* Работы мастеров славянской школы рунического искусства // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6. 1998.

зываемых алихановских сосудах, на большом числе шиферных пряслиц, на отдельных предметах и фрагментах костей и керамики. Графика знаков некоторых из этих надписей имеет ближайшие аналогии в скандинавском руническом письме. Вместе с тем в них за исключением редчайших случаев отсутствуют характерные именно для скандинавского рунического письма знаки со сложной графикой, такие, как руны г, р, b, s, и, напротив, широко представлены простейшие по графике знаки ↑, ↓, ↗, ↘, ↙, ↚ и т.п., которые можно было бы рассматривать как случайные царапины, если бы они не образовывали серии до 10, а подчас и больше знаков, т.е. не представляли бы собой некий текст, содержание которого восстановить в подавляющем большинстве случаев не удастся. В целом репертуар подобных знаков, возможно, восходит к скандинавскому руническому письму»².

Камень из Пневищ

В 1873 году при строительстве каменной церкви в местечке Романове Городецкого уезда Могилевской губернии был обнаружен странный камень³. С обеих сторон на нем были выбиты знаки непонятного происхождения. Камень был привезен к месту строительства крестьянином соседней деревни Пневищи. Согласно показаниям крестьянина, данная находка была сделана в лесу неподалеку от Пневищ. Камень был не один — как удалось выяснить, на месте находки первоначально существовал курган из камней, на вершине

² Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... М., 2001. С. 213-214.

³ Дондуков-Корсаков А.М. Древний памятник «Волчьего хвоста» в стране родимичей // Полоцко-Витебская старина. Вып. 3. Витебск, 1916.

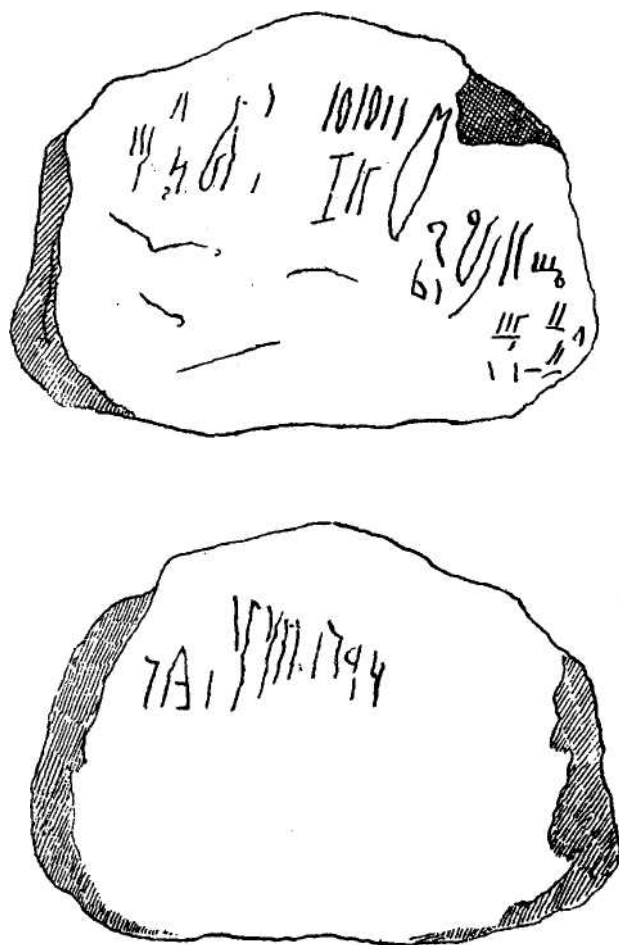

Рис. 30. Пнебигценский камень (по
рисунку АМ. Андрюкова-Корсакова)

которого и находилась стела с надписями. Во время заготовки стройматериалов курган был разобран до основания; никакого захоронения в основании обнаружено не было.

Находка была зафиксирована тамошним помещиком князем А.М. Дондуковым-Корсаковым. Он велел перенести камень к себе в усадьбу и хранить в сарае. Вскоре по факту находки был сделан доклад на археологическом съезде, проходившем в Смоленске. Ввиду громоздкости памятника, А.М. Дондуков-Корсаков не повез его в Смоленск, но предложил всем желающим осмотреть на месте. На приглашение откликнулся доктор Г. Ванкель из Моравии, который составил собственное описание памятника.

23 августа 1874 года в имении Дондукова-Корсакова случился пожар, и сарай, в котором хранился камень, сгорел. Сам памятник от высокой температуры раскололся на мелкие части. Дондуков-Корсаков так ни разу и не попытался опубликовать информацию о камне. Уже после его смерти, в 1916 году, его родственники опубликовали статью в местном сборнике, однако публикация осталась незамеченной научной общественностью — шла Первая мировая война, начиналась эпоха великих социальных потрясений.

Итак, до нашего времени дошли только два рисунка пневишинского камня; один из рисунков сделан А.М. Дондуковым-Корсаковым, другой — Г. Ванкелем. Рисунки значительно отличаются друг от друга — каждый из исследователей по-своему трактовал неровности камня.

Первая попытка интерпретировать пневишенские надписи была сделана самим А.М. Дондуковым-Корсаковым; он предположил, что камень является памятником в честь победы воеводы Волчьего Хвоста над родимичами — согласно летописи, данное событие произошло в 984 году и происходило неподалеку от Пневищ.

Г. Ванкель пытался прочесть надпись с помощью скандинавских рун, однако не смог этого сделать. С подачи Ван-келя рисунок камня попал к А. Мюллеру, который признал надпись за финикийскую и перевел следующим образом: «Памятник Ваала. Здесь мы его выдолбили (высекли)»⁴. Конечно, данная бредовая версия была отвергнута научным миром. Причем Г. Ванкель и А. Мюллер оказали памятнику плохую услугу — наверняка, неудачный, одиозный перевод снизил интерес ученых и к самому камню.

Уже в наши годы МА, Серяков попытался прочесть надпись с помощью индийского слогового алфавита брахми. В результате был получен следующий текст: «А граду прави(ть) наряд [!] Одари теперь род Щека, к(ои) мог ущити(ть) роту а // Вот княже речь да(л)». При переводе на современный язык М.Л. Серяков получает следующую фразу: «(Когда я умру?) граду хранить порядок (вар.: устройство) [!] (Боже?) одари теперь род Щека, который мог защитить справедливость (вар.: клятву), а // Вот княже речь дал»⁵. То есть речь идет о завещании некоего правителя своим подданным.

В.А. Чудинов, пользуясь собственным методом расшифровки, переводит надписи следующим образом. На одной стороне: «Въ лете ночь дьлога Въ ночь же!». («Летом ночь долга, В ночь же!») На другой стороне: «Въ ночь ты будь въ ево заводи, и его рыбу режь, бери, вози и ешь!» В.А. Чудинов комментирует: «Здесь все понятно. Речь идет о воровстве заготовленной рыбы, видимо вяленой. Один ночной вор предлагает другому украсть в заводи известного им рыбака рыбу, которую предлагается не только срезать с веревки, но забрать и

⁴ Ванкель Г. Эрратический валун с финикийской надписью, найденный близ Смоленска в России // Полоцко-Витебская старина. Вып. 3. Витебск, 1916.

⁵ Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность... С. 54—61.

отвезти домой, чтобы там съесть»⁶. Оставив в стороне лингвистический и эпиграфический аспекты реконструкции, отметим только, что вызывает сомнение целесообразность столь монументальной переписки, которую два мелких вора ведут «долгими летними ночами».

А.А. Бычков вообще склонен предполагать, что надпись написана скандинавскими рунами, которые от времени стерлись, что свело к минимуму возможность прочесть надпись.

Алекановские надписи

Русский археолог В.А. Городцов, раскапывая осенью 1897 года кладбище в селе Алеканове, в Муромском округе Рязанской губернии, нашел между иными многочисленными археологическими памятниками также небольшой глиняный сосуд с загадочными знаками (рис 31)⁷. Сосуд невелик по размерам его высота составляет всего 15 см, а ширина — до 11 см. Сосуд изготовлен из глины с большим содержанием песка, не очень хорошо обожжен. По верху шейки нанесен орнамент, состоящий из небольших насечек.

Все признаки (особенно шесть характерных височных колец) указывали на то, что захоронение было славянским. В.А. Городцов датировал его X—XI веком.

Тот факт, что сосуд был слабо обожжен и сделан из плохо промешанной глины, трактуется археологом следующим образом: «Такой признак может указывать на то, что сосуд изготовлялся наспех, специально по случаю похорон, а если это было так, то изготовление его должно быть местное, домаш-

⁶ Чудинов В.А. Загадки славянской письменности... С. 468.

⁷ Городцов В.А. Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками // Археологические известия и заметки. 1897. Т. 5. № 12. С. 385—390.

Рис. 31. Сосуд с надписью из села Алканова

нее, а следовательно, и знаки на сосуде сделаны своим местным или домашним писцом, т.е. славянином»⁸.

Во время следующего полевого сезона В.А. Городцов нашел еще два обломка глиняной посуды с загадочными знаками (рис. 32). На первом обломке знаки располагались на шейке сосуда, во втором — на боковых стенках. Некоторые знаки с обломков совпадали со знаками «основной» надписи, что позволяло сделать вывод о том, что все они относятся к одной и той же графической традиции⁹.

В.А. Городцов предположил, что знаки на сосуде могут быть рунами, и даже постарался прочесть надпись на основе скандинавского футарка, но не смог, поскольку обна-

⁸ Городцов В.А. Заметка о глиняном сосуде... С. 388.

⁹ Городцов В.А. Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды//Археологические известия и заметки. 1898. № 11—12.

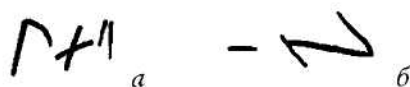

Рис. 32. Знаки на разрозненных черепках из села Алеканова

ружил только два знака, похожие на известные ему руны. Итоговый вывод археолога был осторожен: он предположил, что на сосуде начертаны руны вперемешку со знаками собственности. Встречающиеся трижды круглые черно-белые знаки он расценил как знаки препинания, разделяющие текст на слова.

Попытку прочесть руны предпринял Ян Лечеевский.

Часть знаков он растолковал как сложные руны и разделил их на составляющие; часть — домыслил. Так, сходные меж собой знаки Лечеевский произвольно решил читать как *ст* и *зд*. По Лечеевскому, вся надпись должна читаться справа налево и в зеркальном отображении. Вслед за Городцовым он признал круглый знак как разделитель.

После того как с текстом была проведена восстановительная работа, он принял следующий вид:

•
um malu stavib nu(d)a(j)a

Перевод: «Ум[ершему] малу ставих нуждая».

Я. Лечеевский считает, что урна содержит прах некого ребенка («малого», «мальца»). Если принять точку зрения Лечеевского, то слово «mal» можно растолковать и как имя собственное. В русских летописях (видимо, неизвестных Лечеевскому) действительно встречаются мужское имя *Мал(к)* и женское имя *Милуша*.

Однако громоздкость и произвольность трактовки (что касается почти всех знаков) делают прочтение Лечеевского мало убедительным.

Впоследствии исследователи не предлагали других прочтений алекановской надписи. Можно привести разве что замечание МЛ. Серякова, который указал на соответствие двух наиболее загадочных алекановских знаков — и — со знаками, нацарапанными от руки на импортных монетах. Первый из этих знаков-граффити — — был начертан на дирхеме Аббасидов 911—912 гг.; монета была обнаружена в киевском некрополе (погребение № 10). На острове Готланд в Швеции был найден византийский милиарий 945—959 годов со знаком . Хотя вторая монета была найдена не у славян, но в своем пути на север она наверняка прошла через территорию Руси. «Нельзя с абсолютной уверенностью утверждать, что эти знаки родственны але-кановским, но и пренебрегать подобной возможностью также не следует»¹⁰.

Что же касается двух одиночных алекановских черепков, то знаки на втором расшифровываются с трудом, а вот знаки первого вполне соответствуют традиционному руническому строю:

ᚦ ᚦ ᚦ
lau

Данное сочетание букв звучит по-славянски как *лав* и может быть окончанием имени человека, чей прах содержится в урне (сравн. Вячеслав, Святослав, Ярослав и др.).

Н.В. Энговатов предпринял попытку прочесть надписи на алекановских сосудах как скандинавские руничес-

¹⁰ Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность... С. 86.

кие¹¹, однако Е.А. Мельникова говорит, что данная попытка «неубедительна; большинство знаков на этих сосудах лишь с большой натяжкой может быть отождествлено со знаками рунического алфавита, причем с нетипичными графемами»¹².

На настоящий момент алекановские знаки признаны наукой как аутентичные, но расшифровка их не произведена. Высказывалась точка зрения, что это локальная знаковая система, разработанная в племенном объединении вятичей.

Надписи из Масковичей

Более ста руноподобных надписей и рисунков, процарапанных на костях животных и птиц, было обнаружено в 1976—1988 гг. во время раскопок у деревни Масковичи Брас-лавского района Витебской области. Раскопки производились Л.В.Дучиц¹³.

Городище было военно-политическим, торговым и культурным центром на русско-латышско-литовском порубежье; судя по находкам, здесь присутствовали представители многих национальностей — славяне, скандинавы, балты.

К сожалению, не представляется возможным отнести данные надписи к какому-либо языку. В большинстве своем над-

¹¹ Энговатов Н.В. Руническая эпиграфика на территории СССР и норманизм//Советская археология. 1964. № 4. С. 214—220.

¹² Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... С. 213.

¹³ Аучиц Л.В., Мельникова Е.А. Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия)//Древнейшие государства на территории СССР. 1980 год. М, 1981. С. 185-216. Также см.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... С. 213—247.

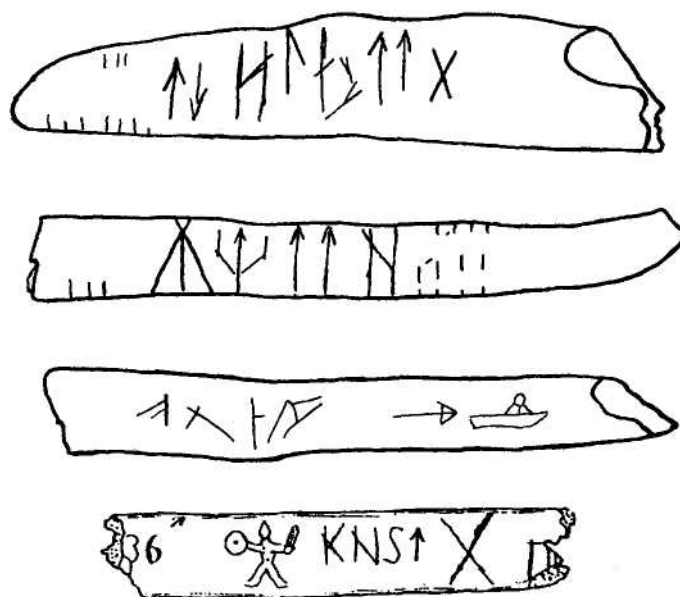

Рис. 32. Находки из Масковичей. Внизу — кость с
предположительно славянской надписью:
«кн[я]зь т[о]»

писи очень коротки и представляют собой нечитаемый набор руноподобных знаков или же просто насечек. Очень часто встречаются удвоенные или даже утроенные знаки — это наводит на мысль, что не исключено «магическое» толкование данных знаков.

Исключение составляет кость, на которой нанесено слово **KNS↑**, которое может быть прочитано как славянское «кн[я]зь т[о]». Рядом с рунами — изображение воина со щитом и мечом, что подтверждает правомерность именно такого прочтения.

Другие надписи, выполненные с помощью руноподобных знаков

Например, знаки, напоминающие руны, можно увидеть на изделиях так называемой археологической культуры штриховой керамики. Основная часть данной культуры располагается на территории современной Белоруссии; есть памятники также в Литве, на севере Украины. Культура штриховой керамики датируется VII в. до н.э. — V в. н.э.; некоторые исследователи ассоциируют ее со славянами, некоторые — с балтами.

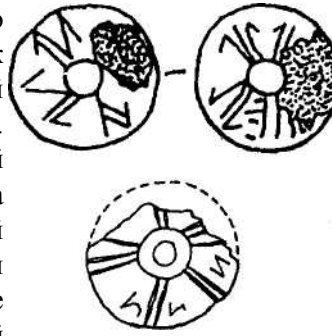
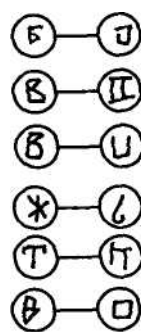

Рис. 33. Пряслица
культуры
штриховой керамики.

На рисунке 33 изображено два пряслица культуры штриховой керамики. Как видно, некоторые знаки действительно напоминают буквы, некоторые — больше похожи на орнамент.

Загадочные знаки были обнаружены на свинцовых пломбах X—XIV вв., видимо являющихся торговыми печатями¹⁴. Несколько сотен таких пломб было обнаружено на Западном Буге близ села Дрогичина. На лицевой стороне некото-

¹⁴ Тышквич К.П. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина//Древности, 1864—1965 гг. Т. 1. Авенариус Н.А. Несколько слов о дрогичинских пломбах. М., 1892. Болсуновский К.В. Дрогичинские пломбы. М., 1894.

 рых пломб стоит буква кириллицы, а на обратной — один из «загадочных» знаков (рис. 34).

В 1912 году в Киеве при раскопках была обнаружена печать с двумя круговыми надписями и княжеским знаком посередине (рис. 35). Впоследствии она была утеряна, сохранилось только изображение,

Рис. 34. Знаки на
 пломбах, найденных
 близ села Дрогичина.

изданное Н.П. Лихачевым и переизданное В.Л. Яниным¹⁵. Сравнение с другими археологическими находками позволяет утверждать, что крупные знаки, находящиеся в круге из мелких «букв», представляют собой усеченный «трезубец» — герб Рюриковичей, а сама печать принадлежала некому должностному лицу из администрации князя Святослава Игоревича (X в.).

Существует несколько прочтений надписи на «печати Святослава».

Н.П. Лихачев при рассмотрении печати ограничился тем, что отметил знаки, сходные с кириллическими *стла*.

Н. Энговатов прочел надпись с помощью глаголицы и получил: «Святослав Ингоревич, а се его печать лета е 6471 (963 г.)»¹⁶.

М.Л. Серяков прочитал одну из надписей как «К(?)то стлав(г?) рт дана». Что значит: «То Святослав роту ... дан», — или: «То стла / послал», — или: «Святослав грамоту дан». Часть

¹⁵ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. 1. М, 1970. С. 38.

¹⁶ См.: Чиликин О. Утерянная азбука // Огонек. 1960. № 19. С. 26.

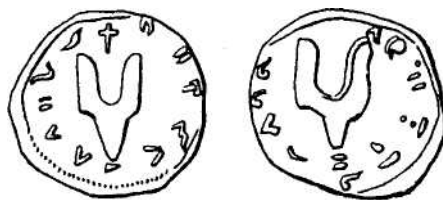

Рис. 35. «Печать Святослава»

второй надписи он прочел как: «Гра(мо)ту инах...у(?) габича». «Последнее слово может быть именем, а может иметь общее происхождение с древнерусским словом "габити" — "притеснять", и в данном контексте обозначать, вероятнее всего, оттиск».

В.А. Чудинов дал еще один перевод. На первой стороне:

«Съвятосьлавъ кънась. Леть же 21 владыки». На второй: «Съватосьлава 6468» — т.е. имя князя и год чеканки монеты (960 г. н.э.)¹⁸.

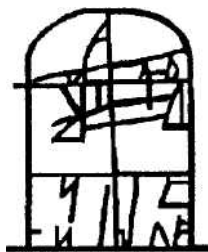

Рис. 36. Знаки на
бараньем ребре,
обнаруженном
Д.Я. Самоквасовым

Еще одна загадочная находка была сделана ДЛ. Самоквасовым. В курганном захоронении близ Чернигова он обнаружил ребро барана, на котором был странный рисунок (рис. 36).

Некоторые из знаков этого рисунка напоминают руны. Д.Я. Самоквасов писал: «Знаки состоят из прямых резов, по всей вероятности, представ-

¹⁷ Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность... С. 63.

¹⁸ Чудинов В.А. Загадки славянской письменности... С. 470.

ляют собою русское письмо X столетия, на которое имеются указания в источниках»¹⁹.

Не вполне ясно, имеет ли данный причудливый рисунок отношение к письменности вообще. Однако по крайней мере два автора попытались его прочесть. Н.В. Энговатов, утверждая, что пользуется глаголицей, составил следующее предложение: «А ему яти туура. Ягърбунъ» («А ему взять двух туров. Ягербун»)²⁰. В.А. Чудинов же расшифровал «рисунок Самоквасова» как целый текст: «Живо же мое рало, и конь, и русь, вольне и явъне», что означает: «Жив же мой плуг, и конь, и русь, вольная и явная»²¹.

Рис. 37. Знатен на камне, опубликованные Ф.Н. Глинкой

Иногда в качестве рунической надписи упоминается одно из опубликованных Ф.Н. Глинкой изображений на камнях²².

Ф. Магнусен пытался рассмотреть линии слева и справа от «подковы» как вязанные руны — он свел изображения к двум руническим комбинациям. Слева от подковы:

ivar

Справа

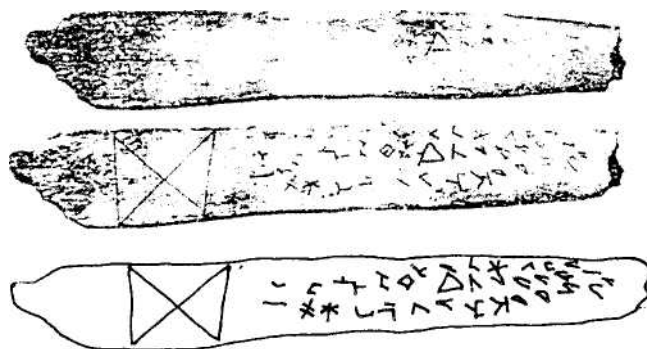
ial

¹⁹ Самоквасов А-Я. Раскопки северянских Курганов во время XIV археологического съезда. М., 1916. С. 11.

См.: Чиликин О. Утерянная азбука//Огонек. 1960. № 19. С. 26.

²¹ Чудинов В.А. Загадки славянской письменности... С. 466—467.

²² О древностях в Тверской Карелии. Извлечение из писем Ф.Н. Глинки к П.И. Кёппену // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1836. Тетр. 5. С. 633-652.

РМС. 38. Коровье ребро с неидентифицируемыми знаками.
Новгород, нач. XI в.

Трактовка Ф. Магнусена неубедительна, так же как и некоторые другие трактовки.

Рядом исследователей высказывалось мнение, что линии около подковы вообще имеют естественное происхождение.

В 1956 году в Новгороде в слое, датируемом первой четвертью XI века, было найдено коровье ребро с непонятной надписью из 35 знаков, расположенных в несколько строк²³. Надпись не поддается даже примерной дешифровке (рис. 38).

В качестве загадочного набора руноподобных знаков можно указать берестяную грамоту, найденную в 1989 году в Старой Русе (рис. 39)²⁴. Надпись непереводима с помощью скандинавских рунических алфавитов.

²³ Славяне и Русь. М., 1968. С. 439.

²⁴ Новгород и новгородская земля. Вып. 6. Новгород, 1992. С. 8.

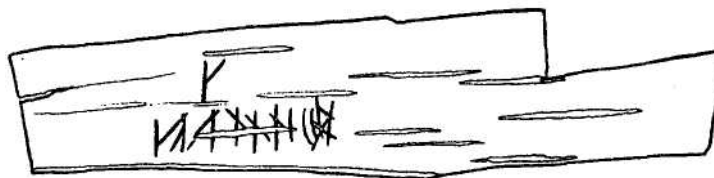

Рис. 39. Берестяная грамота из Старой Русы.

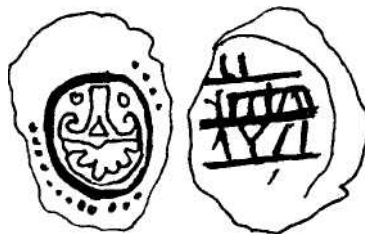

Рис. 40. Тверская монета XIV века — один из средневековых русских предметов с нечитаемыми знаками

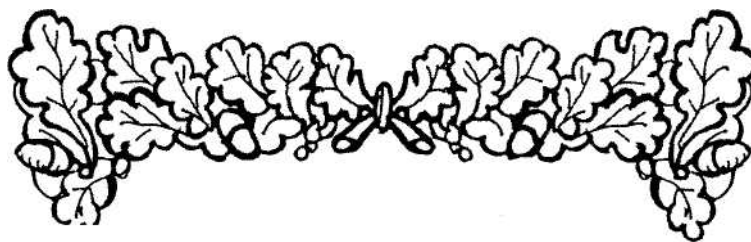
Достаточно большое количество непонятных знаков (иногда вперемешку с кириллицей) встречается на восточнославянских предметах X—XI и более поздних веков — их можно обнаружить на пряслицах, календарях, обломках посуды и т.д.²⁵ Как писал В.А. Истрин, «в 1940—1950-х годах в этих загадочных знаках многие хотели увидеть прототипы глаголических букв. В настоящее время ученые склоняются к пониманию этих знаков как славянских "черт и резов"»²⁶.

²⁵ См.: Культура Древней Руси. Т. 1-2. М., 1950-1951. Арциосовский АЗ. Введение в археологию. М., 1947. Эпштейн ЕМ. К вопросу о времени происхождения русской письменности // Ученые записки Ленинградского университета. Вып. 5. 1947. Черных П.Я. Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950.

²⁶ Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки... С. 126.

Подводя итоги данной главы, надо отметить, что, к сожалению, археологические находки, сделанные в землях восточных славян, не дают убедительных оснований для утверждения, что здесь существовали письменные системы, родственные руническим. Мы имеем определенное количество находок, содержащих знаки, отдаленно напоминающие руны. Во всех случаях этих знаков так мало и они так разрозненны, что нет никакой возможности делать на их основе какие-либо выводы. Иногда знаки даже трудно определить как информативные; возможно, они являют собой не более чем наборы естественных или искусственных линий.

Глава 2.6. Болгария

Небольшое количество надписей со знаками, напоминающими рунические, обнаружено на территории Болгарии.

В 1928 году близ села Ситово, неподалеку от местоположения древнего города Шутгарда, в горной пещере были обнаружены неидентифицируемые надписи (рис. 41). Секретарь археологического общества в Пловдиве Пеев писал в отчете: «При внимательном осмотре южной стены пещеры (стена представляет собой почти отвесную скалу) мы обнаружили, что примерно в двух метрах от пола высечена гладкая отшлифованная полоса шириной от 23 до 30 см. и длиной 260 см. На этой полосе выдолблены какие-то загадочные знаки. Без сомнения, надпись сделана рукою человека. Знаки напоминают так называемые рунические письмена,

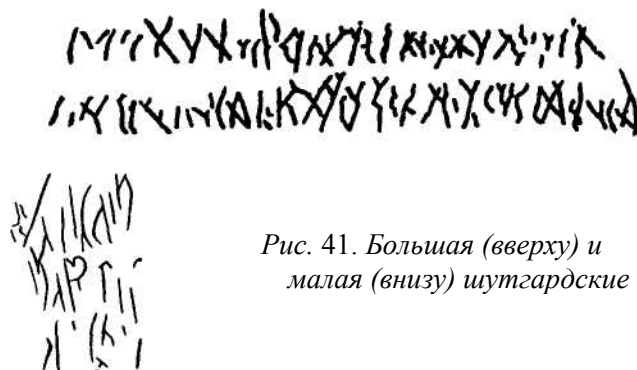

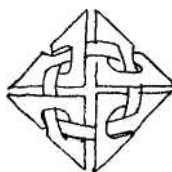
Рис. 41. Большая (вверху) и малая (внизу) шутгардские

которыми пользовались древнегерманские народы...»¹
Расшифровать ни одну из обнаруженных надписей Пееву не удалось.

В начале 1950-х годов академиком Гошевым была предпринята еще одна попытка дешифровки. По его мнению, первая надпись была выполнена мастерами славянского племени рунхинов; начало текста Гошев переводил как «Я, князь рунхинов...» К сожалению, Гошев не успел закончить труд по дешифровке и переводу надписи.

Впоследствии попытки прочтения первой надписи предпринимались неоднократно. В качестве примера можно указать перевод, составленный Титовым: «В 6050 году (542 г.) учил язык и старинные писать, князь (?) елания из Веслани-да (предположительно — Фессалоник)».

О дешифровке второй надписи из пещеры нам ничего не известно.

¹ Здесь и далее цит. по: *Платов А.В.* Памятники рунического искусства славян // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6. 1998. С. 116—118.

Часть 3

Некоторые
замечания с точки
зрения этнографии

В предыдущих частях мы рассмотрели некоторое количество памятников, свидетельствующих в пользу того, что у славян до принятия ими христианства существовала некая письменность, сходная с западноевропейскими рунами. Эти памятники делятся на две группы.

1-я группа. Существует некоторое количество западноевропейских предметов с надписями, составленными с помощью одного и того же рунического строя («вендских рун»). Что касается возникновения этого строя — то самым вероятным является наиболее простое объяснение: «вендские руны» были заимствованы славянами у соседей — германцев или скандинавов — и подверглись определенной трансформации. Очевиден и исследовательский путь, с помощью которого может быть подтверждена достоверность данных памятников — экспертиза, проведенная непредвзятыми специалистами с помощью современных методик.

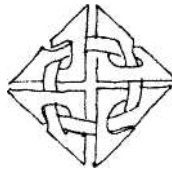
2-я группа. Существует некоторое количество археологических находок, надписи на которых не поддаются идентификации. С рунами они ассоциируются только потому, что, во-первых, иногда сходны по графике и, во-вторых, некоторыми исследователями переводятся по аналогии с западноевропейскими рунами. Надписи, как правило, фрагментарны и не дают достаточного материала для дешифровки. Малое количество знаков в надписях приводит к тому, что дешифровщики в своих толкованиях склонны к субъективности; как следствие, их переводы противоречат друг другу.

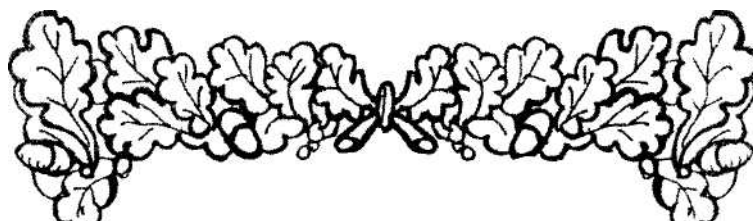
Последняя, третья часть нашей книге посвящена тому, чтобы прояснить возможность существования памятни-

ков именно второй группы. Мы попытаемся ответить на вопросы:

— какова вероятность того, что разрозненные знаки, обнаруженные на археологических находках, являются именно знаками рунической письменности?

— чем еще они могут быть?

Глава 3.1. Употребление рисуночного письма у русских

Мировое развитие письменных систем протекало в направлении передачи графическими знаками все более и более мелких элементов языка, что позволяло обходиться все меньшим и меньшим количеством разных знаков. При этом знаки теряли изобразительный характер и становились все более схематичными. Обычно различают четыре основных типа письма; пиктографическое, логографическое, слоговое и звуковое¹.

Рисуночное письмо является древнейшим типом письменности. Основными средствами этого письма служат более или менее сложные рисунки сюжетного, повествовательного характера или же серии рисунков (как бы «рассказы в картинках»). Иногда в письме использовались и простейшие условные знаки, например черточки, указывающие на количество предметов, о которых идет речь. За некоторыми часто употребляемыми понятиями могли закрепляться конкретные знаки — например, у североамериканских индейцев дымящаяся трубка обозначала заключение и поддержание мира.

Развитие пиктографии приводило к появлению *логографического* письма, в котором каждое слово обознача-

¹ см. Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. М, 1963.

ется отдельным знаком. Древнейшими логографическими системами являются египетская, шумерская, критская, китайская письменности. Использование логографического письма упрощается в тех языках, где построение предложения предполагает строго определенную последовательность его частей: подлежащего, сказуемого и т.д., а также малую изменяемость слов (отсутствие склонений, спряжений и т.д.).

Следующий тип письма — *слоговое* — как правило, предполагал соответствие графических знаков слогам. Слоговая письменность до сих пор применяется в Индии, Японии, Эфиопии.

Наконец, *звуковые* системы письменности (впервые такая система возникла у финикийцев) предполагают дробление языка на «первичные элементы», отображаемые буквенными знаками. Существует два основных типа буквенно-знаковой письменности: консонантно-звуковое и вокализовано-звуковое. В первом случае буквы обозначают только согласные звуки речи, во втором — и согласные и гласные. Письменные системы первой группы были приняты народами, в языках которых большое значение имеют согласные звуки, — финикийцами, арамейцами, евреями, арабами и др. Вокализовано-звуковое письмо, впервые возникшее в Греции, было призвано отображать язык, построенный на широком использовании гласных звуков (к числу таких языков относятся и славянские).

В ходе исторического прогресса все четыре перечисленные формы сменяются последовательно. Впрочем, при этом не известно ни одного случая, когда какой-либо народ прошел все четыре фазы. В некоторых случаях переход может происходить даже от наиболее примитивной формы — пиктографической письменности ■ — к развитой

буквенной (как, например, это произошло у народов Севера под влиянием русской и советской цивилизаторской деятельности).

Когда в ходе археологических изысканий обнаруживается некая надпись, сделанная с помощью неизвестных знаков, то не исключено, что она относится к *любому* из четырех видов письменности.

Рассматривая реконструкции системы дохристианской письменности у славян, мы видели попытки представить ее в виде звуковых (Н.А. Константинов, Н.В. Энговатов, И.А. Фигуровский) или слоговых (М.Л. Серяков, В.А. Чудинов) систем. Однако не исключено, что «неизвестные» знаки представляют собой логографическое или даже рисуночное письмо.

В главе 1.3 мы приводили несколько исторических свидетельств о надписях, которые, возможно, были выполнены с помощью не букв, но рисунков. Эти «надписи» представляли собой имена богов. Действительно, в архаичных графических мотивах восточных славян можно выделить несколько графем, которым соответствуют определенные понятия. В качестве устойчивого символа можно назвать свастику — крест с загнутыми концами². Б.А. Рыбаков относит к числу таких графем «перунов знак»³ (рис. 42), знак земли под условным названием «засеянное поле»⁴, специфические изображения дождевых облаков, текущей воды и т.д.

² Бсидасиров Р.В. Свастика — священный символ. Этнорелигиоведческие очерки. М., 2001.

³ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян... С. 455. Другие названия — «Громовый знак», «Колесо Юпитера».

⁴ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян... С. 182. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 573, 575 и др.

*Рис. 42. Предметы
русскою
декоративно-прикладного
искусства с*

В качестве примера использования славянами рисуночно-логографического письма часто называют изображения на ритуальных горшках (рис 43, 44). Несколько таких горшков обнаружены в Поднепровье и относятся к II—IV векам. БА Рыбаков убедительно доказал, что орнамент на горшках имеет календарный характер — изображает времена года, отдельные месяцы и т.д." На ритуальном сосуде, найденном близ села Ромашки (рис. 44), каждый из двенадцати месяцев изображается с помощью специальной графической композиции. На сосуде из-под Лепесовки день, посвященный богу грома, обозначен с помощью уже упоминавшегося нами «перунова знака», различные календарные периоды обозначены с помощью изображений дождевых струй, растений, жатвенных серпов.

В народном декоративно-прикладном искусстве встречаются рисуночные композиции, которые можно расценить как

⁵ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 164—194.

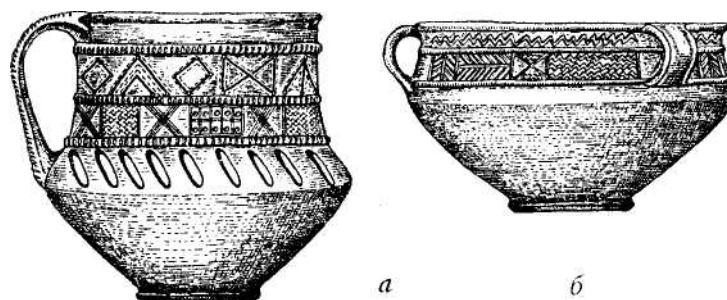

Рис. 43. Сосуды с рисуночным «текстом» — календарными знаками. Поднепробье, IV в. а — с. Войсковое, б — с. Каменка

Рис. 44. Знаки, обозначающие месяцы славянского календаря. Сводная схема календарей из приднепровских сел Ромашки и Аепесовка (IV в. н.э.)

целые «фразы». Так, например, на рисунке 45, приводимом БА Рыбаковым⁶, изображены резные полотенца русской избы. В нижней части каждого полотенца находится крест, вписанный

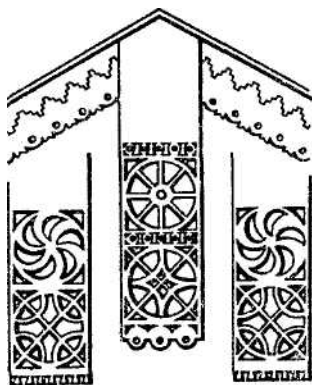

Рис. 45. Полотенца русской избы со знаками солнца

в квадрат, — стилизованный знак земли; в верхней части — знак солнца. Известно, что магическая символика традиционного здания была призвана подчеркнуть целостность, космическую законченность дома. Соответственно, магический посыл соединенных знаков солнца и земли может быть расценен как указание на целостность, единство составляющих дома и семьи, благополучие.

Анализ рунических памятников приводит к выводу, что существуют некоторые закономерности в использовании и рун, и рисуночных знаков. Эти закономерности обусловлены специфическими потребностями в передаче информации: необходимостью обозначения собственности, необходимостью в фиксации информации об умерших, сакральным характером письменности.

— Так, очень часто рисуночные знаки были связаны с обозначением собственности, что находит аналогии в рунической письменности — как мы помним, древнейшие рунические надписи, сохранившиеся на различных предме-

⁶ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 483.

тах, именно обозначали принадлежность этих предметов кому-либо.

— Как и в случае с европейской рунической письменностью, отдельную категорию предметов, покрытых знаками рисуночной письменности, составляют надгробные памятники (см. ниже); общее содержание рисуночных «надписей» здесь также сопоставимо с содержанием надгробных рунических надписей — оно сводится к имени погребенного и краткому изложению его подвигов.

— Еще одна функция, актуальная и для рунического, и для рисуночного письма, — юридическая: оба вида письма служат для фиксации договоров, закреплении прав на наследование, обозначения границ земельных участков.

•—• Так же как и рунические письмена, рисуночная письменность имела сакральный характер. Например, отдельного рассмотрения заслуживают системы рисуночных знаков на шаманских бубнах.

На древние традиции рисуночно-логографической письменности у славян указывают и лингвистические данные. Выше мы отмечали, что слова «писать» и «читать» в разных славянских языках звучат одинаково — и это говорит о том, что данные понятия возникли в пору славянского единства, задолго до «официального» момента возникновения письменности.

Однако тот же факт может быть истолкован и под иным углом зрения. В.Н. Топоров отмечает, что древность слова «писать» свидетельствует о древности именно рисуночного письма: «Как известно, уже в ранних памятниках славянской письменности глагол "писания" имел значение не только "писать", но и "рисовать"... "Рисовательное" значение отмечено и в соответствиях из целого ряда других индоевропейских

языков, причем некоторые из подобных примеров свидетельствуют о еще более раннем круге значений этого глагола, отсылающих к технике такого рисования, а именно: "резать", "вырезать", "чертить", "царапать", "процарапывать", "скрести"... Из сказанного понятно, что и слав. **pbsati* / **pisatL...*, и результат этого действия относятся к категории подчеркнуто *знакового*, *чреватого* эстетическим началом»¹.

Анализируя этимологию слова «читать», В.Н.Топоров утверждает, что этот термин был изначально связан не с письменностью, а скорее с некоторой сакрализацией объекта наблюдения. «...Ст.-сл. "чисти" переводит (соответствует значению) греч. *ἀναγιγνώσκειν*, которое значило не только "читать" ("внешний" смысл), но и "узнавать (вновь)", "признавать знакомым" ("внутренний" смысл, отсылающий к идее знания-рождения смысла). Такие слова, как ст.-сл. «число»... и соответствующие примеры в других славянских языках отсылают к идее числа, счета-счисления (**.sъ-čьt-*), порядка в составе элементов и, наконец, самого порядка. Ст.-сл. *чьсть* (*чѣстѣ* "честь") и другие продолжения праслав. **.čьtiti* вносят свой вклад в развенчание значения "чтение" (в современном понимании) в праславянском первоисточнике: оказание чести предстает как учет того, кому она адресована (ср. "чтение" как "питание" и как "по-читание"), обращение на него особого, повышенного внимания и, значит, как попытка понимания некоего неявного, не сразу ясного, даже таинственного, но главного, на глубине скрывающегося смысла, который нужно у-знать/по-знать, рас-познать, вычислить, отгадать (в частности, с помощью ворожбы), понять. Наконец, "чтение" первоначально не было связано с материально-вещественным объектом исключительно —

¹ Топоров В.Н. Предыстория литературы... С. 44.

будь то какие-либо изображения, буквы, книги и т.п.: русск. "читать молитву, заговор, отходную", "причитать" (об исполнении плача) актуализируют значение ритуально отмеченного, с особой речевой манерой связанного (иногда торжественно-декламационной, ср. "читать проповедь, хвалу, слово") *произнесения*»⁸. Стоит отметить, что данный вывод говорит о сакральном характере письменности в древние времена — термин, обозначающий уважение, сакрализованное возвеличивание, был принят и для восприятия знаков письменности.

Рассуждая о возможности соотнесения неидентифицируемых знаков с рисуночным письмом, небезынтересно привести этнографические примеры использования рисуночной письменности у русских.

Исследования, проводившиеся в XIX—XX веках в России, выявили достаточно многочисленные следы употребления рисуночного (иначе — картинного, фигурного, пиктографического, идеографического) письма

Интересно, что при возникновении локальных (принятых на небольшой территории и для небольшого количества людей) систем рисуночной письменности многие знаки ввиду своей простоты и функциональности оказываются сходными со знаками, принятыми в других локальных системах.

В качестве примера рассмотрим рисуночный текст, опубликованный П.ф. Высоцким в конце XIX века⁹.

Это письмо, полученное солдатом Никитой Колесниковым, служащим в Петербурге, от родных, проживающих

⁸ Топоров В.Н. Предыстория литературы... С. 45.

⁹ Высоцкий П.Ф. Несколько слов о следах употребления у нас фигурного письма // Известия общества археологии и этнографии при Казанском университете. 1877. Т. 6. Вып. 2. С. 1—15.

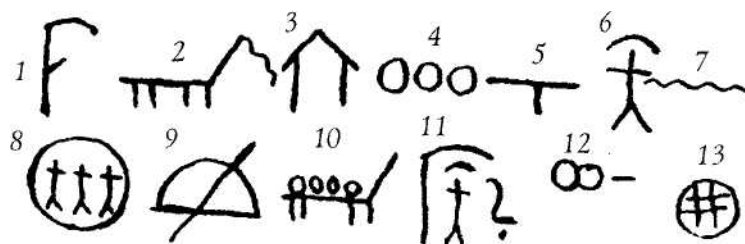

Рис. 46. Письмо, написанное с помощью рисуночных знаков
(коней, XIX века)

в Кузнецком уезде Саратовской губернии. Список был представлен на Московской Антропологической выставке (рис. 46).

Значение отдельных фигур здесь следующее: 1 — коса с ручкой обозначает Федора, родного брата Никиты (получившего письмо), 2 — привязанная лошадь, 3 — дом, 4 — три солнца (три дня), 5 — земля, 6 — женщина, 7 — вода, 8 — трое детей, 9 — отсутствие хлеба, 10 — деньги на лошади, 11 — женщина семейства Косы по прозвищу Цапля, 12 — два кольца и 13 — колесо.

Смысл письма таков: «Твой (Никитин) брат Федор (обладающий семейным знаком косы и личным — ручкою) приехал домой (он, как известно было Никите ранее, ездил в извоз в Элтон); по прошествии трех дней умер; жена его плачет, а трое детей голодные сидят. Пришли денег. Племянница твоя Цапля обручилась с Петром Колесниковым».

Видимо, прочтение письма не вызывало у адресата затруднений. Надо полагать, что в письме были использованы знаки, разработанные в данной местности и известные членам семьи Никиты, а возможно, и более широко (в пределах деревни или нескольких деревень).

П.Ф. Высоцкий отмечает, что многие изображения, приведенные в письме, совпадают с изображениями, обозначающими те же понятия у других народов: «У китайцев человек обозначался , а покойник , т.е. человеком головою вниз. В нашем письме человек изображается фигурой. Если эту фигуру сократить, оставив горизонтальную черту, изображающую, очевидно, руки и находящуюся над ней вертикальную черту — голову, и сокращенный таким образом знак перевернуть, то получим — фигуру земли или умершего Федора. Может быть, эта фигура объясняется еще проще: горизонтальная черта обозначает поверхность земли, а вертикальная — вырытую в ней яму, могилу. Чрезвычайно интересен в нашем письме знак женщины как человека с покрытой головой — указывающий на весьма распространенный не только у русских, но и у многих инородческих племен обычай, по которому женщина всегда обязана ходить с покрытой головой. Знак хлеба (п. 9) обыкновенный: ржаной каравай представлен зачеркнутым, чтобы показать его отсутствие. Фигуры лошадей, из которых одна (п. 2) привязана, т.е. окончила свой путь, а другая едет (п. 10) — тождественны фигурам тамг, которые употребляются у башкир. Лошадь на башкирских тамгах изображается таким образом ; в древних китайских письменах фигура лошади несколько сложнее, .

Менее ясен смысл обозначения земли или покойника горизонтальной чертой, от которой книзу идет вертикальная — но и для него можно, по-видимому, найти объяснение в фигурных письменах индейцев и китайцев. На могильных индейских столбах, приводимых у Тэйло-ра, мы видим, что на одном (рис. 47) умерший воин изображен своим тотемом — журавлем, обращенным вниз головою. На другом столбе умерший воин изображен

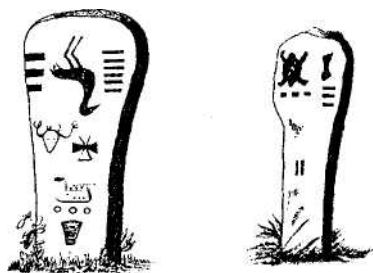

Рис. 47. Могильные памятники индейцев Северной Америки с рисуночными эпитафиями

фигурою человека без головы, руки и ног, т.е. частью изображения человека»¹⁰.

Обозначение воды с помощью волнистой линии является общим для многих культур. Изображение денег как «кружков» также имеет аналоги.

Наиболее показателен для проведения параллелей способ, которым в письме отображено время. Обозначение солнца или дня кружком — обычный прием рисуночного письма у многих первобытных племен. В качестве примера можно привести индейские рисунки, содержащиеся в книге Э. Тэйлора.

С помощью рисунка 48 описано опасное плавание группы индейцев через Верхнее озеро. В походе участвовал 51 человек на пяти лодках, во главе стоял вождь Майнгуна (Волк) и его союзник Кишкемунаси (Зимородок). Действительно, на рисунке изображено пять лодок, и в них — пятьдесят один участник похода. Вождь Майнгуна сидит верхом на коне, в его руке магическая палочка. Его союзник Зимородок — в первой лодке, рядом с лодкой изображен его личный знак — птица По-

¹⁰ *Высоцкий П.Ф.* Несколько слов... С. 12.

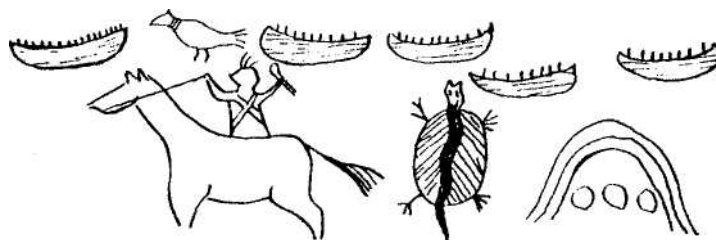

Рис. 48. Рисунок, описывающий поход отряда индейцев

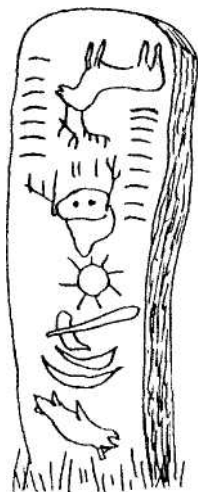

Рис. 49. Индейский
могильный памятник
с рисуночной
эпитафией

ход закончился благополучно, и поэтому в центре рисунка изображена черепаха — символ счастья и благополучия.

Для нас на этом рисунке наиболее интересно изображение в правом нижнем углу — три кружка, накрытые дугами. Это три солнца, накрытые небосводом. Данный знак можно было бы перевести так: «Поход продолжался в течение трех суток».

На другом индейском памятнике (рис. 49) обозначения времени более детализированы — солнце здесь

символизирует не сутки, а день; ночь же обозначается луной.

На данном рисунке — надгробие с эпитафией вождю по имени Олень. Перевернутая фигурка оленя — это сам умерший вождь, маленькие горизонтальные черточки слева и справа от него — количество походов и сражений (их семь и девять). Последний поход Оленя продолжался день и две ночи, после чего он был убит топором.

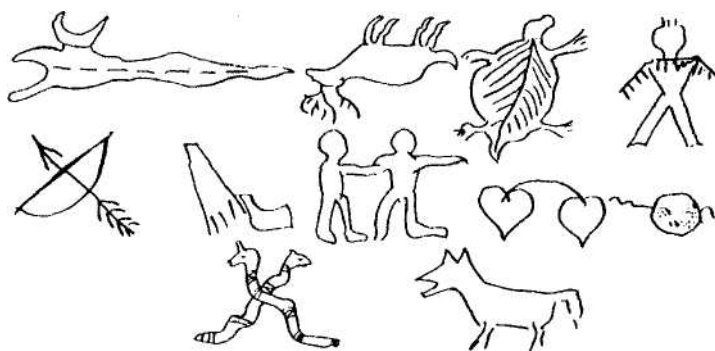

*Рис. 50. Рисунки-символы американских индейцев.
Верхний ряд (слева направо): жизнь, смерть, успех,
ловкость (крылатый человек); средний ряд: война,
мир (трубка с перьями), дружба, любовь, внимание;
внизу: опасность, быть на страже*

Сходные знаки, обозначающие одни и те же предметы, можно встретить у народов Сибири, Африки, Азии. При этом интересно, что наблюдается тенденция к абстрагированию обозначений; они могут обозначать не только конкретные предметы, но и отвлеченные понятия. Так, у тех же индейцев рисунок змеи обозначал жизнь, черепаха — счастье, лук со стрелой — войну, соединенные сердца — любовь и т.д. (см. рис. 50)

Этнографами было зафиксировано несколько случаев возникновения локальных систем письменности, причем создатели этих систем проживали в различных регионах.

Так, Э. Тэйлор сообщает: «Назад тому лет двадцать в стране Вей, в Африке, была найдена в употреблении и силлабическая система письма, изобретенная западноафриканским негром Момору Доалу-Букере, т.е. Магометом Доалу-Букма-ном (что буквально значит — "книжный человек, ученый")».

Когда европейцы расспрашивали о происхождении письменности, Доалу сказал, что она была ему открыта высоким почтенным белым мужем, который объявил, что он послан белыми людьми отнести ему книгу. Этот «белый человек» научил его некоторым знакам для написания слов. Один из друзей Доалу также видел сон, в котором белый муж явился ему и сказал, что книга эта была от Бога. Хотя в рассказах негров описание «дарования письменности» и приобретает легендарно-мифологические черты, но за ними стоит вполне реальное событие: Доалу, еще будучи мальчиком, действительно общался с европейским миссионером и научился у него нескольким стихам из английской Библии. Увидев печатную книгу, талантливый африканец пришел к замыслу создания собственной оригинальной фонетической системы. В письменности Доалу применялось 162 знака, представляющих большей частью слоги, как, например: *be, do, dso, fen, fa*; иногда это были довольно длинные сочетания звуков. Часть знаков заимствована им из букв, увиденных в печатных текстах, но без всякого, впрочем, отношения к их фонетическому значению. Так буква *B* у Доалу звучит как *gba*, *E* как *fen*, *K* как *mge* и т.д. Хотя система Доалу была почти полностью фонетической, но в нее были включены три оригинальных фигурных знака:

 — деньги;
 — огнестрельное оружие (представленное ядрами или пулями);
 — вода.

Для нас интересно возникновение локальной рисуночной системы, созданной неграмотной крестьянкой Екатериной Ефремовой, проживавшей в начале XX века в деревне Ерлин-ские Выселки Скопинского уезда Рязанской области (см.

Приложение 3). «Здесь перед нашими глазами повторился интересный процесс возникновения человеческой письменности, — процесс, который <..> заслуживает серьезного внимания со стороны исследователей первобытной культуры. На самом деле случай подобного рода дает нам возможность, так сказать, осязательно наблюдать самые первые шаги человеческого ума в деле изобретения письменности»¹¹. Крестьянка, желая записывать религиозные тексты, разработала собственную систему знаков — очень наивную и примитивную, но тем не менее достаточно действенную. По крайней мере, письменность Ефремовой оказалась привлекательной для других женщин села, и всего через три года ее освоили двенадцатилетняя дочь крестьянки и еще несколько последовательниц.

Надо заметить, что грамотность в деревне Ерлинские Выселки на тот момент была развита очень слабо, и то лишь среди подрастающего поколения; люди же зрелого возраста были почти поголовно безграмотны. Никаких следов употребления фигурного письма ранее здесь не замечалось, так что о каком-либо заимствовании или преемственности не может быть и речи. Не подлежит никакому сомнению, что идеограммы были изобретены именно Екатериной Ефремовой, и притом без всякого постороннего влияния.

Сорокадевятилетняя Екатерина Ефремова была женщиной нелегкой судьбы — она была вынуждена нищенствовать, потеряла сына, подвергалась травле со стороны односельчан, подозревавших в ней колдунью. Н. Грициан-ский пишет: «Мы видим, что несчастная жизнь выработала

¹¹ *Грицианский И.* О памятниках идеографического письма крестьянок Скопинского уезда Рязанской губернии // Известия общества археологии, истории и этнографии. Т. 26. Вып. 4. 1910. С. 378—392.

из нее не совсем нормального человека. Эта особа крайне нервная, нередко страдающая галлюцинациями. Сильное религиозное чувство, особенно развившееся у нее после гибели сына, граничит с религиозным помешательством. Изобретение идеограмм было вызвано у Катерины настоятельной необходимостью. Ее письмо — не забава. Оно служит высшей цели — записи священного текста. Когда я попросил Катерину записать какое-либо светское произведение, она решительно отказалась, несмотря на всю мягкость своей натуры. Запись светских (или «баляс-ных», как она выражается) произведений — величайшее преступление. Идеограммы предназначены исключительно для заучивания молитвы. Этим определяется и характер самых значков. Прежде всего они предназначены для личных целей изобретательницы: требуется записать молитву так, чтобы потом самой иметь возможность прочесть ее. Далее требуется записать не простой только смысл молитвы, а удержать самую ее терминологию, по возможности не изменяя звукового выражения понятий. В противном случае, по мнению нашего простонародья, вся сила молитвы теряется. Мы увидим, что Катерина старалась изображать даже такие слова молитвы, которые являлись для нее совершенно непонятными».

Действительно, обращает на себя внимание то, что Екатерина Ефремова относилась к письменности как сакральному явлению; толчком для разработки знаковой системы для нее являлась потребность в магической защите — впервые она использует знаки для записи псалма «Живый в помощи», благодаря знанию которого «во всякое время можно ходить и ничего не бояться».

Идеограммы крестьянки Ефремовой можно подразделить на четыре разряда. Одни из них представляют собой

прямые рисунки тех предметов, о которых говорится в молитве; другие — символы этих предметов; третьи — изображения предметов, звуковое наименование которых подходит к звуковому составу слов молитвы; наконец, четвертые — простые условные знаки. В целом письмо представляет собой ряд грубо исполненных значков, предназначенных для закрепления в памяти известного текста. Речь идет не об устоявшейся письменности, а скорее о художественном творчестве, основанном на потоке ассоциаций.

Обращает на себя внимание различие начертания рисунков Ефремовой в сравнении с рисунками устоявшихся систем. В устоявшихся системах фигуры чрезвычайно упрощены, так что в конце концов они сводятся к простым геометрическим линиям. У Ефремовой фигуры, напротив, почти всегда очень усердно разрисованы. Разница будет еще более заметна, если мы возьмем те идеограммы Ефремовой, которые имеют целью не запись молитв, а изображение различных событий ее жизни. По выражению Н. Грицианского, записи Ефремовой являются «ярким примером первых блужданий человеческого ума в поисках письменности».

В то же время заметны попытки выработать устойчивые системы знаков — Ефремова крепко держит некоторые идеограммы в памяти и старается употреблять их при каждом благоприятном случае. Формируются устойчивые обозначения таких понятий, как «небо», «солнце», «слово», «речь» и др.

Некоторые обозначения — «вода», «слово» — имеют графические аналоги в других знаковых системах. Например, Ефремова формирует обозначение времени по схеме, которую мы выше уже рассматривали, — как цепь

солнц-дней. Встречаются случаи употребления пояснительных фигур, несколько напоминающих детерминативы египетских иероглифов.

Нам кажется резонным следующее предположение Н. Гри-цианского: «Надо думать, что с течением времени число упрощенных идеограмм будет все более и более увеличиваться, пока разрисовка фигур не исчезнет окончательно. Нет никакого сомнения, что именно в таком направлении шла выработка идеографического письма в Америке и у нас в России, среди крестьян Саратовской губ.».

Этнограф был настроен на продолжение исследования и выявление закономерностей развития системы Екатерины Ефремовой в сравнении с закономерностями развития других письменных систем. Он писал: «Можно надеяться, что идеографическое письмо найдет себе здесь довольно широкое распространение и не так скоро исчезнет под влиянием развития грамотности. С течением времени письмо это, конечно, будет претерпевать разного рода изменения. Мне кажется, что было бы небезынтересно внимательно проследить характер этих изменений в будущем». Однако потрясения, ожидавшие Россию в начале XX века, не позволили осуществиться планам Н. Грициан-ского.

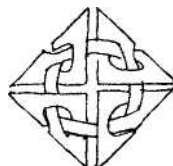
Глава, посвященная рисуночному письму, позволяет нам сделать некоторые полезные выводы.

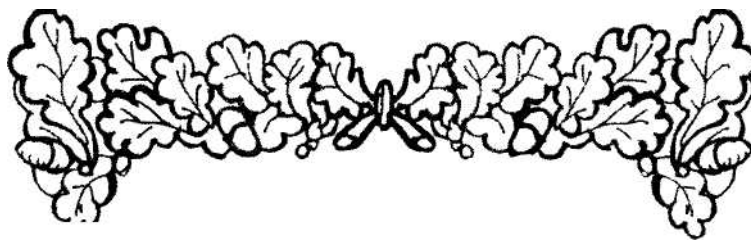
1. Рассмотрение примеров возникновения рисуночной письменности позволяет утверждать, что на территории славян (как, впрочем, и на территориях любых других народов) могли возникать знаковые системы, используемые для передачи информации локально, они были разработаны для узкого круга знатоков. Эти системы могут содержать достаточ-

но широко распространенные знаки, но при этом и не претендовать на всеобщий характер.

2. Среди многочисленных неидентифицированных знаков, обнаруженных на территории расселения восточных славян, могут быть знаки рисуночной письменности.

3. Среди знаков, используемых в рисуночных системах, большой интерес вызывают *зняки-зналсна*.

Глава 3.2. Личные знаки — «знамена»

Среди знаков, встречавшихся в рисуночном письме солдату Никите, приведенном в предыдущем разделе, есть несколько таких, которые обозначают имя собственное. Так, имя Федора обозначается как «коса с ручкой», имя его племянницы — сложным знаком, состоящим из «косы», обозначения слова «женщина» и схематического рисунка цапли (т.е. указания на прозвище Цапля). Наконец, знаком колеса обозначается жених племянницы, некий Петр Колесников.

Перед нами личные гербы трех человек. В научной литературе такие гербы часто называются тюркским словом «тамга». В русском языке также есть ряд слов, обозначающих личные гербы: «Знаки собственности в народе называются *пятнами, знаменами, метками или отметками, рубежами, домовыми или жердяными*, также *заручными* или *своеручными клеймами*, или просто *клеймами*»¹.

Обычай присвоения людям «знамен» (от слова «знать» — нечто способствующее знанию, узнаванию) существовал и существует у всех народов². На Руси «знамена» часто упоминаются в письменных документах. Так, в Ипатьевской лето-

¹ Ефименко ПС Юридические тлкм // Журнал Министерства народною просвещения Т. 175 СПб., 1874. № 10. С. 57

² Сокобьев Е.Л. О тамга\ и знаках собственности на некоторых пред-ллетах древнего бытя (знаки собственности в России) Казань, 1885.

писи за 1169 год записано, что «холопья бояр Нестора и Петра Борисовичей коней в стаде покраше и пятна своя на них восклаша...» (т.е. украли в стаде коней и выжгли на них свои знаки). В «Русской правде» говорится об особом штрафе за коня, отмеченного княжеским знаком: «А за княжь конь, иже той с пятном, 3 гривне»*. Многочисленны упоминания «знамен» в более поздних документах. Так, в конце одной из записей XVII века читаем: «...к сим обыскным речам Васька Локчаков знамя приложил — тетерева», тут же находится и изображение этой птицы. Другая подпись: «...Савелия Федорова сына Челюсткина... села Ботогова знамя три сохи, под ним курья лапка...»⁴ Знаки, используемые для маркировки, «ограждения» территории, назывались «огородными знаменами».

Подобные подписи употреблялись всегда, когда было необходимо засвидетельствовать причастность того или иного человека к предмету или событию: как знак собственности, как юридическая подпись, как свидетельство пребывания человека в данном месте и т.д. Например, археологические исследования позволили составить богатую коллекцию средневековых славянских гончарных клейм⁵.

Большинство знаков удобно для воспроизведения, т.к. сводится к двум-трем линиям, которые легко нанести на любой материал с помощью подручных инструментов — топора, резца или просто рук.

³ Цит. по: *Ефименко П.С.* Юридические знаки... С. 74.

⁴ Цит. по: Пряник, прялка и птица Сири. М., 1984. Кнша написана группой сотрудников Государственного Исторического музея и рассказывает об экспонатах этого собрания. В данном разделе будет приведен ряд фактов, упоминающихся в кнше без ссылки на источник.

⁵ Древняя Русь. Быт и культура / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. М., 1997. (Серия РАН «Археология»). С. 264.

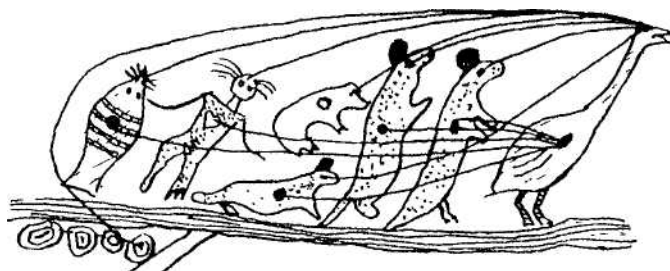

Рис. 51. Рисуночное письмо нескольких индейских племен президенту США

Прежде всего необходимо сказать о существовании *родовых гербов*.

Гербы для обозначения рода в целом существовали у всех народов мира. У первобытных народов герб часто совпадал с изображением тотема — животного или растительного покровителя. Изображение тотема служило знаком идентификации племени в целом.

В качестве интереснейшего примера использования изображения тотема можно привести рисованное письмо, направленное в 1849 году от имени ряда индейских племен президенту США.

Оттесненные белыми в земли, неудобные для проживания, индейцы обратились к верховной власти с просьбой позволить им поселиться близ удобных для жизни озер. На куске бересты был начертан рисунок, изображающий семь фигур — журавля, трех куниц, медведя, морского человека и морского кота. Эти фигуры соответствовали тотемам семи племен. Сердца и головы фигур соединены с сердцем и головой журавля — тотема племени, которое стояло во главе договора и было выразителем общей просьбы. От головы жу-

равля линия идет к изображению озер, на берегах которых индейцы хотели бы поселиться.

Прошение должно было бы звучать так: «Мы, племена (такие-то), уполномочиваем представителей племени журавля для того, чтобы он просил о нашем переселении к озерам».

Почти все народы дореволюционной России пользовались рисуночными идентификационными знаками вплоть до 1917 года. Так, например, киргизы Малой орды делились на восемнадцать родов, и каждый имел свой знак — тамгу (изображение лука со стрелами, гребня, змеи и т.д.). Тамги служили для клеймения скота, подписи документов и т.д. Подобные же знаки употреблялись вместо фамилий у башкир, мордвы и др.

Этнограф П.С. Ефименко, исследовавший северные области России, отмечает, что каждая семья там имела родовой знак, передававшийся из поколения в поколение. Эти знаки были просты — линии, кресты, углы и т.д.

Сохранились и некоторые термины, касающиеся «знамен»; многие из этих терминов восходят как минимум к XVII веку:

- *рубеж* — прямая черта;
- *грань* — косой крест;
- *отпяток* — дополнительная линия к фигуре;
- *соха* — две линии, образующие угол (как правило, угол с вертикальной осью симметрии); *соха вниз рогами* — угол острием вверх;
- *лежанка* — угол с горизонтальной осью симметрии;
- *курья лапка* — знак, аналогичный заглавной букве *Е*;
- *тна, тень* — горизонтальная линия;
- *борода* — треугольник острием вниз;
- *перевора* — косая линия.

Примером описания «знамен» может служить договорный текст XIX века⁶:

Воролицкой волости за Афонасьем Алексеевым

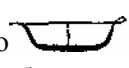
 ым лес черный Слободской с бортным ух-
 жьем; а знамя в том ухажью курья лапа, вверх
 отненок.

За Елизарьем Васильевым Кузеновым лес черный

 селище Кузминское с бортным ухажьем; а знамя в том
 ухажью соха вверху, по бокам две лежайки.

Да лес черный селище Доброносицкое с бортным

 ухажьем; а знамя в том ухажью соха в сохе к верху рогами,
 по бокам четыре тны.

За Степаном Салтановым сыном Рытковым поло

 вина деревни Верхних Ревень, к ней лес черный с бортным
 ухажьем; а знамя в том ухажью лук об одном рогу со
 стрелою.

 Да знамя три тны на право крюк, ниже крюка ко-
 йца, под кобицею соха к земле рогами.

 Да знамя три тны, промеж тнов сошка, на праве
 крюк, под крюком тень, иод тном купер на праве.

За Сафроном Мелентьевым сыном Тютчевым в вотчине
 жеребей села Выгоничь лес черный выгоничкой и бор, с
 бортным ухажьем; а знамена у Сафроновых крестьян.

 Знамя борода, т> исподи тень.

= Знамя борода ж, на бок два тна.

⁶ Иванов П.И О шак^х, заменявших подписи и Древней России // Известия Императорского археологического обществ;!. С. 109—110.

 Знамя две переворы наось и борода ж. А

брата его Дмитриевы знамена:

 Знамя борода, под исподом три тны.

 Знамя борода ж, а в ней тень.

 Знамя борода ж; а в ней тень и сбоку перевор.

 Знамя грань под исподом тень.

 Знамя борода, вверху три тна.

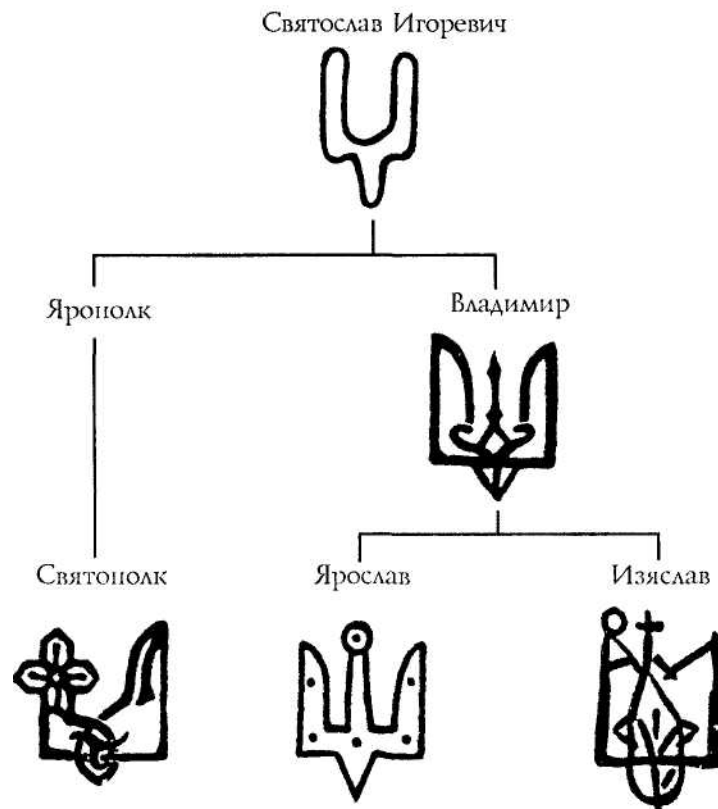
В процитированном договоре речь идет о разграничении земельных участков .

На основании родовых «знамен» создавались индивидуальные «знамена».

Часто «знамена» чертились согласно иерархическому принципу. Основой служил родовой герб, а дополнения к нему обозначали конкретных представителей рода. Если проводить аналогию с современной системой идентификации, то фамилия для современного человека сопоставима с родовым «знаменем», а имя и отчество — с «отпятками», добавляемыми к родовому «знамени». В целом же Ф.И.О. позволяет достаточно точно идентифицировать человека в ряду миллионов других людей.

В рассмотренном выше рисуночном письме герб Федора, брата солдата Никиты, — «коса с ручкой». В этой комбинации

⁷ Стоит отметить п> обііі4.ni, существовавший у земледельцев стеной юны они выпаживали свои родовые знаки на краю земельного участка, чтобы осенью не возникало сомнения, где чья полоса.

*Рит. 52. Трансформация личных княжеских гербов
рода Рюриковичей*

«коса» — родовой герб, а пририсованная к ней «ручка» — «от-ияток», формирующий личный герб Федора

Существовали определенные правила присвоения и передачи «знамен». Так, если у мужчины было несколько сыновей, то тот, кто оставался жить в отеческом доме, наследовал и отцовское «знамя» без изменений, «клеймо всегда остает-

Рис. 54. Знаки на ткацком стане, обозначающие семерых последовательно сменившихся хозяек

ся при доме у того из наследников, который, по выражению крестьян, "сидит на корню"⁸. Сыновья, которые обзавелись своими собственными домами, наследовали герб с прибавлением «отпятков».

А.В. Орешников, анализируя родовые клейма древнерусских князей, утверждал, что система индивидуальных «знамен» у них строилась по такому же принципу: существовал общеродовой герб (у Рюриковичей — «трезубец»), к которому добавлялись индивидуальные элементы (см. рис. 53)⁹.

Женщины вообще не имели собственных «знамен», так же как не имели и права наследования собственности. В том же письме «знамя» женщины по прозвищу Цапля строится иначе, чем «знамя» солдата Никиты. У нее также есть родовой герб («коса»), но «отпятков» у этого герба нет. Под «косой» расположен знак «женщина» и рядом — рисунок цапли (тоже своеобразный герб, но отделенный от «косы»).

Женщина до замужества имела «знамя» своего отца, а после замужества принимала «знамя» мужа. На рисунке 54 изображена надпись на предмете, хранящемся ныне в Государственном Историческом музее (ГИМ). Это бердо, деталь ткацкого стана. Стан семь раз передавался по наследству от

⁸ Ефименко П.С. Юридические знаки С 70—71.

⁹ Орешников А.В. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам// Известия Академии наук. № 2 1930.

Рис. 55. Палка, служившая в деревне для записи выполнения повинностей. Вместо фамилий на ней вырезаны родовые знаки крестьян: грабли, вилы, бороны, сохи и т.д.

матери к дочери, и каждый раз на него наносился новый знак собственности. Легко заметить, что все знаки разные; причина в том, что на бердо наносились знаки не женщины, а ее мужа.

Родовые меты широко использовались в финансовых делах деревни.

На рисунке 55 представлен фрагмент еще одного экспоната ГИМ. Это толстая палка длиной больше метра. С помощью продольных и поперечных вырезов она разделена на шестьдесят четыре участка. Каждому домовладельцу, живущему в деревне, выделен один участок палки (не все участки заполнены, так как в деревне только пятьдесят шесть дворов). На каждый участок палки нанесен родовой знак владельца; количество нанесенных здесь же зарубок позволяет узнать, сколь регулярно тот или иной хозяин платит подати или выезжает на общественные работы.

Иногда «банки информации» организовывались иначе — у каждого домовладельца была собственная бирка; все бирки объединялись в единую связку, но которой и велся учет. Учет велся с помощью разнообразных царапин и зарубок. Для удобства учетчика бирки нанизывались на веревку в том же порядке, в каком располагались дома в деревне.

Могли использоваться и другие способы нанесения информации. Так, один из авторов данной книги, Д.В. Громов, будучи в Курганской области¹⁰, слышал сообщения о том, что прежде по биркам вели учет скота с помощью разноцветных нитей. Нити разного цвета, завязываемые на бирках, обозначали различные породы животных — коров, овец, коз.

О многофункциональности знаков собственности пишет, например, Ефименко: «Употребление знаков собственности на Крайнем Севере очень разнообразно. Ими отмечают все принадлежности хозяйства; столовые ложки, стаканы, топоры, серны, лопаты, вилы, дуги, сети, бочки и пр. У прибрежных жителей Белого моря также заклеиваются лодки, весла, багры, потому что все это *нереАко* уносится с приливом в море и потом снова выбрасывается на берег. Иногда деревенские девушки вышивают их на платках и перчатках. Ими клеймят домашних животных...

Часто приходится видеть на берегах Белого моря множество дров, бревен, жердей, разных останков разбитых судов и проч. Все это подбирается местными жителями. Собирающий эти предметы оттаскивает их в сторону и складывает в кучи, и чтобы показать, что на них уже наложена рука человеческая, клеймит их своим клеймом и оставляет до поры до времени на берегу.

Обыватели южных уездов, которые занимаются смолокурением, получив право на приготовление смолы из леса, предварительно "засачивают" в известном месте деревья. (...) При этом каждый крестьянин вырезывает на всех своих деревьях пятна, чтобы никто другой не завладел тем же местом и не присвоил себе деревьев...

¹⁰ Курганская обл., Белозерский р-н, д Першино Сентябрь 2000 г.

В Кемском уезде на Выге (реке) существуют пороги. Когда спускают по этой реке плоты, то их обыкновенно разбивает на порогах, тогда ниже порогов ловят бревна снова и собирают вместе — каждый хозяин узнает свою собственность по замете.

Если охотник в Пинежском и других уездах заметит медведя, лежащего в берлоге, то помечает нарезом ближайшую ель, и тогда уже никто, кроме его, не имеет права стрелять того медведя. Иногда крестьяне за деньги передают друг другу берлоги, которые имеют на примете.

Когда у жителей Поморья случится обильный промысел морского зверя, так что приходится складывать кожи и сало в каком-нибудь пустынном месте, пока не окончится промысел, то промышленники гсладут обычно при оставляемой добыче свои бирки (клеймо). И там это считается неприкосновенной собственностью хозяина, более неприкосновенной, чем какой-либо другой вид собственности. Если кто и найдет эту добычу, прежде нежели хозяин приедет за ней, то непременно доставит ее в деревню по бирке...

Клеймо служит не только знаком собственности, но и указателем границы или межи»¹¹.

И.Н. Смирнов оставил нам этнографическую зарисовку, посвященную жеребьевке с помощью «знамен»: «Мы имели случай во время экскурсии ознакомиться с рыболовной артелью, складывающейся весной на Кокшаге, одном из притоков Волги, для ловли сомов <...> Один из артельщиков обрубил у сомов головы, вынул внутренности и принялся резать каждую рыбу на мелкие, ровные куски. Когда операция была кончена, приступили к дележу. Сосчитано было число лиц, участвовавших в ловле. Оказалось что-то около 35 взрослых,

¹¹ Ефименко П С Юридические знаки С 58—61

8—10 подростков и детей. Для каждого взрослого был назначен полный пай, подростки получали один пай вдвоем, дети — вчетвером. Особые паи были назначены еще владельцам сетей и сторожевому. Когда количество паев было уставлено, один из артельщиков стал по числу их раскладывать рыбу кучками вдоль лужайки. Пока происходила эта операция, все участвовавшие в ловле вынули ножи и маленькие кусочки дерева и стали вырезать на них какие-то знаки. Эти кусочки собрали в шапку, перемешали и стали раскладывать по одному на каждой куче сомины. По мере того как артельщик с шапкой подвигался вдоль линии пайков, рыболовы рассматривали положенные значки и забирали рыбу, которая под ними находилась. Перед нашими глазами совершался дележ по жеребьям ■— явление, сложившееся в глубокую старину, когда народу еще неизвестны были весы, и сохранившееся до сих пор благодаря своим специфическим удобствам для артели. Роль весов исправляет глазомер опытного рыболова; все, что можно сделать для того, чтобы паи были равными, он делает; но при всем старании соблюсти полную справедливость мелкие неровности все же остаются (один пай немножко толще, другой немножко жирнее, в третий вошли головные кости); распределить их безобидным образом между пайщиками предоставляется судьбе, жеребью. Если пай приходится не по вкусу, жаловаться нужно на судьбу»¹².

Об обнаружении многочисленных «некириллических» знаков пишет журналист и историк Е.Лазарев, в 1996 году побывавший на Терском берегу Белого моря: «XX век неузнаваемо изменил поморский быт; берег не вымер, но сокра-

¹² Смирнов И Н // Известия обществ. археологии, истории и этнографии. Т. 7 С 115-116

тившееся население сосредоточилось в нескольких крупных селах, и стали необитаемы десятки километров побережья, где еще в начале века стояли, наверное, сотни тоневых промысловых избушек. Лишь единицы из них содержатся в прежнем порядке, а остальные исчезли или представляют собой замшелые, оседающие срубы, из которых давно взято все годное в хозяйстве.

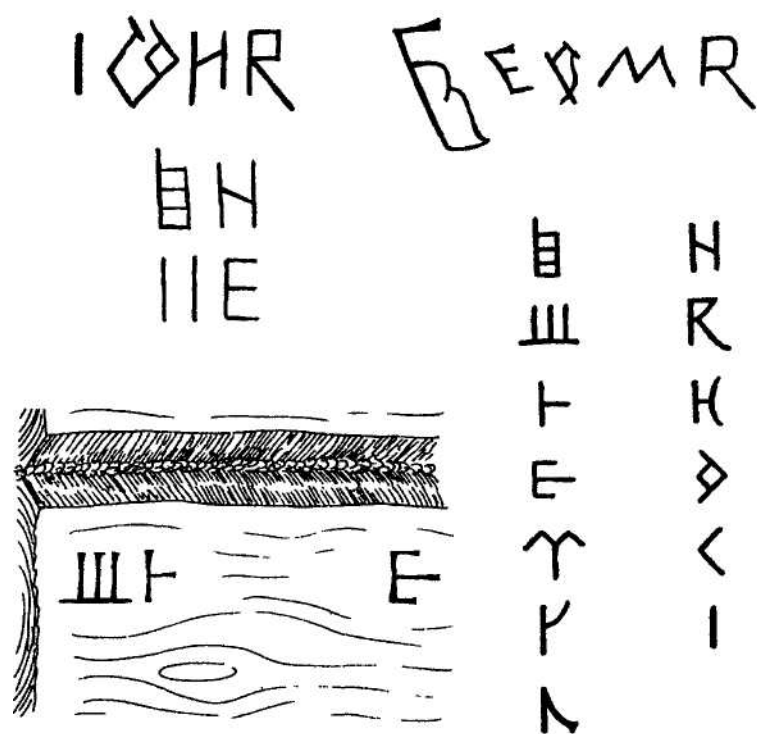

Рис. 56. Знаки на стенах беломорских рыболовецких хижин
(по Е. Аамреву)

И все же здесь остались творения духовной культуры. Это надписи; чаще всего — инициалы поморов, аккуратно вырезавшиеся на бревнах жилых помещений еще полвека назад. Очарованный уверенным изяществом этих начертаний, хранящих навыки старообрядческой письменной культуры Севера, я стал их перерисовывать. И вдруг среди изысканных лигатур поистине древнерусской вязи стали попадаться некириллические знаки. Это была и не глаголица; более всего они напоминали руны...

Речь идет не о полустертых царапинах, каких много на старых предметах: в них можно прочесть все, что угодно. Нет, — эти руны были вырезаны на бревнах так же аккуратно, как поморские инициалы. А одна из них была даже вырублена топором на массивной тесаной плахе: линия в палец шириной, общие размеры 13х12 сантиметров — тут уж не ошибешься...

На полусотне километров побережья, между селами Кашкаранцы и Чаваньга, было обнаружено свыше десяти таких шаков (все — к востоку от устья реки Варзуги). Все они представлены в таблице; руны, обозначенные римскими цифрами, спорны: читающиеся и как кириллица (или латиница), они тем не менее комбинировались со знаками явно некириллическими. Некоторые руны представляют собой одиночные начертания, некоторые соединяются в пары; обнаружена и одна более длинная (хотя и спорная) надпись — из пяти знаков. Трехзнаковых сочетаний, которые можно было бы считать инициалами, нет совсем — нет единственного, логичного в данном контексте ключа к прочтению загадочных знаков»¹⁵.

¹⁵ Лазарев *В* Руны Белого моря // Мифы и мш ия индоевропейцев Выи 4 М, 1997 С 92-93

Е. Лазарев говорит, что изображения несложных знаков на русском Севере встречались и знакомым ему исследователям.

Мы уверены, что знаки, зафиксированные Е. Лазаревым, являются не реликтами некой рунической письменности, а обычными «знаменами», которые промысловики оставляли, чтобы зафиксировать факт своего пребывания в хижинах. Эти начертания «знамен» могли быть адресованы другим промысловикам — компаньонам и односельчанам тех, кто останавливался в хижине на ночлег. «Личные автографы» могли наноситься на стены и в моменты вынужденной скуки, обусловленной непогодой или неблагоприятным ветром. Ключ к расшифровке загадочных знаков дает сам Лазарев — он упоминает, что в хижинах встречаются и буквенные инициалы промысловиков; надписи оставлены в момент, когда распространение грамотности уже вытесняло систему «знамен».

Кстати, надписи в беломорских хижинах — не единственный случай совместного употребления «знамен» и буквенных инициалов. Так, на мешке для муки, хранящемся в ГИМ, вышит крест, но которому хозяин узнавал свой мешок при сдаче в помол. Ниже креста нашиты и буквы *ЕБ* — это сын хозяина, Егор Беляев, научившись писать, поставил на мешке свои инициалы.

Несложные фигуры, часто используемые при начертании славянских «знамен», ошибочно принимаются Е. Лазаревым за руны европейского футарка. Так, фигура, трактуемая им как руна «Кано» — < — упоминавшийся выше знак, часто называемый «сохой» или же «лежайкой». Многие другие руны футарка также совпадают по начертанию с типичными «знаменными» фигурами. Знак, который русский крестьянин мог бы назвать «гранью», аналогичен по начертанию

руне «Гебо» —X; «рубѣж» — руне «Иса» —I. «Косу», используемую братом солдата Никиты в качестве родового «знамени», случайный наблюдатель мог бы уверенно идентифицировать как руну «Лагуз» —f.

В некоторых исторических и фольклорных источниках содержатся косвенные упоминания о системах идентификационных знаков на Руси.

Так, в летописи за 983 год содержится сообщение о жеребьевке, в которой, по-видимому, принимало участие все население Киева: «И рѣша старци и боляре: "Мечемъ жребии на отрока и дѣвицю; на него же надеть, того зарѣжемъ богомъ"»¹⁴.

Понятно, что при проведении такого мероприятия участники должны иметь некие личные идентификационные знаки. М.Л.Серяков считает, что идентификация производилась с помощью имен, наносимых на жребии с помощью некой письменности: «Говорить о каких-то тамгах в условиях многотысячного населения Киева бессмысленно: чтобы правильно определить жертву, имена всех юношей и девушек должны быть написаны на жребиях. В противном случае путаница в столь важном деле была бы неизбежной»¹⁵.

Мы не согласимся с данным утверждением: наоборот, при использовании имен и фамилий возможна путаница из-за обилия однофамильцев и тезок. Путаница будет сведена к минимуму, если будет существовать система идентификации, аналогичная современным системам паспортов, адресов, индивидуальных налоговых номеров. И такая система легко строится при поголовном наличии у населения родовых и индивидуальных «знамен». В средневековых русских городах существовала практика деления города на административные

¹⁴ Повесть временных лет. С. 38

¹⁵ Серяков М.Л. Русская дохристианская письменность. С. 17.

единицы — «сотни» и «тысячи»¹⁶. Если предположить наличие этой практики в дохристианской Руси, то возможность всеобщей «паспортизации» при помощи индивидуальных «знамен» кажется вполне реальной. Косвенным свидетельством такой «паспортизации» является фраза из текста XIII века; «И этих через некоторое время татары расселили по городам, переписали их всех и начали с них дань брать»¹. Бхли татары и могли «переписать» ндселение и наладить эффективный фискальный учет в завоеванной стране, то только при условии того, что подобная практика здесь уже существовала.

Выше мы рассматривали этнографически зафиксированные случаи, когда учет велся с помощью специальных учетных бирок; каждая бирка соответствовала крестьянскому двору и содержала «знамя» хозяина этого двора. Комплект бирок существовал у старосты, который и вел учет. Логично предположить, что подобными связками бирок пользовались и должностные лица, стоявшие во главе «сотен» и «тысяч» древнего Киева; в таком случае метание жребия вполне могло производиться по уже существующим комплектам учетных бирок. Кстати, необходимо добавить, что в XIX—XX веке учетные бирки, увязанные в единый комплект, часто назывались именно «жеребьями».

Жеребьевка, предполагающая наличие некой системы идентификационных знаков, присутствует в былине про Садко. Во время плавания по Ильмень-о зеру судно Садко попадает в бурю, и возникает вопрос об умилоствлении Морского царя:

*А и как тут говорил Садко, купец богатый новгородский,
А своей дружинушки он хоробрый:
— к и же ты, любетая как дружинушка да хоробрая]*

¹⁶ Тихомиров М Н Средневековая Москва М, 1997

¹⁷ Слово новосиягою мученику, Михаила кшпя русскаю // Памятники литературы Древней Руси XIII век М, 1985 С 229.

*А видно, Морской-то царь требует
как живой гол овы у нас в синё море.
А й же ты, дружина хоробрая¹. А и возьмите-тко уж как
делайте А и да жеребья да себе волжаны, А и как всяк свои
имена вы пишите на жеребьи, А спугайте жеребья на синё
море; А я сделаю себе-то я жеребей на красное-то на
золото, А и как спустим жеребья теперь мы на синё морс,
А и как чей у нас жеребей теперь да ко дну пойдет⁴.*

Обычай жеребьевки путем кидания жребиев в воду присутствует и в других былинах. Так, в былине «Князь Роман и братья Ливики» дружинники также пишут свои имена на жребиях и кидают их в реку, чтобы узнать, кто погибнет в предстоящем бою, а кто останется невредимым¹⁹.

Прежде всего, былинный текст вообще рискованно рассматривать как отражение неких реальных событий. Но даже если предположить, что такое метание жребия могло происходить, надо полагать, оно происходило с помощью знаков-«знамен». Для жеребьевки могла использоваться уже существующая связка учетных бирок-«жеребьев». Если «жеребьи» были нанизаны на достаточно длинную веревку, то жеребьевку возможно было бы провести даже при сильном волнении — достаточно было кинуть связку в воду, проследить, какую из бирок потянет ко дну, и вновь затащить жеребьи на борт.

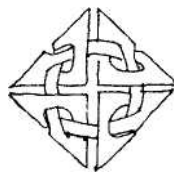
Как видно из данного раздела, у славян, как, впрочем, и у всех других народов, существовала развитая система знаков собственности или родовых и личных гербов — «знамен».

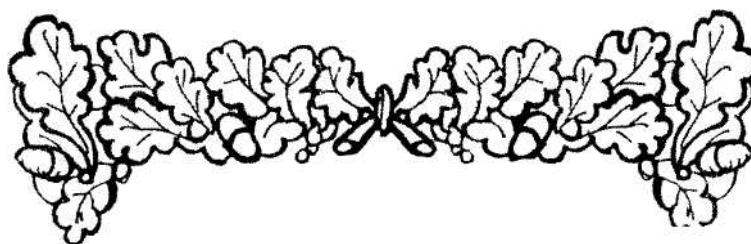
¹⁸ Гильфердинг А Ф Онежские былины. Т. 1. М., Л., 1949 № 70.

¹⁹ Серяков МЛ. Русская дохристианская письменность.. С. 17.

Велика вероятность того, что многие знаки, которые содержатся на всевозможных археологических находках, на самом деле являются именно «знаменами». Причем, это относится не только к отдельным знакам, но и к целым «строкам». Так, на рисунке 54 мы видели целый ряд знаков собственности, нанесенных на один предмет — деталь ткацкого станка. Случайный археолог, обнаружив данную вещь и не зная ее истории, вполне мог бы признать в знаках самую настоящую письменность, однако, увы, был бы не прав.

Мы испытываем большое сочувствие и понимание по отношению к тем исследователям, которые пытаются собрать как можно большее количество графем, относящихся к территориям расселения славян для того, чтобы потом на основе всего массива знаков реконструировать некую древнюю систему славянской письменности. Однако большое количество знаков, которые попадают в поле зрения этих исследователей, наверняка являются именно «знаменами» — они могут только запутать процесс реконструкции гипотетической письменности.

Глава 3.3. Локальные цифровые системы

Этнографические данные позволяют говорить об одновременном существовании большого количества локальных цифровых систем, или, более широко, систем, предназначенных для счета.

Так, например, Н.Ф. Высоцкий описывает знаки, наносимые на платежные бирки в разных губерниях России (рис. 57).

Единицы на бирках обозначались горизонтальными чертами, значения от единицы до пяти представлялись с помощью соответствующего количества зарубок; цифра «пять» обозначалась косой чертой; «десять» — двумя косыми чертами или косым крестом.

Существовали обозначения и для более крупных цифр — сотен, полусотен, тысяч. Для обозначения рублей выреза-

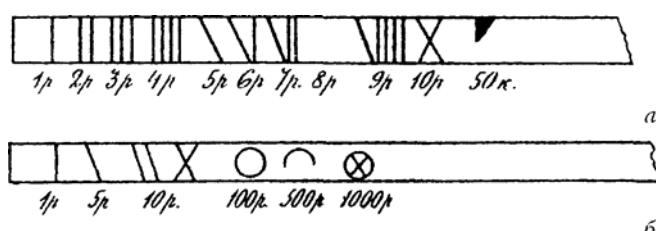

Рис. 57. Системы цифр, использовавшиеся на бирках:
а — Казанская губ., б — Курская губ.

лись длинные черты, копейкам соответствовали короткие зарубки.

Легко заметить, что знаки, приводимые Н.Ф. Высоцким, организуются по тому же принципу, что и латинские цифры. Конечно, речь не идет о заимствовании — просто и в том и в другом случае разработчики цифровых систем для достижения своей практической цели идут по наименее простому и удобному пути: для обозначения количества от единицы до трех или четырех вычерчивается соответствующее количество «единиц» (линий, точек и др.); при достижении же определенного количества (5, 10, 40 и т.д.) добавляется дополнительный знак, обозначающий новый регистр, новый математический порядок.

Латинские цифры по своему начертанию очень удобны для вырезания на твердых материалах; очевидно, что древние создатели латинских цифр преследовали те же практические цели, что и создатели цифровых систем других народов.

Н.Ф. Высоцкий проводит аналогии рассмотренной им системы исчисления и других систем: «Подобные же знаки мы видим у многих диких американских племен, в древнем письме китайцев, в древних египетских иероглифах. Так, Лоскиел, моровский миссионер, говорит об ирокезах: "Они считают до десяти и делают крест". Позднейшие наблюдатели говорят о племени криков, что, записывая на надгробных памятниках лета умершего, снятые им черепа или веденные им войны, они ставят перпендикулярные палочки вместо единиц и крест вместо десяти. На индейских могильных столбах, изображенных у Тэйлора, мы видим эти палочки, обозначающие знаки достоинства умерших воинов в виде различной ширины горизонтальных черточек. Египтяне в своих иероглифах считали вертикальными па-

лочками до девяти, а потом ставили особый знак. Китайцы считают горизонтальными чертами до четырех, затем идут различными сложными знаками до девяти и обозначают десять прямым крестом».

Некоторые системы исчисления, распространенные среди российских крестьян, описывает В.Лобанов¹. Так, он упоминает знаки, используемые старостами для составления официальных бумаг по сбору податей.

Для обозначения десяти рублей служил квадрат; одного рубля — прямой крест в круге; десяти копеек —• косой крест; пяти копеек — косая черта; одной копейки — прямая вертикальная черта.

Комбинациями этих знаков отмечались суммы уплаченных повинностей. Например, сумма в И руб. 36 кон. обозначалась так:

□⊕ ××× / |

Локальные цифровые системы распространены довольно широко. Так, Д.В. Громов в 2000 году в Курганской области ознакомился с существовавшей там до недавнего времени системой тайнописи². Буквы тайнописи состоят из трансформированных кириллических или глаголических знаков. Подобные системы существовали на территории Западной Сибири в XVI—XVIII веках; обнаружение тайнописи на рубеже XXI века можно считать большой исследовательской удачей. Данная знаковая система использовалась как корпоративная профессиональная тайнопись.

¹ Лобанов В Образцы идеографического письма из Чистопольского уезда Юнанской губернии// И шестая общества археологии, истории и этнографии. Т. 20 Вып 6. 1904 С. 345--554.

² Громов А В Находка тайнописи в Западной Сибири // Мифы и магия индоевропейцев. Вып 10. 2002

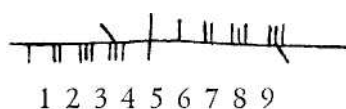
Кроме буквенных знаков секретный шрифт содержал обозначения цифр.

△ — 0	▽ — 5
△ — 1	▽ — 6
△ — 2	▽ — 7
△ — 3	▽ — 8
△ — 4	▽ — 9

Существовала и цифровая «скоропись»; при этом знаки писались отдельно

— — 0	⊕ — 5
⊥ — 1	⊥ — 6
⊥ — 2	⊥ — 7
⊥ — 3	⊥ — 8
⊥ — 4	⊥ — 9

или наносились на горизонтальную линию

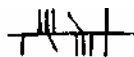

Цифровая «скоропись» удобна для вырезания на твердых материалах. Информант назвал такие знаки *резами*, хотя при этом затруднился вспомнить, знает он это слово в живой традиции или вычитал из книг (вероятнее второе).

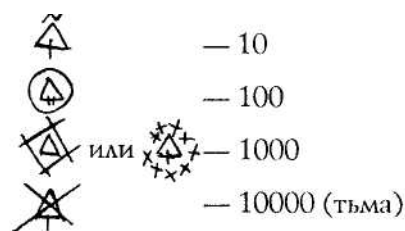
При подобной системе записи число 1945 будет выглядеть следующим образом.

или

Существовало несколько особых знаков, обозначающих круглые численные значения:

И.В. Ягич приводит большое количество информации о существовании подобной практики у южных и западных славян.

Бирки, на которых были вырезаны счетные знаки, там назывались роваши (*rovcis*) или рабоши.

Существовало два варианта объяснения происхождения слова *роваши*. Согласно первому варианту, слово славянское и происходит от «рыть» (ср. «ров»). Есть также мнение, что мы имеем дело с венгерским словом, восходящим к *roni, rovok* — «врезывать». Таким образом, при любом толковании оказывается, что слово «роваши» этимологически близко словам «руна» и «реза» (в главе 1.1 мы говорили, что по одной из наиболее перспективных версий *слошзрунсг* произошло от слова «резать»).

В главе 1.3 мы упоминали о «чертах и резах», которыми, по сообщению Черноризца Храбра, писали славяне до изобретения письменности. Также мы говорили, что слова «черта» и «реза», скорее всего, отражают различные способы нанесения знака на материал и, соответственно, фактуру материала. «Черты» чертились (на глине, пергаменте), «резы» вырезались (на

дереве, камне). Западнославянский материал дает подтверждение этому предположению — действительно, информативные знаки называются по способу их нанесения на материал; так, по-чешски роваши назывались «врубками»³.

Этнографически у западных и южных славян зафиксированы следующие системы счетных знаков.

Босния ⁴ :		— 1	X	— 20
		— 2	X	— 30
		— 3	X	— 40
	, #	— 4	□, ○	— 50
		— 5	□, ○	— 100
		— 10		

Моравия ⁵ :		— 1
	^	— 5
	+	— 10
	#####	— 1000

Данная система использовалась моравскими овчарами; счетные знаки здесь предполагали не только счет как таковой, но и «качественную» оценку поголовья. Так, например, яловая овца обозначалась специальным знаком т.

Также в Моравии:

	— 1	^	— 4
L	— 2	L	— 5
^	— 3	└	— 10

³ Ягич И В Вопрос о рунах . С. 29.

⁴ [Шуленбург] Botenstocke bei Sudslaven// Verhandlung der Beilinie Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Jahrg. 1886
Стр 385 Beitrag zur Zeitschrift für Ethnologie

⁵ Ягич И В Вопрос о рундах.. С. 29 Со ссылкой на статью Домлувила в Zeitschrift für ostneueuropäische Volkskunde T. 10.

Болгария ⁶ :	I	— 1	II	— 50
	/	— 5	X	— 100
	X	— 10	Ж	— 1000
Македония ⁷ :	⊙	— 5	λ	— 100
	∩	— 10	⋈	— 500
	⊙	— 50	⋈	— 1000
Далмация ⁸ :	I	— 1	N	— 50
	V	— 5	o	— 100
	X	— 10		

С помощью данной знаковой системы **молено записать**, например, следующие числа:

$$\begin{array}{ll} VN^o & \text{— 155} \\ IVXXN & \text{— 76} \end{array} \quad \begin{array}{ll} IXX^{\infty} & \text{— 221} \\ IIN^{ooo} & \text{— 452} \end{array}$$

Часто системы исчисления, используемые в деревнях, вообще не претендовали на какую-либо математическую законченность, являясь исключительно орудием для выполнения одной конкретной функции.

Например, приведем фрагмент из статьи В. Лобанова, в котором описываются специальные бирки, использовавшиеся в одной из деревень Казанской губернии. Бирки назывались «подводными колодками», они предназначались для определения очереди давать «подводу», т.е. лошадей для какой-либо казенной или общественной надобности. Колодки содержат личные

⁶ Сборник ня народни умотворения, наука и книжнина. Т. 7. София, 1892. С.496-505.

⁷ *ТрпјHoQiiti*. Знаки КОЛММ се служе иски ненисмени луди // КараиѢ. 1901. Вып. за июнь-июль.

⁸ *Ягич И.В* Вопрос о рунах... С. 36.

гербы владельцев — «знамена», рассматриваемые нами в предыдущей главе. «Своей формой они в известной степени напоминают нам сапожные колодки и представляют собой неширокие, но довольно высокие и длинные деревянные пластинки, понижающиеся к одному своему концу, а на другом конце их находится отверстие, через которое и продевается бечевка или ремень, благодаря чему получается возможность располагать целое собрание таких колодок в известном порядке. Хранение таких колодок лежит на обязанности сельского или деревенского старосты, который и располагает их в порядке расположения домов в известном селении, так что ему достаточно знать, кому принадлежит первая колодка с того или другого конца бечевки, чтобы разобраться в остальных. Иногда, впрочем, как это имеет место в д. Калмаксе, для обозначения хозяина колодки ставят на широкой, плоской стороне колодки особые знаки в виде крестиков, зарубок и т.д.; но этот а юсоб требует уже большой памяти, чтобы разобраться в большом числе таких колодок, и потому обыкновенно практикуется первый способ их расположения и хранения. На обязанности же старосты лежит делать отметки на этих колодках касательно исполнения тем или другим домохозяином подводной повинности. Эти отметки являются в виде линейных зарубов или крестиков, обыкновенно на узкой, скошенной к одному концу поверхности таких колодок. Количество зарубов и характер их зависит от дальности расстояния высылки подводы и от числа отпущенных домохозяином лошадей. Характер этих знаков в каждой деревне может быть различен. Например, в д. Кушникове это делается так: если дается одна лошадь на расстояние 10 верст, то на колодке вырезается одна прямая черта (I), на расстояние 15 верст — две прямых зарубки (II), а на расстояние 30 верст — одна косая зарубка (/). Если отпускается сразу пара лошадей на расстояние 10 верст, то сразу ставятся две зарубки,

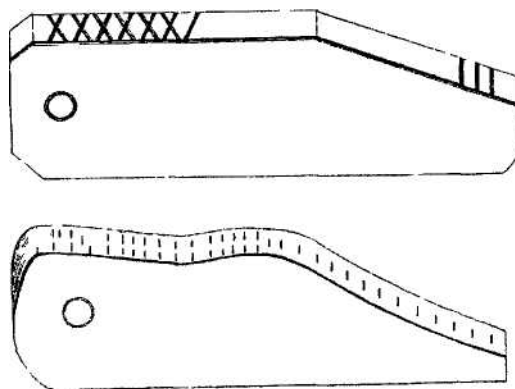

Рис 58. Подводная колодка со маками счета (по В. Лобанову)

а на расстояние 30 верст ставится крест (X) и т.д. Чтобы узнать, чья очередь ставить «подводу», староста смотрит на число зарубок на колодках всех домохозяев и, смотря по тому, у кого меньше зарубок на колодке, тому и приказывается давать лошадей. Когда количество зарубок на всех колодках примерно сравняется, тогда все они срезаются и система отметок начинается сначала, что обыкновенно приурочивается ко времени нового года. Если же у кого-либо из домохозяев останутся при этом излишние отметки, то они переносятся на следующий год. При таком срезывании знаков одного года и самая форма, и величина колодок несколько изменяется. В с. Русском-Утяшкине на ребре колодки вместо зарубок ставятся особые знаки путем накалывания острием ножа. Значение их такое же»⁹.

Учет с помощью расщепленной колодки прост, достаточно удобен и практиковался во многих областях расселения славян. Колодка раскалывалась на две части, одна из которых

⁹ Лобанов В. Образцы идеографического письма...

оставалась у учетчика (продавца, нарядчика и т.д.),^а другая выдавалась в качестве «квитанции». Информация на колодки наносилась с помощью резаных знаков, цветных нитей и т.д. При расплате или учете «квитанция» прикладывалась к колодке, образуя единое целое (естественно, плотно прилегать к колодке мог только «родной» отщеп).

Известно, что у сербов основа колодки (работа) называлась «квочкой», а отколотая часть — «киле» (то есть «курица» и «цыпленок»). У болгар, соответственно, «майка» (или «женеко») и «щене» (или «мешко»)¹⁰.

В сербском гражданском судопроизводстве еще в 1887 году ребош рассматривался как полноценный юридический документ, на основании которого могли подаваться судебные иски.

Локальные цифровые системы могли использоваться не только для хозяйственного учета, они могли использоваться и как части рисуночной письменности. И.В. Ягич приводит следующий этнографический факт: «Замечательно, что упомянутые знаки вносятся не только в роваш, а также на дощечки с изображениями событий из народной жизни <..> Простонародный безграмотный рисовальщик, желая, например, изобразить картину одного несчастного случая, старика, упавшего с крыши дома и погибшего, для передачи лет его возраста, а также для обозначения, сколько у него было овец при начале хозяйства и сколько при жизни, внес на дощечку известные знаки работа»¹¹.

Как мы можем судить на основании обильного этнографического материала, в традиционном обществе была широко распространена практика создания знаковых систем для счета. Эти системы могли быть распространены локально.

¹⁰ Ягич И.В. Вопрос о рунах . С. 35.

¹¹ Ягич И.В. Вопрос о рунах... С. 37.

Не исключено, что некоторые неидентифицируемые знаки, обнаруживаемые на археологических и этнографических находках, могут являться знаками локальных цифровых систем¹².

В этой связи можно вспомнить Бодинский камень из Словакии, упомянутый в главе 2.4. Я.Лечеевский трактует многочисленные знаки, нанесенные на нем, как цифры, маркирующие границы земельного участка. Можно соглашаться или спорить с расшифровкой Лечеевского, но в целом его предположение было вполне вероятным.

Выводы третьей главы. При рассмотрении древних надписей, выполненных неидентифицируемыми знаками, необходимо учитывать, что эти знаки могут вовсе не являться письменностью. С большой вероятностью это могут быть пиктограммы, знаки собственности, цифры.

Возможны и другие толкования «загадочных» находок. Например, на ряде памятников, рассмотренных нами, может содержаться *тайнопись*. Под тайнописью понимается особая буквенная система, выработанная определенной группой лиц (например, профессиональным сообществом) для секретности записей. Например, высказывалось мнение, что именно тайнописью являются знаки на коровьем ребре, обнаруженном в новгородских раскопах (рис. 38).

Ввиду вышесказанного, массив знаков, на основании которых можно реконструировать «славянские руны», значительно уменьшается. Гипотетически сохраняется возможность воссоздания «славянских рун» на основании археологического материала, однако возможность эта очень мала

¹² См. напр.: Турчанинов В.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971. Табл. 19. Сотникова М.П. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв. // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Т. 4. Вып. 2. С. 44—91.

Выводы

Гипотеза о существовании у славян рунической письменности, как показано в *первой части нашей книги*, коррелирует со многими аспектами материальной и культурной жизни европейского Средневековья.

Руническая письменность распространялась по Европе постепенно, причем происходила адаптация рунических алфавитов к языковым потребностям различных народов; не исключено, что и славяне могли быть охвачены этим процессом. Характер славянских надписей, относимых исследователями к числу рунических, укладывается в рамки европейской традиции — это информация о принадлежности тех или иных предметов некому хозяину. У средневековых славян наблюдалась сакрализация письменности, что также соответствует европейской традиции. Некоторые из славянских рунических памятников, как мы считаем, появились вследствие адаптации скандинаво-германских обычаев на славянской почве — это относится, например, к микоржин-С1сим камням, синтезировавшим в себе рунические мемориалы и славянскую сакральную скульптуру.

В принципе вполне вероятно существование у славян письменности до «официально признанного» принятия ими кириллицы и латиницы.

Весь массив славя неких рунических памятников, рассмотренный нами во *второй части книги*, разбивается на две большие группы.

Первая группа локализуется на территории расселения западных славян. Это памятники с надписями, выполненными одним и тем же руническим строем, условно называемым нами «вендскими рунами». Согласно устоявшемуся мнению, «вендские руны» впервые представлены в книгах М.Т. Арнке-ля (1691 г.) и Клювера (1728 г.). Этот строй сходен с датским футарком с поправкой на то, что он несколько модифицирован (вероятно, в целях адаптации к славянским языкам).

К числу памятников данной группы относятся:

- первая (опубликованная А. Машем) и вторая (опубликованная Я. Потоцким) коллекции «прильвицких статуэток»;
- коллекция камней, обнаруженных близ Ной-Штрелица и опубликованных фон Хагеновым;
- некоторые польские памятники (медаль из Вапно, микоржинские камни, «фигурка Жунковича»);
- чешские памятники — «драгельчицкая урна» и, с не большой долей вероятности, камни из Скальска.

Подлинность подавляющего большинства перечисленных предметов в большей или меньшей степени подвергалась сомнению. Все памятники данной группы, по выражению одного из критиков, «вместе стоят или вместе падают» — то есть доказательство подлинности одного из предметов (коллекций) значительно увеличивает шансы на подлинность всех остальных (а соответственно, и на аутентичность всего строя «вендских рун»); и наоборот, поддельность любого предмета группы усиливает сомнения в подлинности всех остальных.

Вряд ли можно доказать неаутентичность памятников данной группы, основываясь исключительно на анализе строя «вендских рун». По крайней мере, труды критически настроенных авторов не содержат достаточных доводов, чтобы признать «вендские руны» вымышленными. Единственный путь, которым можно прояснить данный вопрос, — экспертиза

самых предметов, проведенная непредвзятыми специалистами с помощью современных методик (надо отметить, что у нас нет никаких данных об экспертизе памятников данной группы позднее начала XX века).

Вторая группа памятников представляет собой предметы, покрытые нечитаемыми надписями. Некоторые авторы относят их к числу рунических исключительно на основе некоторого сходства в начертании.

Памятники второй группы рассеяны на всей территории расселения славян — в Чехии, Словакии, России, на Украине, в Белоруссии, Болгарии. Надписи здесь, как правило, коротки, содержат, помимо руноподобных знаков, также и знаки, вовсе не поддающиеся идентификации.

Третья часть книги посвящена интерпретации именно памятников второй группы. Не исключено, что знаки, нанесенные на них, вообще не имеют отношения к звуковой письменности — это могут быть знаки рисуночного или логографического письма, знаки собственности, цифры. Мы приводим данные, показывающие, что небуквенные знаки всех перечисленных категорий широко использовались славянами. С учетом этого массив неидентифицированных славянских надписей значительно уменьшается. К тому же надо учесть, что достаточно мала вероятность заимствования рун теми славянами, которые не граничили с народами, доподлинно обладавшими рунической письменностью; вероятность параллельного бытования славянских рун, развившихся из того же корня, что и руны западноевропейские, и вовсе исчезающе мала. В связи с этим вопрос об отнесении памятников данной группы к славянской рунике кажется нам преждевременным.

Заключение

Славянская руническая письменность — тема невыигрышная для научного исследования. Автор, взявшийся за нее, рискует подвергнуться обвинениям во всех «научных грехах» и заработать себе не самую лучшую славу. Последним толчком для принятия решения о разработке данной «неблагодарной» темы послужила крайняя предвзятость, которую проявляет в данном вопросе современная наука. Причем важно отметить, что эта предвзятость не имеет под собой достаточной основы.

В русскоязычных академических изданиях практически невозможно найти какую-либо информацию о западнославянских рунах. Исключением может быть разве что короткий, но очень показательный абзац в труде известного ученого: «Романтика, которой всегда оваяно углубление в языческую старину, способствовало появлению подделок, выдаваемых за славянских идолов. Исходным материалом для этих фантазий служили исторические источники о храмах и идолах балтийских славян XI—XII вв. (Сефрид, Гель-мольд, Саксон Грамматик и др.). Таковы, например, грубые подделки, «найденные» в 1687—1697 г. в замке Прильвице в землях древних бодричей, породившие целую литературу, или так называемые микоржинские идолы». Читатель, после прочтения нашей книги знакомый с фактическим материалом, легко найдет в последнем предложении данной цитаты не менее двух ошибок. Однако на этом перечень казусов

не закончится: данный фрагмент текста сопровождается иллюстрацией с подписью: «Поддельные славянские идолы (ми-коржинские идолы)». На иллюстрации с двух позиций изображен один и тот же археологический памятник, не имеющий никакого отношения не только к «микоржинским идолам», но и к западным славянам вообще. И это тоже не все: заглянув в ссылку, мы обнаружим два литературных источника, на которые опирается автор, и при знакомстве с этими источниками удивление не уменьшится, поскольку один из упомянутых текстов полностью посвящен «шаманским» произведениям искусства Севера и Сибири. Другой же источник — книга Л. Нидерле «Славянские древности» — действительно упоминает интересующие нас рунические памятники: «Обнаружены даже и умышленные подделки, к которым, в частности, относятся так называемые приллвитцкие статуэтки, найденные в конце XVII века пастором С.Ф. Спон-гольцем в деревне Приллвитц в Мекленбурге»¹. При прочтении данного абзаца становится ясно, что лично Л. Нидерле «приллвитцких статуэток», скорее всего, не видел: он говорит о поддельности, опираясь на мнение некоего авторитетного автора. И ссылка на этого автора присутствует тут же — это труд уже известного нам И.В. Ягича: «В частности, см. статьи В.Ягича в «Archiv für slavische Philologie, 11.388, V.193. (немец)». Стоит напомнить, что И.В. Ягич, как мы говорили выше, относился к проблеме славянских рун с явной предвзятостью и не приводил достаточных доказательств своей точки зрения (см. гл. 2.1).

В итоге оказывается, что предвзятое и мало доказательное мнение И.В. Ягича послужило основой для стопроцентной уверенности многих поколений ученых, раз за разом вос-

¹ Цит по: *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 2000. С. 32.

производивших его точку зрения без каких-либо попыток ее проверить.

Меньше всего хотелось бы, чтобы предыдущей абзац был расценен как злорадное обвинение процитированного выше автора (искренне уважаемого нами) в научной некорректности. Мы прекрасно понимаем, что он сам стал жертвой определенного научного предрассудка: доверился устоявшемуся мнению, не проверив его по источникам. Действительно, на настоящий момент о проблеме славянской руники не говорят не потому, что эта проблема решена, а потому, что говорить о ней как бы неприлично. И поэтому процитированный выше автор, известный своими обширными познаниями и аккуратным отношением к первоисточникам, в данном случае поленился углубиться в тему, небрежно вставив в текст случайные иллюстрации и ссылки. Физик точно так же поленился бы искать ссылки на литературу, доказывающую, что земля плоская, а биолог без должного тщания отнесся бы к опровержению гипотезы о самозарождении мышей в грязном белье.

В результате такой предвзятости первоклассные (в случае если они не поддельные) памятники славянской языческой древности оказались вне зоны научного интереса. В начале XX века дискуссии о западнославянских рунах как-то сами собой утихли и воцарилась так никем и не доказанная точка зрения, которую можно выразить словами чеховского персонажа: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». На прильвицкие коллекции, например, бесповоротно был навешен ярлык «поддельных», будто и не было в 1827—1829 годах работы авторитетной комиссии, которая признала собрание А. Маша подлинным с большой степенью вероятности, будто и не было многочисленных выступлений ученых, оценивающих и грильвицкие статуэтки как аутентичные.

Давно устарели не только аргументы противников славянской руники, но и аргументы ее защитников. Необходимо помнить, что последние экспертные оценки многих памятников происходили в XIX веке с использованием несовершенных методик. Нам не остается ничего другого, как еще раз повторить мысль, неоднократно высказывавшуюся на протяжении всей книги: единственным и наиболее верным путем прояснить вопрос о подлинности или поддельности ряда славянских рунических памятников является экспертная оценка, проведенная непредвзятыми специалистами с использованием современных методик.

Книга, которую читатель сейчас держит в руках, — это *сугубо кабинетное исследование*. Нам не известно, где сейчас находится большинство славянских рунических памятников, описанных нами, и даже не известно, уцелели ли они вообще. Для того чтобы эти памятники найти, необходимо провести работу, предполагающую большие затраты времени и материальных средств. Необходимо организовать экспедицию по музеям ряда европейских стран, установить местонахождение данных памятников, а потом — организовать экспертизу. При этом исследование нужно провести под патронатом какой-либо достаточно солидной научной организации.

Мы надеемся, что наша книга пробудит общественный интерес к данной проблеме и позволит провести подобное исследование в полном масштабе. В случае, если удастся доказать подлинность описанных нами предметов, наука обретет первоклассные памятники славянского язычества. В случае, если предметы действительно окажутся поддельными, вопрос можно будет окончательно закрыть или, по крайней мере, определить вероятность существования славянской рунической письменности с большей степенью точности.

Conclusion

In the first part of our book we have considered the hypothesis of the existence of the Slavonic runic writings. This hypothesis corresponds to many aspects of material and cultural life of the Dark Ages in Europe.

The runic written writings were disseminating all over Europe by degrees. The European nations adapted the runic alphabet to their tongues. It is possible that the Slavs were included in the process. The Slavonic inscriptions ascribed by some researchers to runic ones are the part of the European runic tradition, and they inform us of belonging different things to an owner. In the Dark Ages the Slavs also regarded their written writings as some part of mysteries, and this is quite in keeping with the European sacred tradition. We suppose some of the Slavonic runic relics have come into existence by adapting Scandinavian and Germanic runes. Thus, for instance the Mickorgean stones combine within themselves runic memorials and the Slavonic sacred sculpture.

Theoretically, it is quite possible the Slavs had got a written writings before taking them Cyrillic or Roman alphabet "officially".

All the Slavonic runic relics, we are examining us *in the second part of the book*, is subdivided into two large groups.

The first group is found in the territory of the Western Slavs' settlement. The inscriptions of these relics are written by the

same runic signs. They have been named by us "vendish runes" on probation. According to the common opinion, for the first time, "the vendish runes" have been presented in books of M.T. Arnkel (1691) and Kluver (1728). These runes are similar the Danish Futhark but they are modified slightly (it was probably done to adapt these signs to Slavonic tongues). The relics of the first group are as follows:

- the first (published by A. Mash) and the second (presented by Y. Pototsky) collections of "the prilvetish statuettes";
- the collections of stones found out near Noy-Shtrelitz and published by von Haguenov;
- some Polish relics (the medal from Vapno, the Mickorgcan stones and "the figurine of Junckovich");
- the Czech relics are as "the dragueltchish urn" and may be the stones from Scalsk.

The authenticity of overwhelming maionty enumerated things was often called in question. According to some critics, all the relics of the first group "either stand all together or fall all together", therefore the proof of the authenticity *of* one thing from these collections may give an opportunity to establish the authenticity of the rest of the things (and also the authenticity *of* all "the vendish runes"); and in turn, any false thing of the first group may enlarge doubts of the authenticity of all the rest.

It is doubtful whether the falsity of the relics from the first group might be able to be proved by only analysing the system of "the vendish runes". At least, the works of some authors who are in the mood critically do not contain sufficient arguments to admit the falsity of "the vendish runes", and the only possible way to reveal is to examine the above things made by unprejudiced experts by means of modern methods (it should be noted that we have no facts of the examination of the first group's relics made the XX century's beginning later).

The second group of the relics includes some objects covered with undecipherable inscriptions. Some authors consider that these inscriptions belong to the runic ones as they have got a little likeness.

The relics of the second group are dispersed all over the territory of the Slavs' settlement — in Czechia, Russia, the Ukraine, Byelorussia and Bulgaria. Generally the inscriptions are short here, and they contain both signs similar to the runes and these one which are not quite possible to identify.

The third part of the book is devoted to the interpretation of the second group's relics. It may be that the inscriptions of these relics have nothing to do with phonetic letters and are signs of illustrative letters or logographs, brands of owners or figures. Thus it may be said that the Slavs used these signs of all the above-named categories rather widely. So the majority of the unidentified inscriptions of the Slavs are decreased considerably. Also it is necessary to take into consideration a little probability of adapting runes to those Slavs who lived near to the peoples possessing the runic writings. The probability of the parallel existence of the Slavonic runes which came from the same root as well as the West European runes is utterly little. In this connection it seems to us to reckon the relics of the second group among the Slavonic runes untimely.

Приложения

Приложение 1.

Гравюры художника Вогена приводятся в полном соответствии с книгой А. Маш д. Удалены только информативные надписи, содержащиеся на гравюрах, — номера, ссылки на параграфы текста и т.д. (сравн. факсимильное воспроизведение гравюр предметов № 1 и 2).

Транскрипции даны только в тех случаях, когда они представляют собой сколько-либо читаемое слово, могут быть как-либо интерпретированы.

Предмет 1

Статуэтка обнаженного мужчины с львиной головой. На груди фигуры — поддерживаемая левой рукой (?) голова быка. На голове — водоплавающая птица (утка?). В правой руке — посох, упертый в землю.

Надпись на правом предплечье:

ሂገቱ ይህ

На левой лодыжке:

ሂጋቦቲቶን ይገልጻል

На спине:

RIKZUKANT Pu'czu'm

Ниже:

R*↑RY Рэспра

На левой ягодице — отдельный знак ♪. На спине птицы — знак ♫

Предмет 2

Уменьшенное подобие статуэтки 1.

Надпись на постаменте:

R*λΥ

На спине:

RIPλΥλN Ριθςγαςι

Предмет 3

Статуэтка антропоморфного существа со львиной головой. На голове — водоплавающая птица (утка?). На груди — бычья голова на небольшом постаменте (?).

Надпись по правой поле одежды:

ΑΛΛΗ

По левой поле:

ΑΛΛΗΛΗ

На задней части RλDξ KλIT Ραδε γαστ головы:

На спине:

Γξ↑Γξξξ Бел box

На нижней части одежды (сзади):

R*ξ↑Rλ Ρεэтра

Предмет 4

Статуэтка бородатого мужчины. Благодаря специфической позе фигура напоминает свастику. У мужчины длинные усы (?) и на спине — коса (?). На затылочной части головы, ближе к шее, женское лицо. Возможно, находящиеся на спине женское лицо и коса на самом деле являются частями змеи со стрелообразным окончанием хвоста. На голове фигуры — «отросток» неясного происхождения.

Надпись на груди:

𐤀𐤓𐤕 𐤕[.]𐤐

На спине:

𐤏𐤁𐤕𐤓 и 𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕 𐤐𐤕𐤕𐤕𐤕

Предмет 5

Статуэтка, представляющая собой антропоморфную фигуру со сложенными на животе руками (?). Голова статуэтки имеет две противоположно направленные звериные морды — козла и льва. От головы и туловища фигуры отходят семь «лучей», внешне схожих с листьями или колосьями. На спине фигуры — «змеиный хвост», начинающийся от плеч. На нижней части одежды (со спины) — изображение бегущего зверя (волка?).

Надписи на нимбе вокруг морды козла:

𐤏𐤕 𐤕𐤕𐤕

На левой поле верхней одежды:

𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕 𐤐𐤕𐤕𐤕𐤕

На полах одежды, ниспадающей до земли:

𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕 𐤕𐤕𐤕𐤕 и 𐤏𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕 𐤐𐤕𐤕𐤕𐤕

На спине

𐤕𐤕𐤕𐤕 и 𐤏𐤕𐤕𐤕𐤕

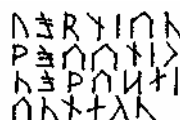
На «лучах» (сзади): 𐤕𐤕 и 𐤕𐤕

На нижней части одежды (сзади): 𐤕𐤕𐤕

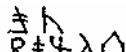
Предмет 6

Статуэтка, представляющая собой антропоморфную фигуру с двумя противоположно направленными звериными ликами — человеческим (бородатый мужчина) и звериным (кошачьим?). От головы фигуры отходят «лучи».

Надпись на одежде (передняя часть):

 Пергун

На одежде (задняя часть):

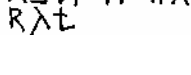

и ниже:

У основания од *Пе реу нуст* *ИЛ*
 На задней части *шапки*

Предмет 7

Статуэтка бородатого мужчины с закрытыми глазами (?). В правой руке — посох; предмет, находившийся в левой руке, не сохранился. Голова фигуры окружена лучами. На уровне паха мужчины изображена птица с распростертыми крыльями; не исключено, что на голове его также находилась птица (практически не сохранилась). На фигуре — одежда, доходящая до колен, голени открыты. На спине, на уровне поясицы, изображение некой человеческой фигуры.

Надпись на спине (переходит на правую руку):

На нижнем крае одежды:

Предмет 8

Статуэтка полнолицего человека. В фигуру встроен «полумесяц» рогами вверх. У левой ноги — предмет, похожий на сумку. На голове — покрывало (?).

Надпись на «сумке»:

YRI↓↓I *кривви*

На полумесяце: RY↑↑Rλ *Рыэтра*

На нижнем крае одежды:

AINPΨ†Y *Цислбог*

Предмет 9

Статуэтка бородатого мужчины. На его голове — «отросток», похожий на «луч» (возможно, остальные «лучи» обломаны). На затылке фигуры изображена сцена охоты — пес (волк?), вгрызающийся в бок бегущего оленя. На уровне ягодиц фигуры — еще одна сцена охоты: преследуемое животное, собака и человек. В фигуру встроен некий изогнутый предмет; при сопоставлении с изображениями охоты этот предмет идентифицируется как лук.

Надпись на предплечье левой руки (со спины):

R*†↑ Rλ *Рээтра*

На уровне шеи (со спины):

INλΨ†Y *Инаббог*

Предмет 10

Столбик, увенчанный головой с двумя ликами, направленными в противоположные стороны. Оба лика мужские (?), второй лик бородат. Не исключено (качество гравюры не позволяет говорить об этом с уверенностью), что на верхней части предмета находится еще один лик (поднятая маска?).

Предмет 11

С одной стороны предмета — женское лицо, окруженное стилизованным нимбом (?); на другой — морда львицы (?).

Предмет венчается изображением птицы с распростертыми крыльями.

Предмет 12

На фрагменте — изображение морды львицы (?).

Предмет 13

Статуэтка антропоморфного существа с бородатым звериным лицом. Левая рука фигуры уперта в бок, в правой руке — жезл. На животе — накладка с изображением бегущего зверя (коня или оленя?), возможно гербом. На антропоморфное существо надет ниспадающий плащ. Нижняя часть статуэтки (ноги) не сохранилась.

Надпись на нижней части одежды (спереди):

R*†↑Rλ Pə́тpи

NLЖΛYΛΦ

↑1Φ V

ΣT↑LΛ↓V

На плаще: Белбоуг

Предмет 14

Статуэтка антропоморфного существа с бычьей головой. Поза фигуры повторяет позу предыдущего предмета, сходно и одеяние. В правой руке — некий треугольный предмет. Сзади на плаще (мантии?) два изображения двух людей и муравья.

Надпись на треугольном предмете:

На груди: Ƨ†↑Rλ↓V Белбоуг NRINRI

На правом плече (сзади):

††Rλ Цери

R*†

↑Rλ

На спине: Pə́тpи

На уровне шеи (сзади):

RIKΛ

На нижнем крае одежды (сзади):

λU RI

Предмет 15

Статуэтка женщины или безбородого юноши. В левой руке — треугольный предмет (?). На голове — фигурка человека, стоящего на коленях и подпершего голову рукой.

Надпись на нижнем крае одежды (спереди):

U13 Cue ba
TY

На правой руке (сзади):

U144λ Cueba

На правой ноге:

IN↑ IT

На левой ноге:

RL AIU1λ

На спине — отдельный знак N

Предмет 16

Статуэтка безбородого человека. На передней части — небольшие изображения головы, перевернутой вверх ногами (?), сидящего человека и грозди винограда (?). Изображения на задней части: наверху — два взявшихся за руки человека с копьями в руках, ниже — сидящий человек, на уровне коленей — лучник. У основания — фигурка водоплавающей птицы. Вокруг головы фигуры — нимб или некий головной убор (?).

Надписи на нижнем крае одежды (сзади):

На том же уровне спереди одиночный знак — "y*

Предмет 17

Статуэтка льва. Плечи и передние лапы льва покрыты распушенной гривой (?). Надпись на спине:

РЖ4↑Rλ 65Rλ3X1↓Y 1λ+ рѣтри цернебоуз

На голове:

NOB NIP

Предмет 18

Жезл (?), украшенный изображениями пастений, детских и женских головок. Надпись с аверса:

С реверса: ± 1111 Билс и 1111

Предмет 19

Статуэтка обнаженного ребенка. В правой руке ребенка — некий предмет; на спине — изображение лучника. Видимо, фигурка является навершием предмета, аналогичного предмету 30.

Предмет 20

Статуэтка обнявшихся мужчины и женщины. Возможно, предмет является навершием жезла.

Предмет 21

Статуэтка обнаженного ребенка. На спине ребенка — две птицы в процессе соития (?).

Предмет 22

Статуэтка обнаженного ребенка. В левой руке ребенка — круглый предмет (зеркало?).

Предмет 23

Жезл (?), обвитый змеей (?). На жезле изображение некого животного (обезьяны? кошки?). Надпись на аверсе:

На реверсе: ληλη и ↓↑εΔ ιη↓↑ ιιι↑

В верхней части жезла: ε↑↑

Рядом с изображением животного—отдельный знак Ψ

Предмет 24

Рельеф, изображающий обнаженного ребенка.

Предмет 25

Статуэтка обнаженного ребенка с предметом (куском ткани?) в руке. Сходно с предметом 19.

Предмет 26

Статуэтка обнаженной девушки. Ступни девушки переходят в плавники (?), в спину фигурки вделан штырь.

Предмет 27

Статуэтка, подобная предыдущей.

Предмет 28

Антропоморфная статуэтка. Заметны изображения двух лент (?) и продолговатого предмета с крестообразным утолщением на конце.

Предмет 29

Рельеф, изображающий ребенка (?).

Надпись на задней стороне:

Ν↑ΓΚ

Предмет 30

Жезл (?), навершием которого служит фигурка обнаженного ребенка (ср. предм. 19,25). Вдоль жезла с двух сторон — змееподобная линия. На отростках жезла — фигурка птицы и некая растительная гроздь (почка?).

Надпись на жезле:

ОПДРА *Опора*

Предмет 31

Статуэтка лежащего копытного животного (коня?).

Надпись на левой стороне туловища:

ИЦИИИ

На правой стороне:

ЕЗРИИИ

Предмет 32

Статуэтка антропоморфного существа с козлиными ногами (с козлиной левой ногой?). Надпись на левой стороне:

↓RГПЗ ПЗІРЗГЕІ↑ [.....] *вейдел* [*Jom* На

правой стороне:

ГІРИИИ↓

На зашивке существа два отдельных знака: ПИИ

Предмет 33

Рельефная фигурка оленя или лося. Надпись на задней стороне рельефа:

КАРИ

Предмет 34

Центральным объектом композиции является фигура драконообразного существа со стрелоподобным хвостом.

Кроме того, присутствует голова с двумя противоположно направленными ликами — мужским и женским. На вертикальном стержне — игольчатое женское изображение и изображение некоего мифологического существа. Надписи на стороне *Цирн итра* а:

На стороне б: *вила*

Предмет 35

Навершие посоха. Обод навершия состоит из шести выступов, в промежутках между которыми — точечные углубления (от одного до трех штук).

Надписи (слева направо):

 (??)

Предмет 36

Кольцо, содержащее надпись:

Предмет 37

Изогнутый предмет с декоративным украшением. Содержит знаки:

Предмет 38

Модель руки.

Предмет 39

Модель сабли.

Предмет 40

Растительный фрагмент (см. предм. 30).

Предмет 41

Решеткообразное изделие. В центре — **изображение** водоплавающей птицы (лебедя?). Надписи:

ԵԺԴ Бел
ՆԻՓ
ՔԱՐՅԿԱՆՄ Քաճաճ
ՄԺԻՄԻԿԱՆ
ԱՐԻՆԻՄԺԱ

Предмет 42

Решеткообразный предмет В центре — рельефная человеческая фигурка; сверху — фигурка женщины (?) с копьем (?); в левой части — изображение оленя или лося (ср. предм. 33).

Надписи:

ՀԱՆՐԱՄԱՆ Սոփոքա

Предмет 43

Блюдо. На оборотной стороне четыре зигзагообразные линии.

Надписи на аверсе (против часовой стрелки):

ПР#ПТ Прове
 ИИХЛ Снеба
 РYТХУИТ Рашегаст
 R*YTRУ Рэтра
 ПТХЛХЛ Поеага
 ПИви
 П

$$\mathbb{L} \vdash \vdash \Phi \vdash \vdash \text{Бел}[\dots]$$

417(?)*

На реверсе:

Предмет 44

Блюдо. В центре композиции — изображение водоплавающей птицы. Вокруг центрального объекта изображены: птица с расправленными крыльями и короной на голове; голова львицы (?), голова человека; раковина моллюска; рыба (гроздь, початок?); муравей (паук?); разрушенный объект; фигурка человека (женщины?).

Надпись в центре:

Rλ P3IλN↑ *Paðegast*

Справа от орла: ʔʔʔʔʔ Цобог

Слева от моллюска:

Iλnλλ *Иатан*

Справа от муравья:

ʔʔʔʔʔ *Белбог*

Выше муравья: Iλ

Ниже человеческой фигурки:

ʔʔʔʔʔ

Предмет 45

Блюдо с несколькими плохо сохранившимися зигзагообразными линиями и изображениями человеческих лиц, фигур. Надписи на блюде:

ʔʔʔʔʔ RIXII ʔʔʔʔʔ

На краю блюда:

↓RI R

Предмет 46

Блюдо, в центре которого — изображение птицы.

Надписи вокруг птицы:

RλʔʔʔʔʔN↑ I↑ Iʔ *Paðegast* [...]

Предмет 47

Небольшой круглый предмет (блюдо?). На одной стороне предмета изображена голова львицы, на другом — раковина моллюска (ср. предм. 44).

Надписи вокруг головы львицы:

↑ſ ↑ИИѲУА то тсибиц

На лбу львицы отдельный XZ знак:

Предмет 48

Предмет неизвестного назначения. С одной стороны — бородатое мужское лицо, окруженное семью «лучами», на другой — три зигзагообразные линии.

Надписи по ободу предмета (справа и слева от мужской головы): ПУРЛУ *ІА↑ Подига [...]

Предмет 49

Овальный предмет. В центре — плохо сохранившееся изображение человеческой фигуры, вписанной в квадрат. От квадрата исходят четыре «луча».

Надпись над человеческой фигурой:

І*А

По ободу. І ŁŁГѲІІ [.] Белбог

Предмет 50

Нож с

изображением ИІАІІ↑ІІІІ* Свантєвитъ муравья и надписью:

Предмет 51

Предмет неизвестного назначения. В центре — фигурка сидящего человека

Надпись рядом с фигуркой:

ԱԻՏԷ *Сисб*

Предмет 52

Блюдечко с надписью:

ԽՏՐԻՏԷՆԻՄ *Цернобог*

Предмет 53

Нож с надписью:

ՔԱՐՅԻՆ *Paḏegias*

Предмет 54

Нож с надписью:

ՔԱՐՅԻՆԻՄ *Paḏegias*

На рукояти — изображение двух обнявшихся **людей**.

Предмет 55

Нож с надписью:

ՈՐՋԱ

Предмет 56

Нож с надписью:

ՈՐ

Предмет 57

Нож с надписью:

ԱԻՏԷՆ *Сисба*

Предмет 58

Нож с надписью:

ՔՐԻՄ *Prinz*

Предмет 59

Нож. На нем изображены фигурка человека, сидящего на коленях (сравн. предм. 15), и муравей. Надпись:

NIΠλ Cιβι

Предмет 60

Нож с изображением человеческой фигурки и надписью:

ΠΑλ

Предмет 61

Блюдце с

человеческой головкой и надписью: RλPΞΓλИ↑ Paδeγιc m (детской?)

Предмет 62

Рельеф, изображающий со спины воина с мечом на перевязи у левого бедра.

Надпись на оборотной стороне рельефа'

ΙΙΚΨ

Предмет 63

Рельеф, изображающий воина с мечом у левого бедра.левой рукой воин прижимает к телу правую руку. Надпись на оборотной стороне рельефа:

ννΨΙΙΙΙΑ

Предмет 64

Предмет неизвестного назначения с фигуркой льва (пса?) и надписью:

R*J↑Rλ и ΦΙ↑λ Ρετρα

Предмет 65

Медальон (?) с рельефным изображением фигурки человека. На обороте надпись-Ολτ

Предмет 66

Медальон (?) с рельефным изображением **двух** фигурок — мужчины и женщины, взявшихся за руки. На оборотной стороне — знак /Т»

Большинство надписей на предметах первой прильвицкой коллекции прочитать не удается.

Часто встречается слово **Ретра** (название города и храма): *Рытры* (№№ 1, 3, 4, 5, 9, 13, 17, 43, 64), *Риэтра* (№ 8).

Неоднократно встречаются имена славянских богов, известные по другим источникам:

Радегаст: *Рийсгаст* (№ 1), *Ридегаси* (№ 2), *Радегаст* (№ 3, 41, 44, 54, 61), *Раиегаст* (№ 43), *Риасегаст* (№ 46), *Радсгас* (№ 53)

Белобог: Белое? (№№ 1, 44, 49), Белбох (№ 3), Бел (№ 1, 41), *Бслбоуг* (№ 13, 14), Биле (?) (№ 18), *Бел(.*) (№ 43)

Чернобог: *Цsrнебоуг* (№ 17), Ц«р (№ 4), Церн (№ 14), *Цирнитра* (№ 34), *Цsrнобог* (№ 52)

Перун: *Пергиун* (№ 6), *Переунуст* (№ 6)

Святовит: *Свантевитъ* (№ 50)

Жива: Тсw&- (№ 5), Сwfe (№ 59)

Прове (№ 43)

Подага: носW (№ 5, 42, 48), Шсаг^ (№ 43)

Криве (?): К/ж^и (№ 8)

Также можно выделить несколько слов, которые в принципе могут быть именами собственными:

Цислбог (№ 8), *Инабоег* (№ 9); Сие5(№ 15, 51), Сш'ш(№ 15, 43, 57), Та<6a/i (№ 47); *Росте* (№ 16); *Рмицвыа* (№ 15); Вш-Л?л(>т (№ 32); Вмла (№ 34), *Тароу* (№ 35); *Цобог* (№ 44); Ийи^н (№ 44); *Пригг* (№ 58).

Присутствует также слово, написанное греческими буквами, — *Опора* (№ 30)

Страница из книги А. Маши. Рисунки 1 а, 2 а

Puc. 26

Puc. 16

Рис 3

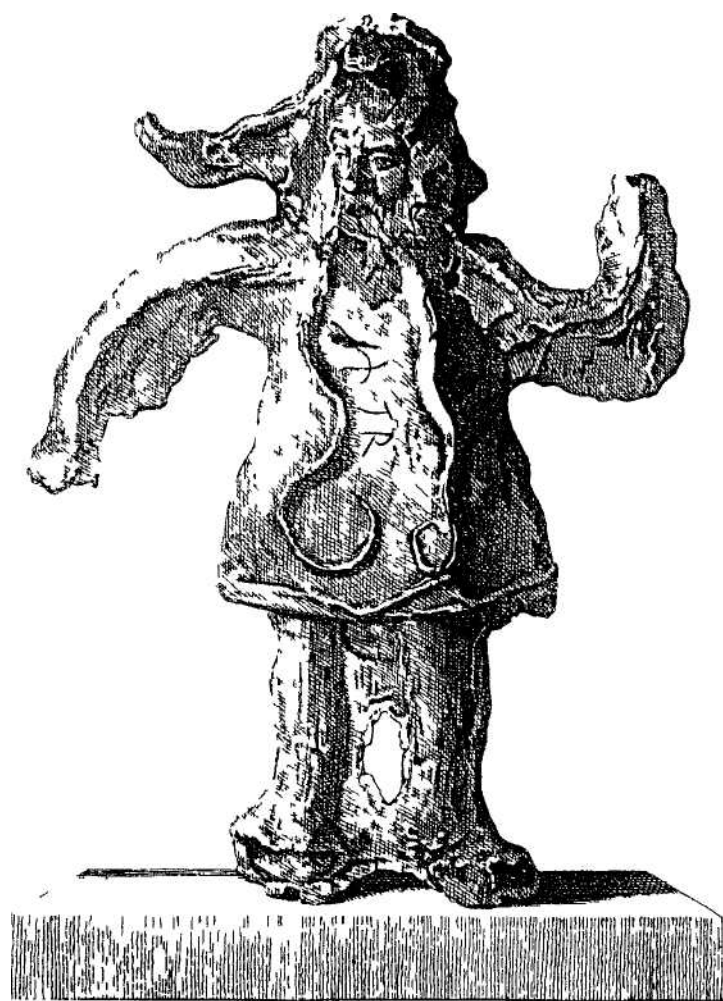

Рис 4 а

Рис. 46

Рис. 5 а

Рис. 56

Рис. 6 а, б

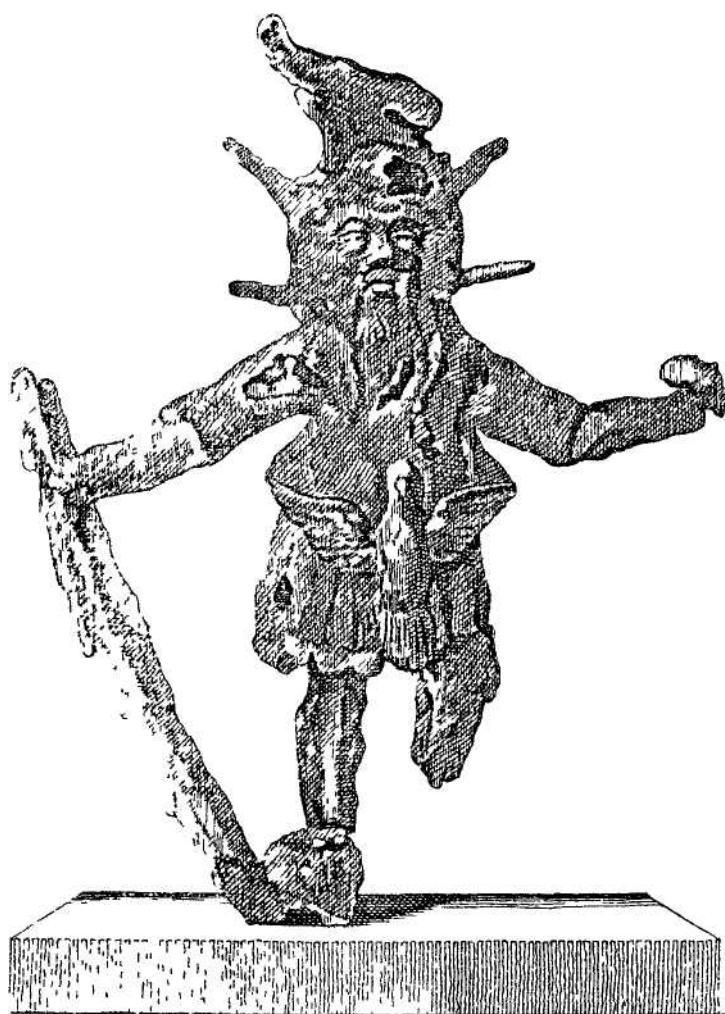

Рис 7 а

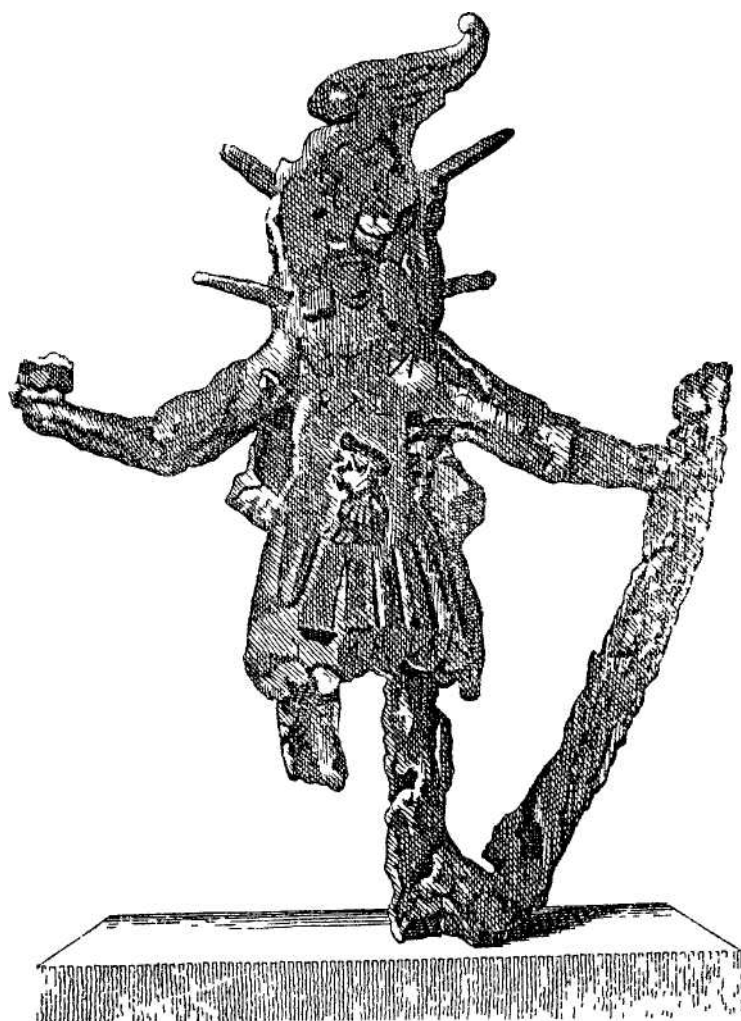

Рис 76

Рис 8 а

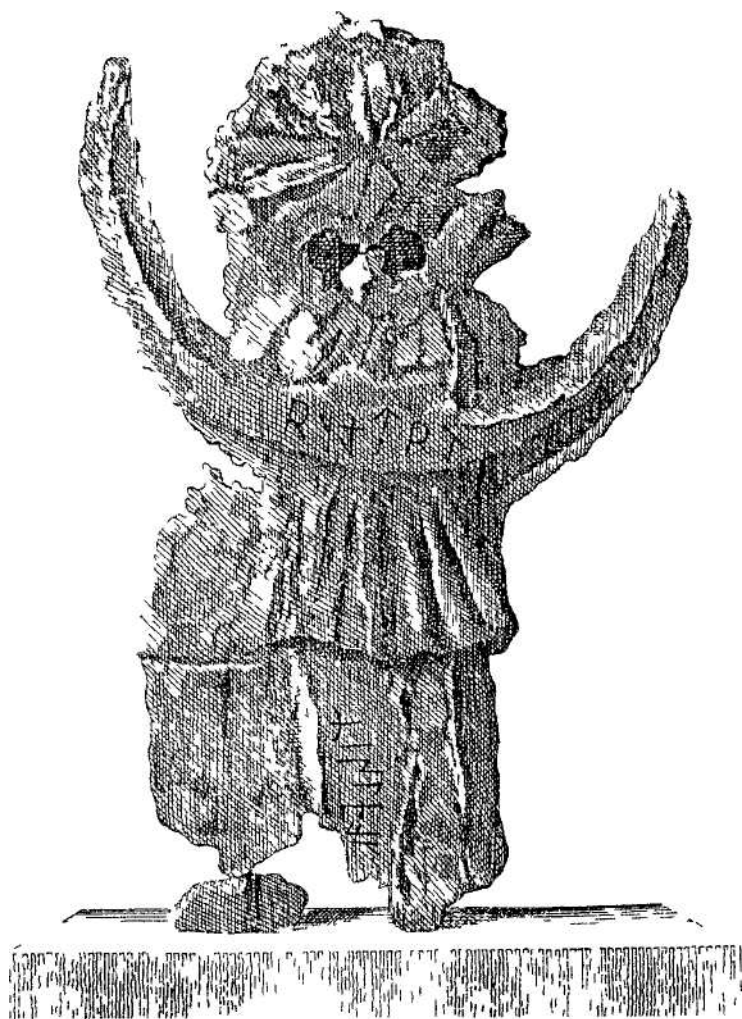

Рис 86

Рис. 9 а, 10 а

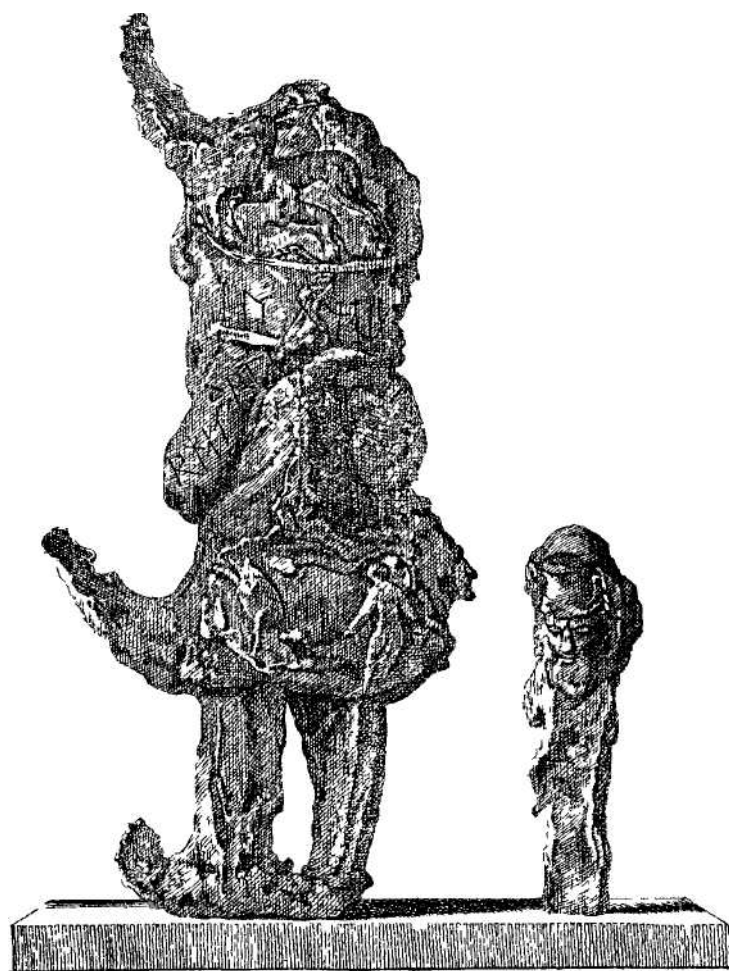

Рис. 9 б, 10 б

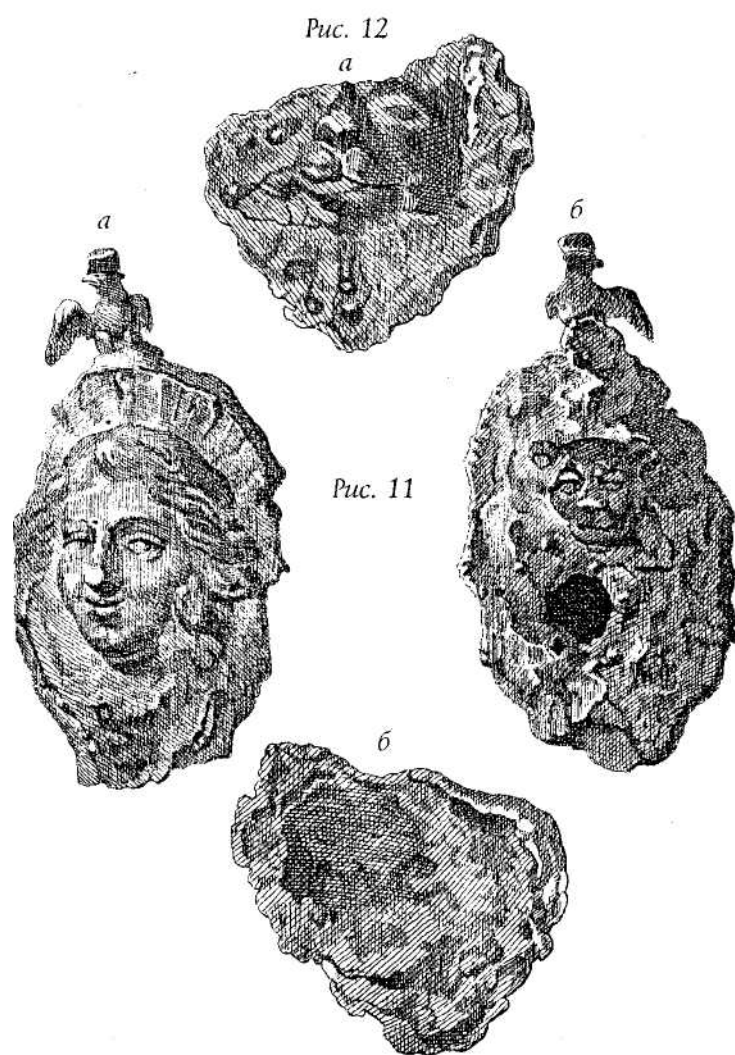

Рис. 13 а

Рис. 13 6

Рис. 14 а

Рис. 14 6

Рис. 15

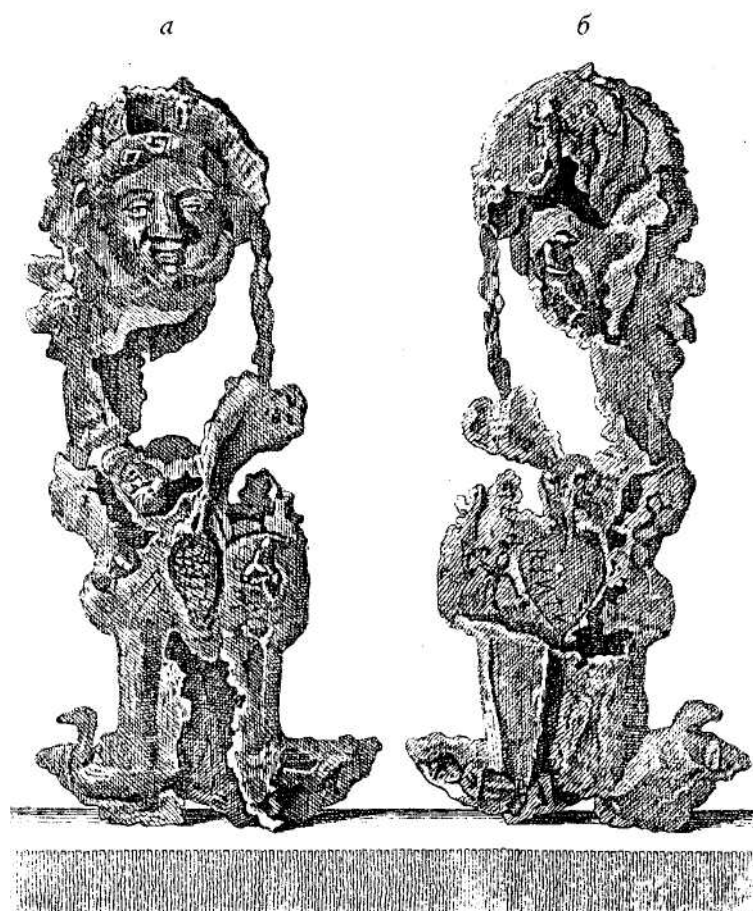
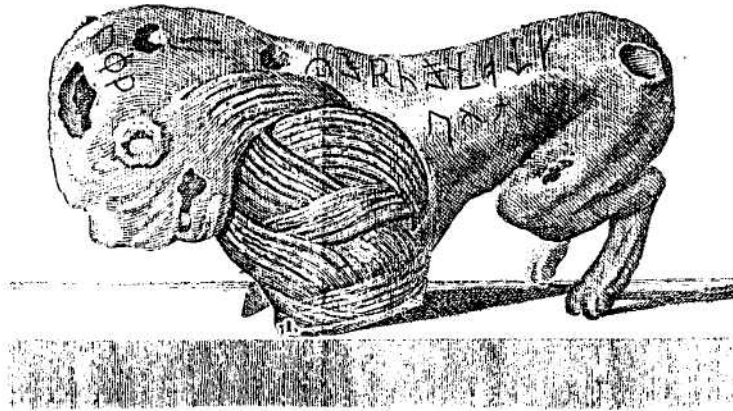

Рис. 16

a

b

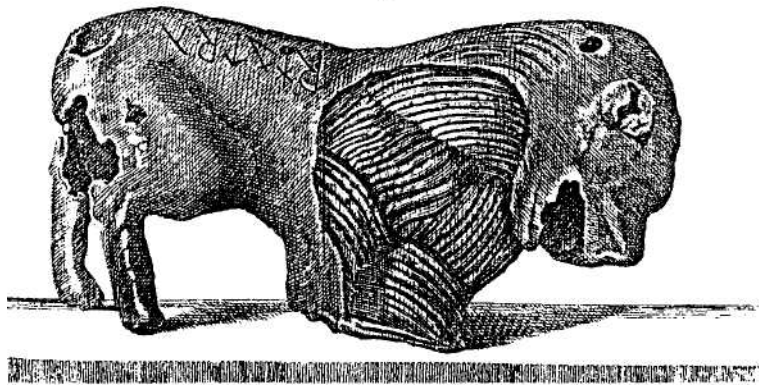

Рис. 17

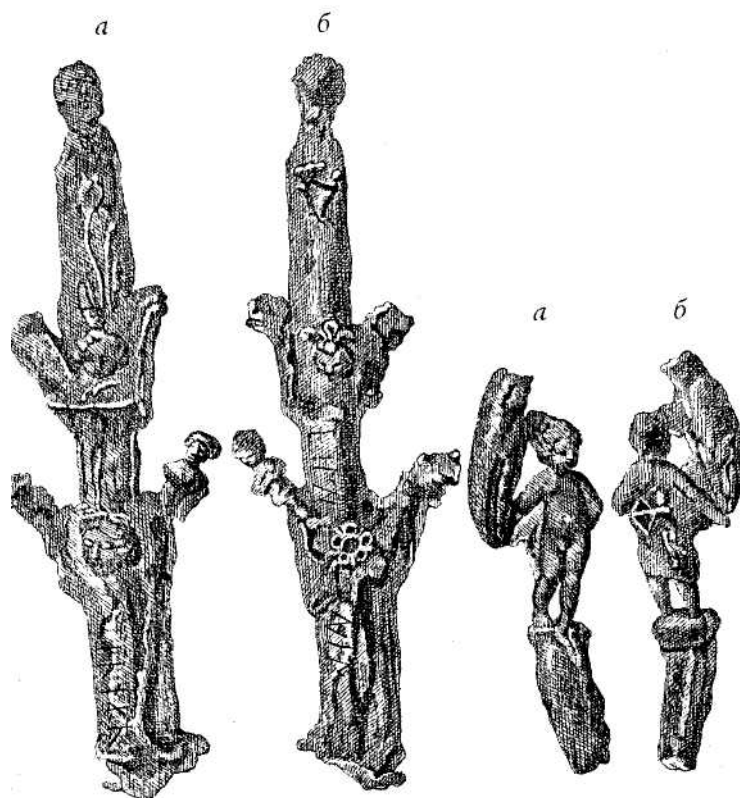

Рис. 18

Рис. 19

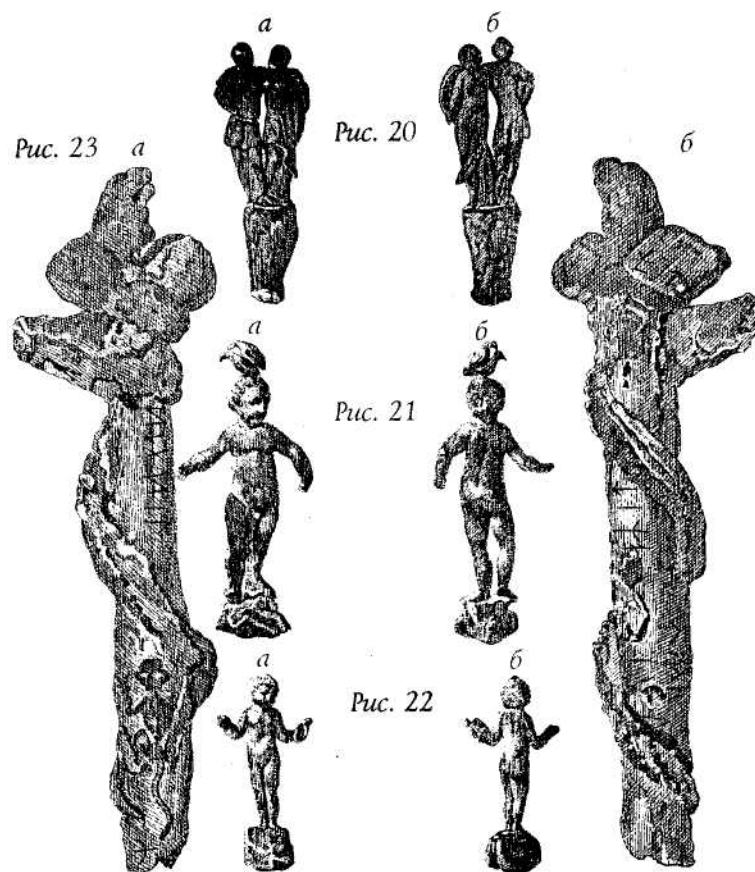

Рис. 24

Рис. 25

Рис. 26

Рис. 27

Рис. 28

Рис. 29

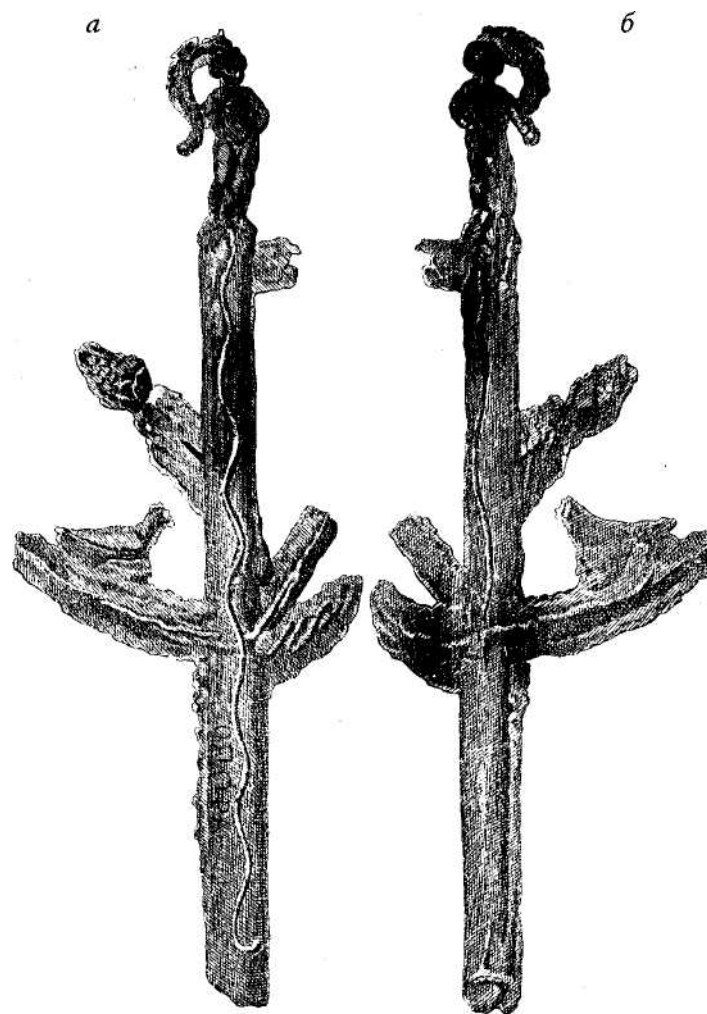

Рис. 30

Рис. 31

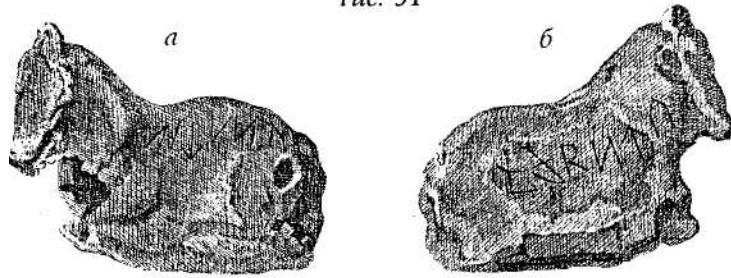

Рис. 32

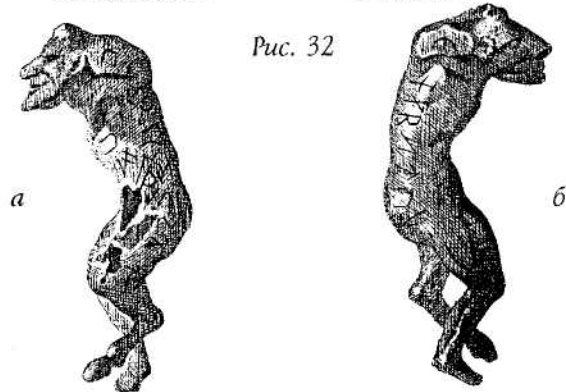

Рис. 33

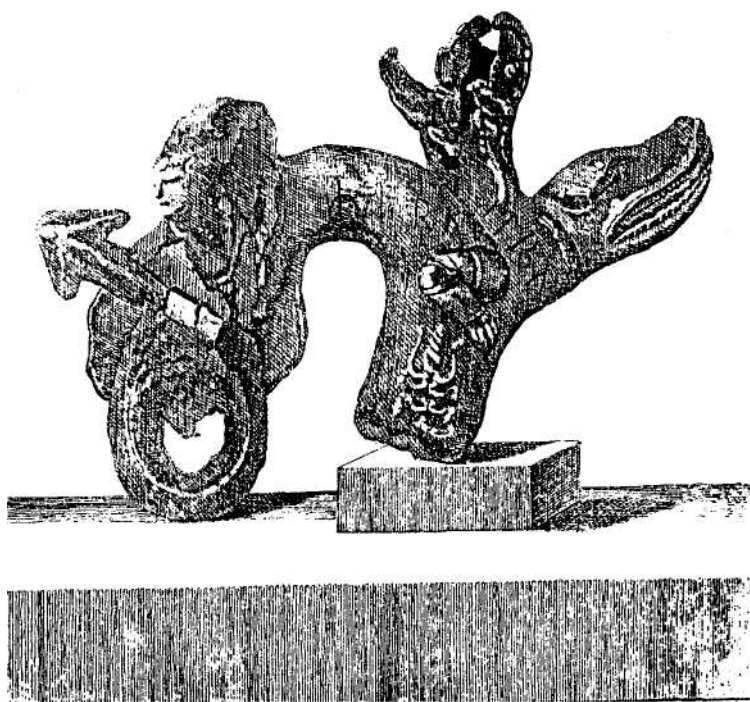

Рис. 34 а

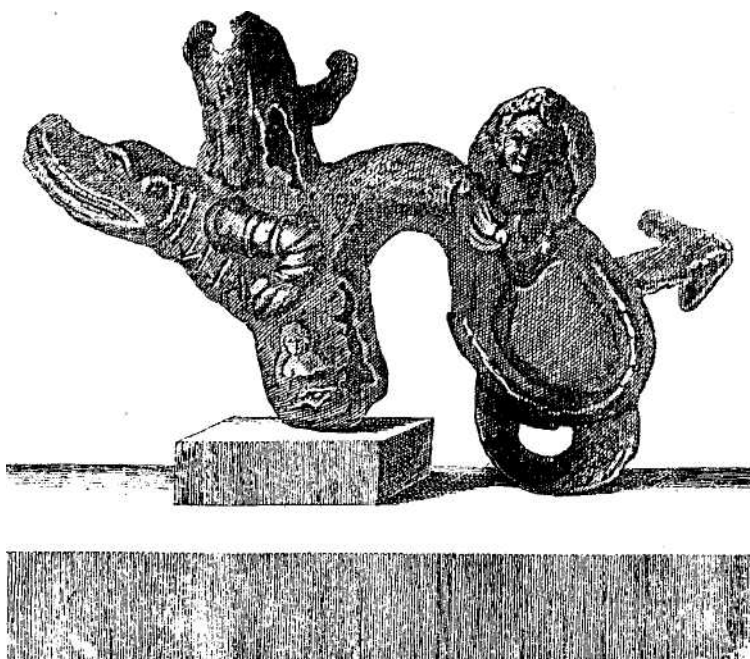
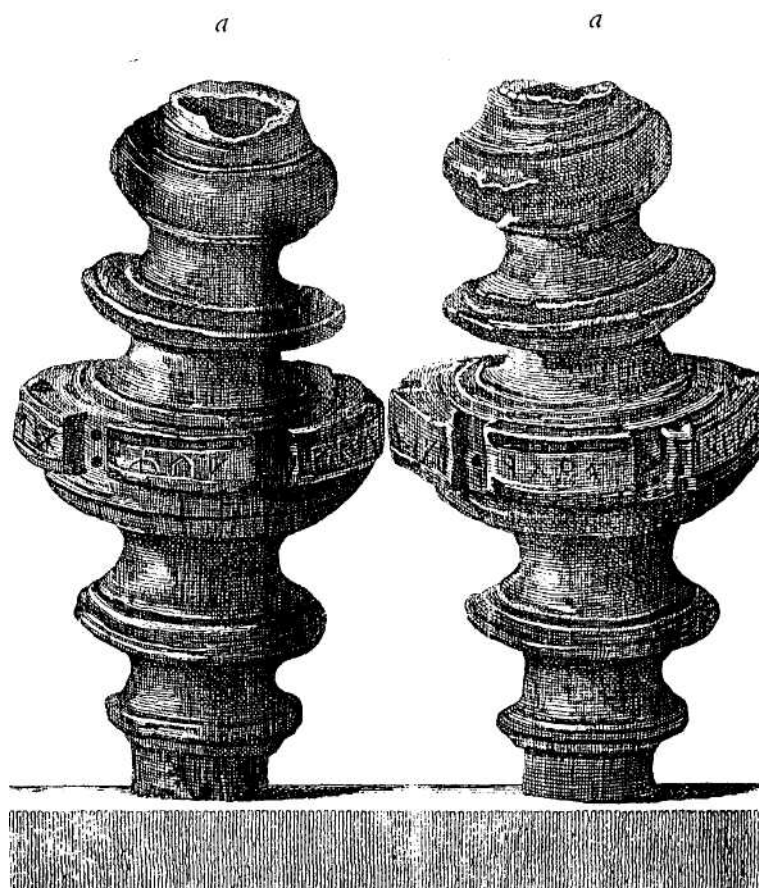

Рис. 34 6

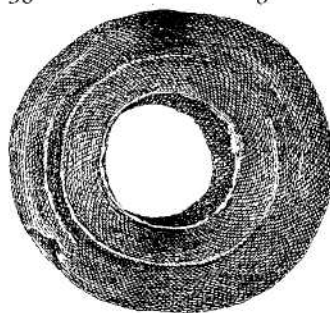
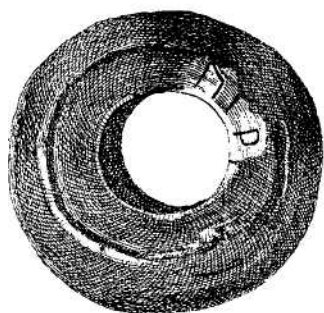

Puc. 35

a

Puc. 36

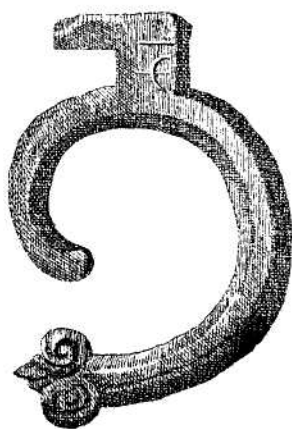
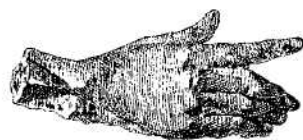
б

Puc. 40

Puc. 38

Puc. 37

Puc. 39

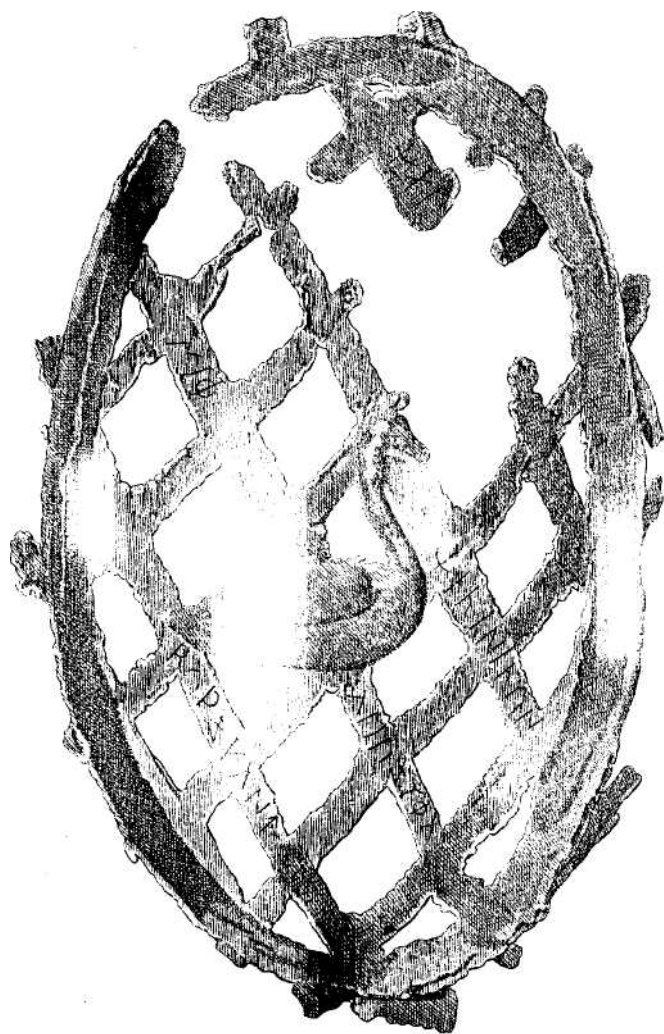

Рис. 41 а

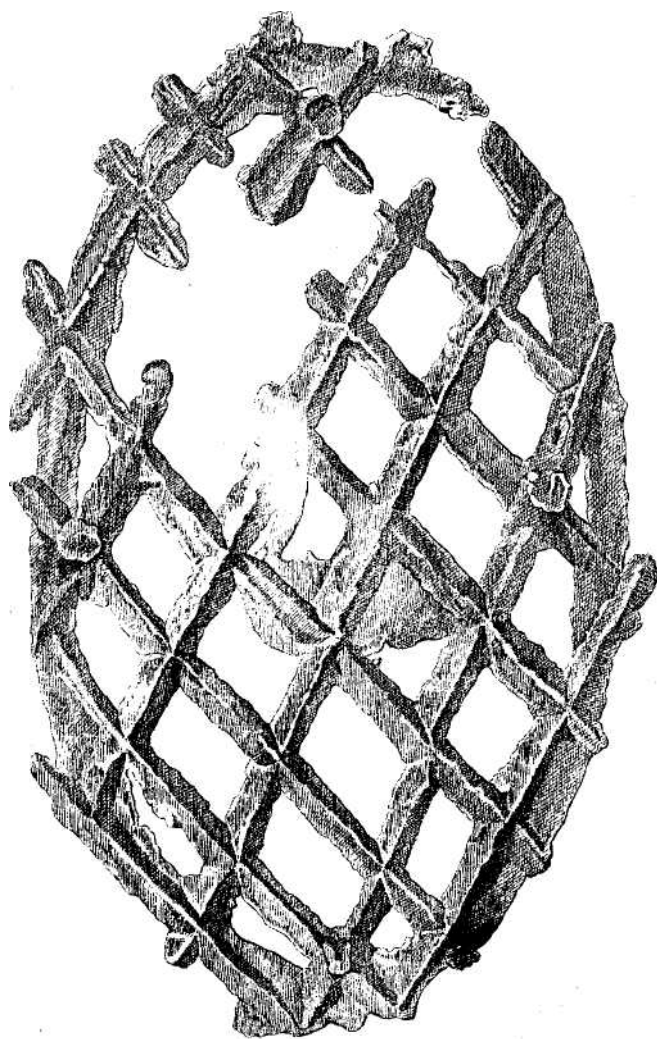

Рис. 41 6

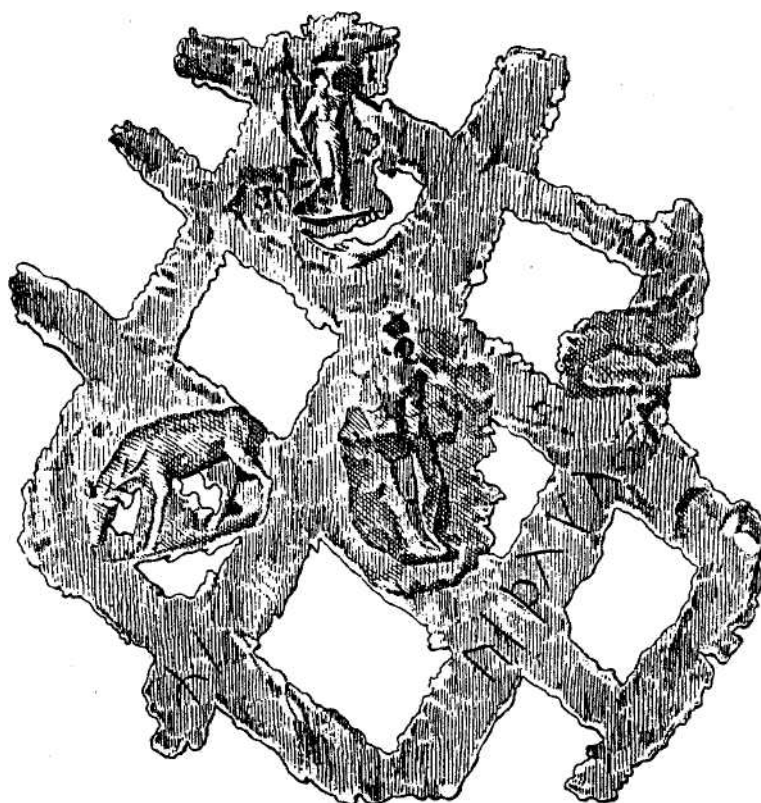

Рис. 42 а

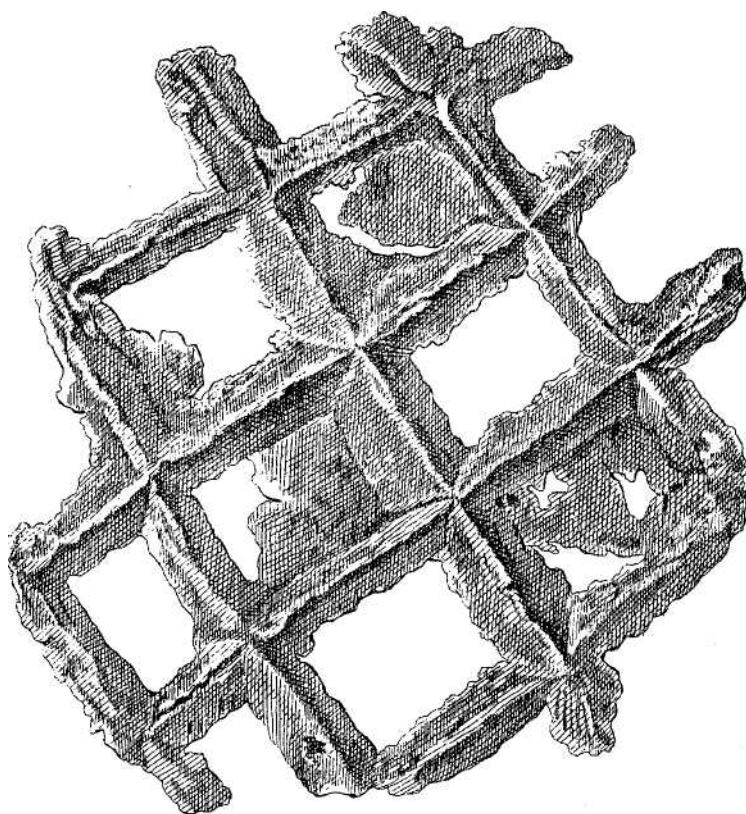

Рис. 42 6

Рис. 43 а

Рис. 43 б

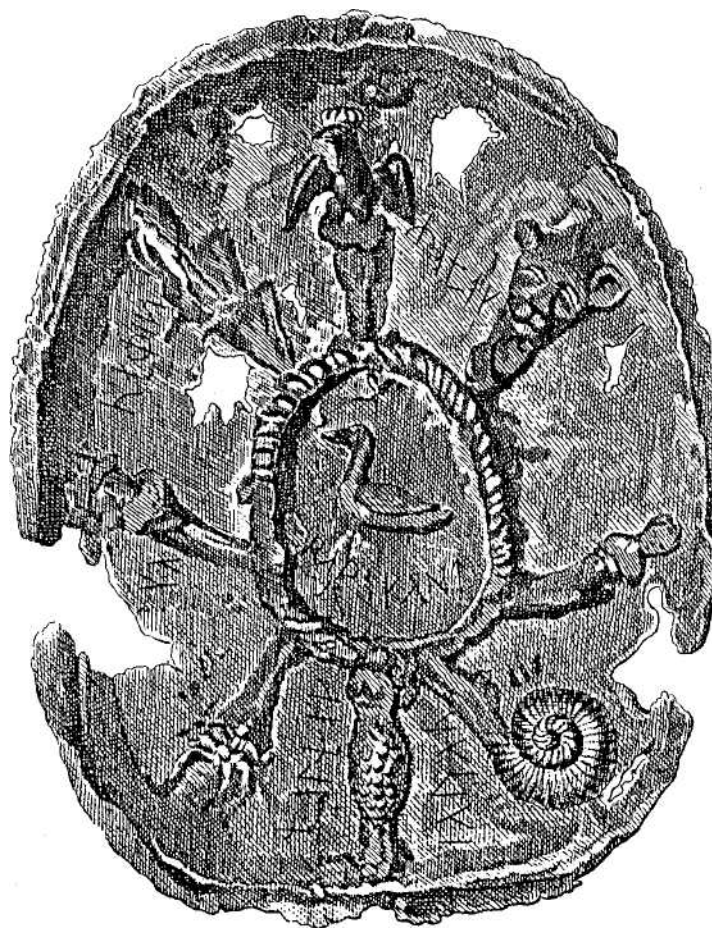
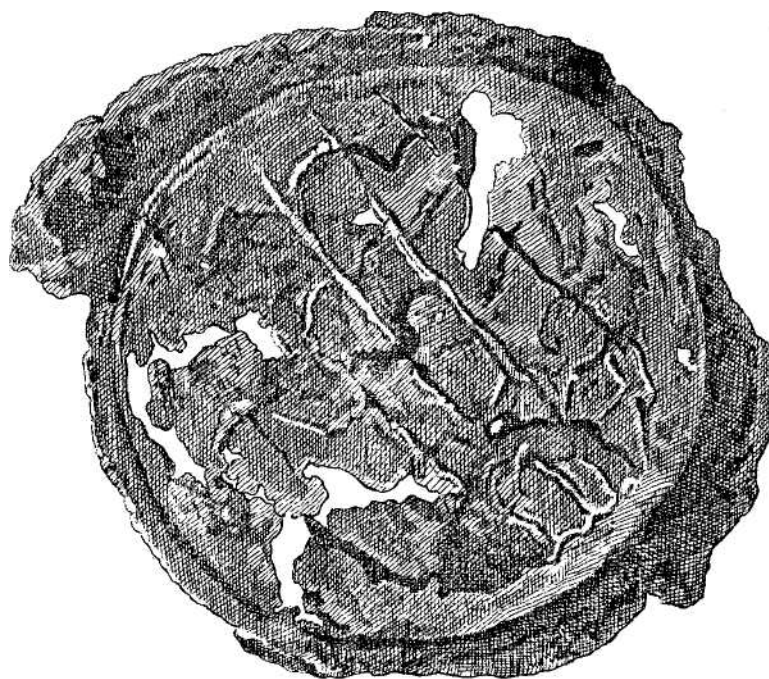

Рис. 44

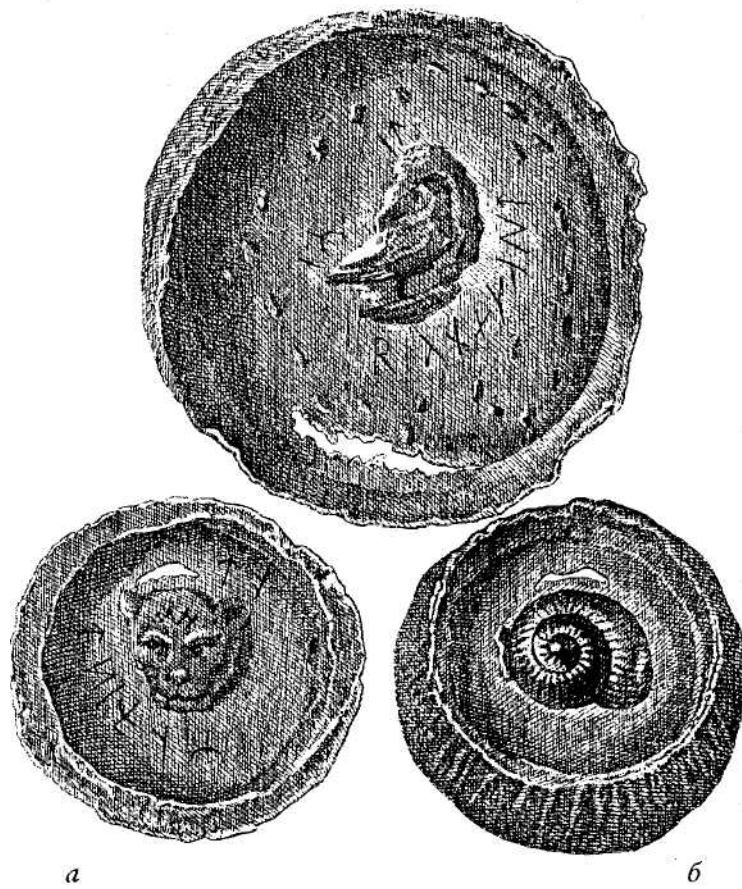

Рис. 45 а

Puc. 45 6

Рис. 46

Лис. 47

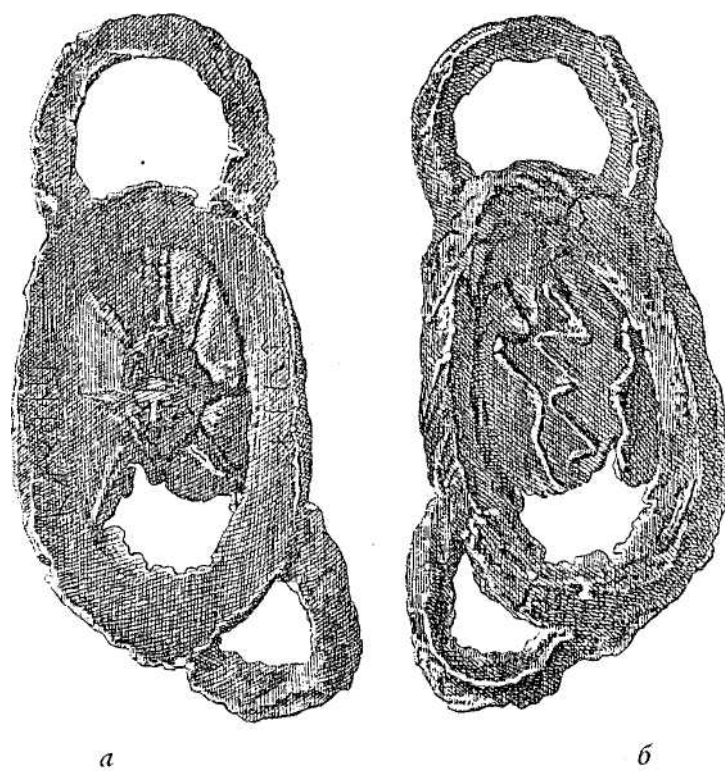
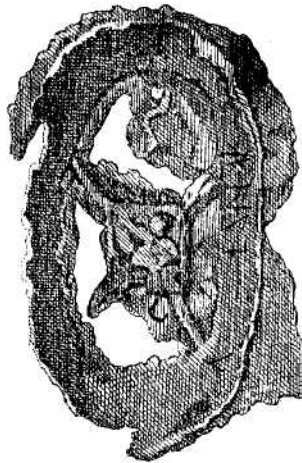
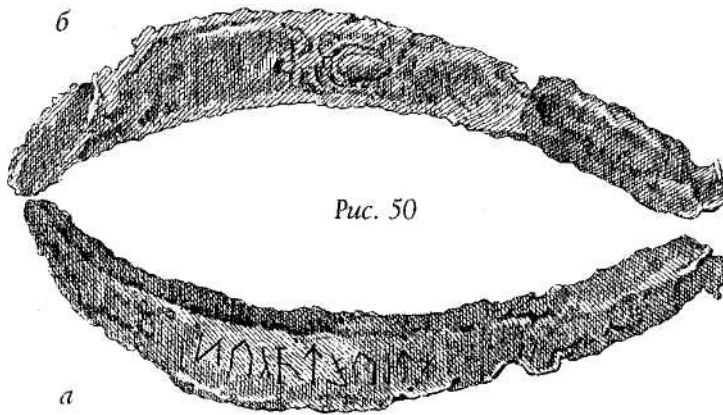

Fig. 48

Puc. 49

6

Puc. 50

a

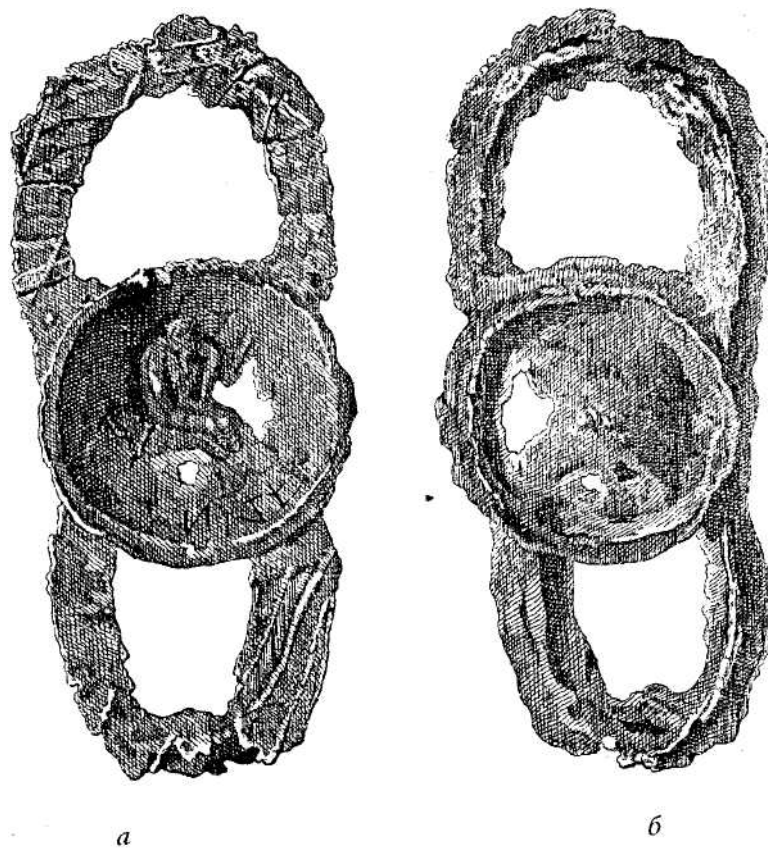

Рис. 51

Рис. 52

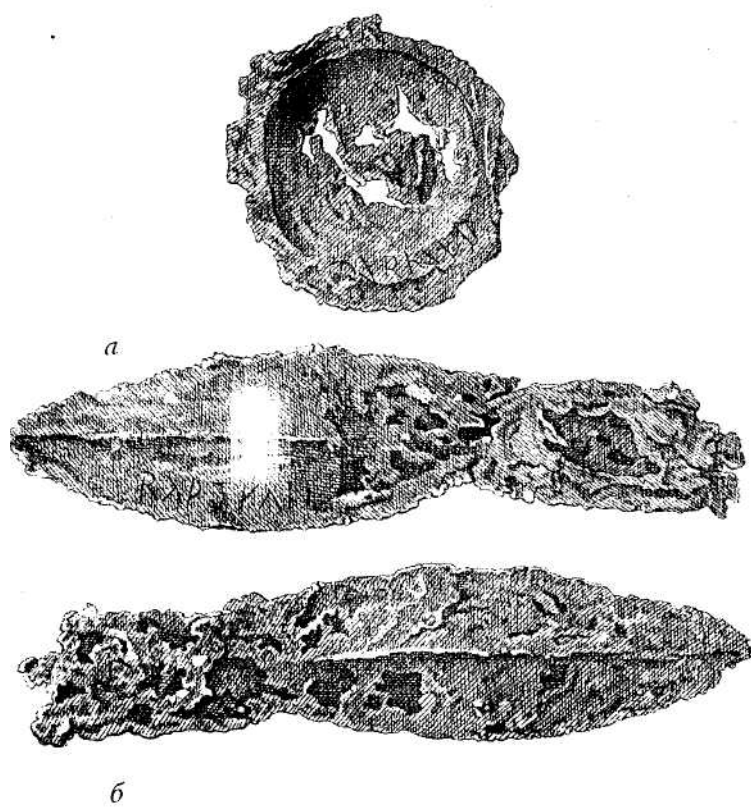

Рис. 53

Рис. 54

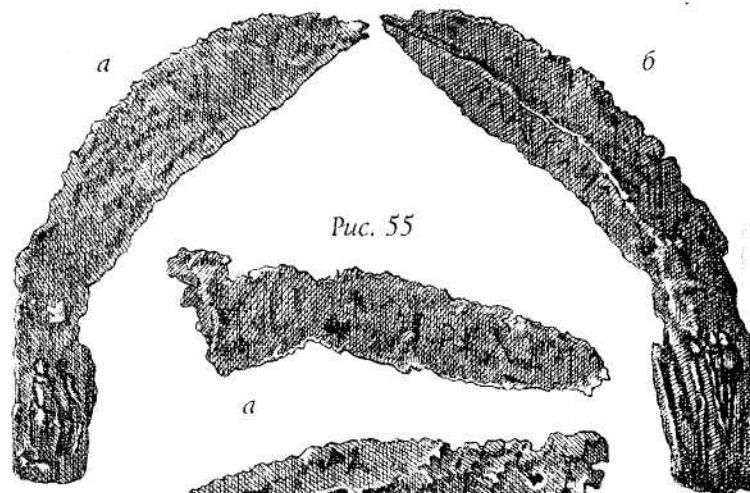

Рис. 55

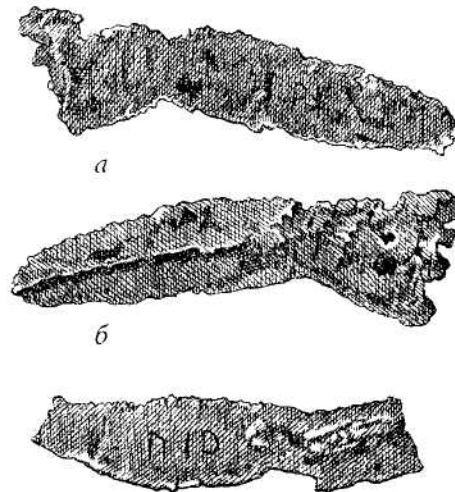

Рис. 56

Рис. 57

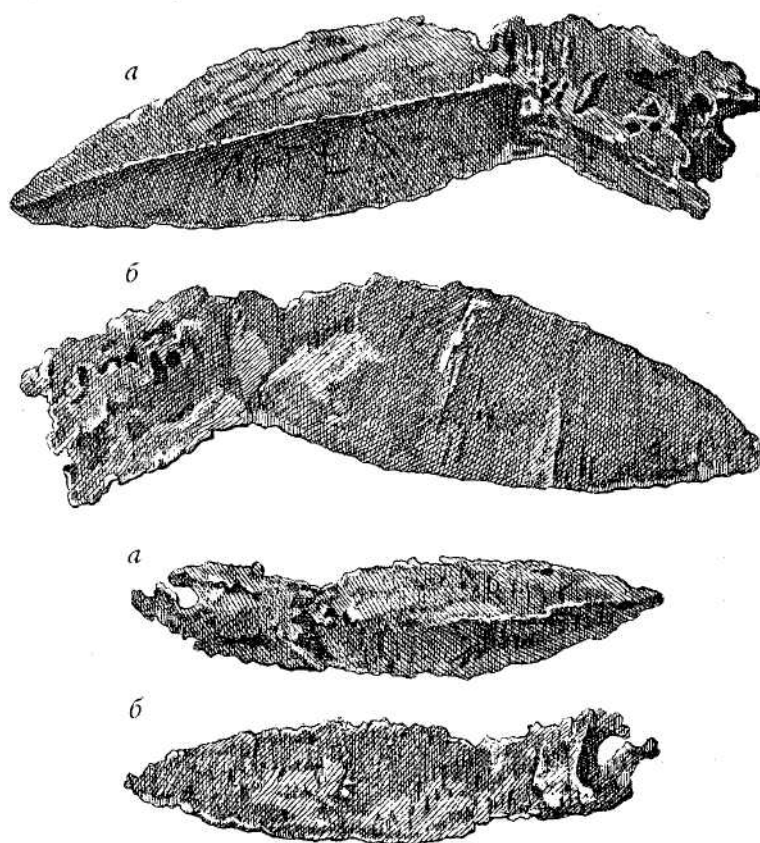

Рис. 58

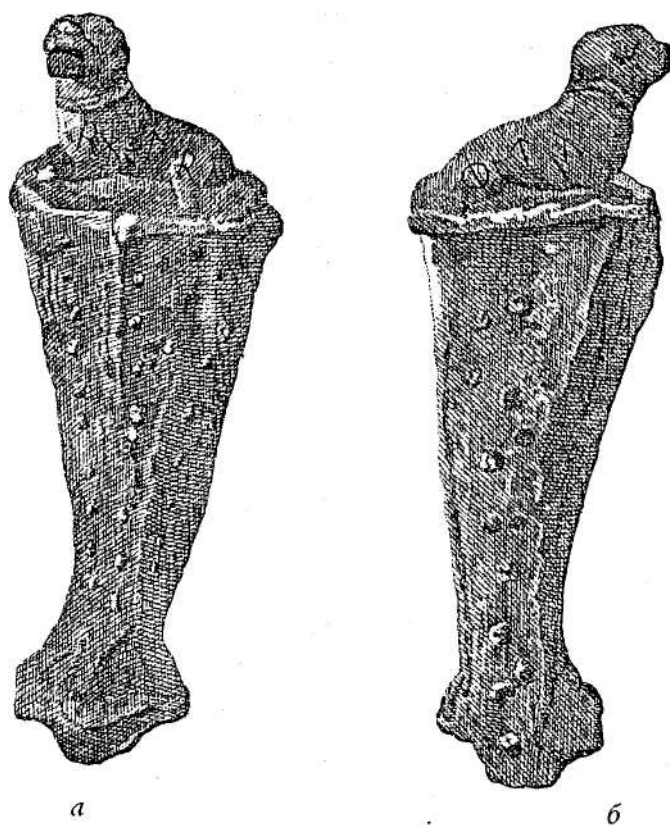

Рис. 64

a

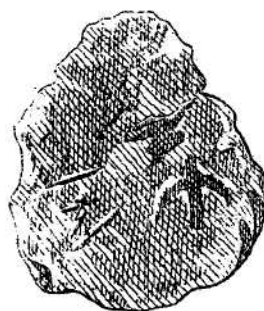
a

b

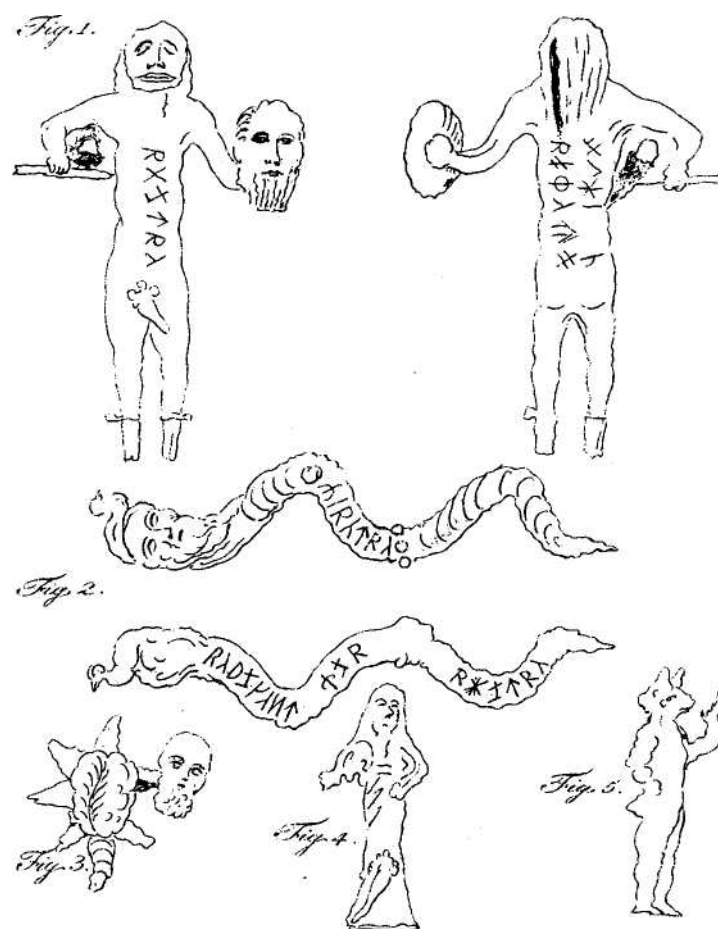
b

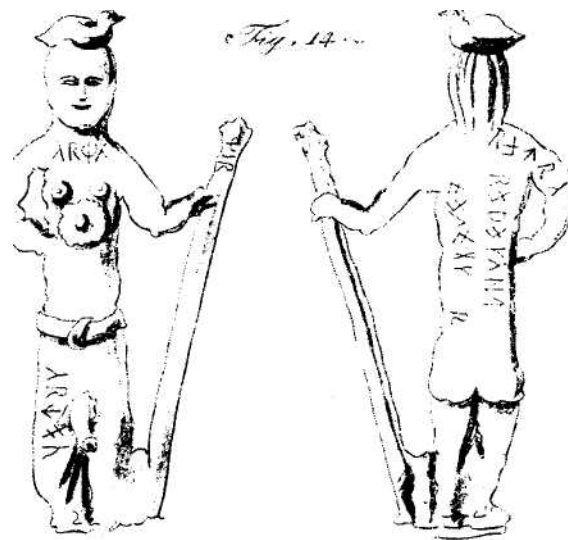

Puc. 65

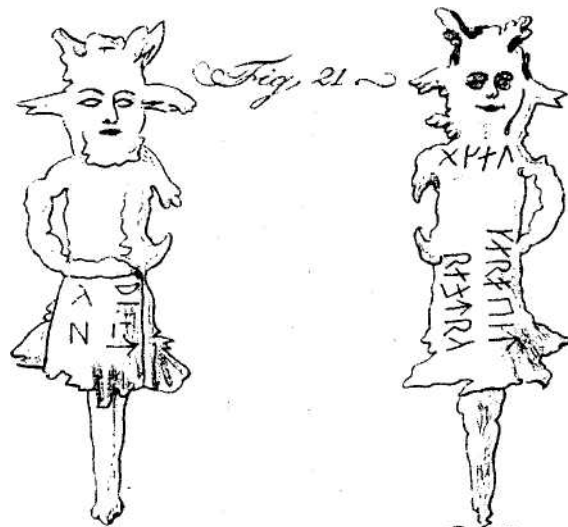
Puc. 66

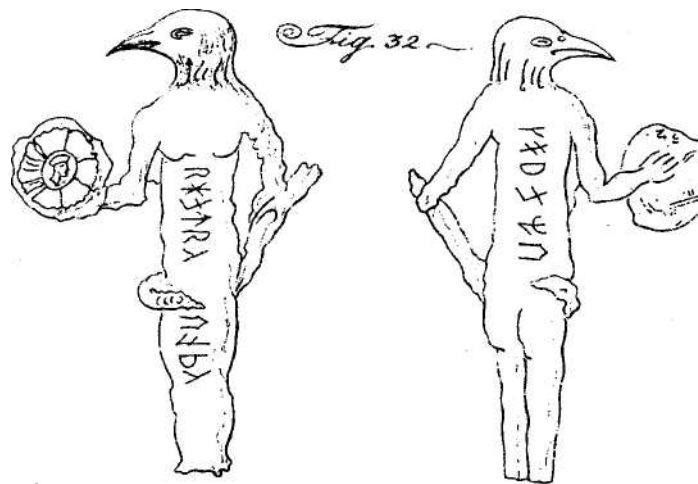
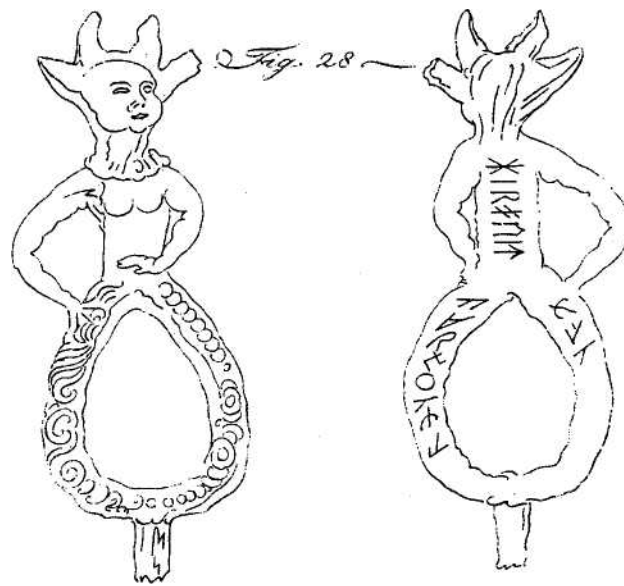
Приложение 2.
Предметы из второй части прильвицкой
коллекции (по книге Яна Потоцкого)

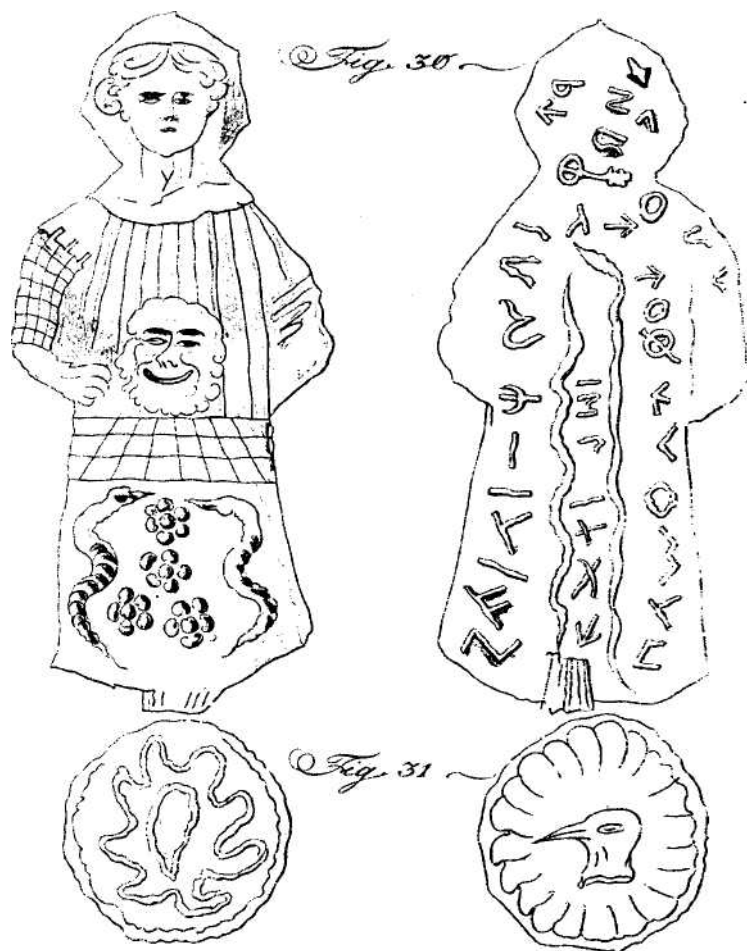

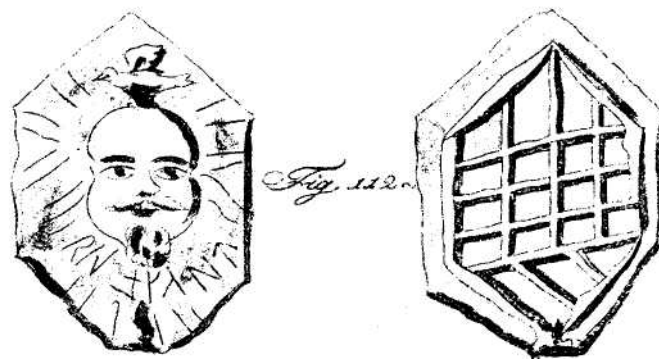
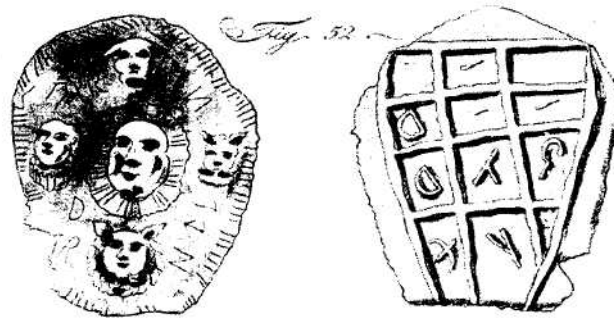
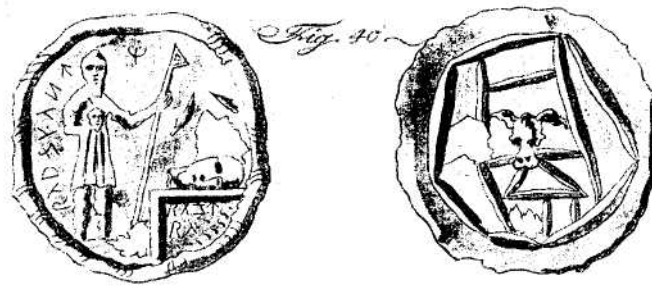

Приложение 3.
Н. Грицианский. О памятниках
идеографического письма крестьянок
Скопинского уезда Рязанской губернии¹

...Простая мысль о возможности изображения понятий при помощи несложных рисунков легко могла прийти в голову и современного малокультурного человека, не знакомого с общепринятой письменностью. Именно такой случай вполне самостоятельного возникновения идеографического письма мне и пришлось наблюдать зимою 1908 г. в одном из захолустных уголков Скопинского уезда Рязанской губернии. Здесь перед нашими глазами повторился интересный процесс возникновения человеческой письменности, процесс, который, как мне кажется, заслуживает серьезного внимания со стороны исследователей первобытной культуры. На самом деле случай подобного рода дает нам возможность, так сказать, осязательно наблюдать самые первые шаги человеческого ума в деле изобретения письменности.

Изобретение упомянутых мною идеограмм принадлежит крестьянке деревни Ерлинские Выселки Катерине Ефремовой, или Бодакиной, 49 лет от роду. Надо заметить, что грамотность в деревне Ерлинские Выселки развита очень слабо, и то лишь среди подрастающего поколения. Люди зрелого возраста почти поголовно безграмотные. Никаких следов употребления фигурного письма ранее здесь не замечалось, так что о каком-либо заимствовании или преемственности не может быть и речи. Не подлежит никакому

Известия общества археологии, истории и этнографии. Т. 26. Вып. 4. 1910. С. 378-392.

сомнению, что идеограммы были изобретены именно Катериной Ефремовой, и притом без всякого постороннего влияния. Мне кажется, что для уяснения процесса данного изобретения и для правильного понимания характера самих идеограмм нелишне привести здесь автобиографию этой крестьянки, записанную с ее слов моим отцом, священником села Ерлина. «Росла я в Рождествине, — рассказывает Катерина. — Мать моя прохворала 7 лет (на ней была чахотка, и была она покрикуша). Умерла мать, отец женился на другой. Мачеха меня не обижала и не ласкала. На 19-м году меня просватали. Поехала я с отцом в город за приданым. Подходит там ко мне старичок в солдатской одежде и говорит: "Ты, девушка, просватана?" — "Просватана". — "Один год ты будешь счастлива, а остальная жизнь твоя будет горькая; запомни мои слова", — и ушел. Есть люди, которые знают, что будет впереди.

Более года я прожила с мужем по-хорошему. Напала на меня свекровь, стала обвинять в колдовстве. Об этом она постоянно твердила моему мужу и всем домашним. "Смотри, говорит она однажды при мне моему мужу, твоя жена выпустила из-под задника трех кур и двух петухов". "Я не вижу ни кур, ни петухов", — сказал муж. "Ты не видишь, а я вижу", — ответила мать. Приходит деверь со двора и говорит моей свекрови, что на дворе неладно: "Вот какое уж утро я замечаю, что кобыла в поту, словно кто на ней ездит ночью". "У нас есть кому ездить", — сказала свекровь и взглянула на меня. А около меня стоял телок, привязанный к лавке. Этот телок ни с того, ни с сего как заревет дурным голосом, прыгнул на лавку и стоит. После этого случая домашние стали верить, что я колдунья. Заболела однажды невестка и кричит ночью: "Тяжко мне, тошно мне". Свекровь подняла меня с постели, вытолкнула вон из избы на мороз, и невестке полегчало.

Со свекром и свекровью мы прожили 10 лет. При них муж не пил. Умерли старики, муж разделился с братом, все прогулял, ушел на сторону, а меня с ребятами оставил без хлеба и топки. Я стала кормиться сумой. Но это еще не горе. Горе было впереди. Был у меня сын Алеша. Соседка позвала его картофель выбирать из ямы — пошел. Соседка отошла из ямы в избу, а Алешу тем временем задавило в яме землей. Много я о нем плакала и молилась, и хотелось мне знать, каково ему на том свете. Однажды днем я долго молилась и просила Матерь Божию, чтобы она дала увидеть мне Алешу и сказать с ним два слова. Молилась я и разговаривала с Царицей Небесной как с живой, и показалось мне, что Она сейчас же исполнит мою просьбу. Легла я на задник, оперлась на локоть, положила голову на ладонь и закрыла глаза. Въяве ли или во сне — не знаю, только вижу: входит Алеша мой. Я обрадовалась, обняла его и стала спрашивать. Алеша сказал, что жить ему хорошо, что он там учится. Я покормила его грудью (Алеша умер 9-ти лет). Тут Алеша пропал. Я открыла глаза — никого нет. Но, повидавшись с Алешей, я так обрадовалась, что принялась смеяться. С этих пор я стала меньше горевать о смерти Алеши и стала верить, что Господь слышит мою молитву.

Ходила я побираться по чужим деревням, часто запаздывала и боялась. Сказали мне добрые люди, что, кто знает читать псалом "Живьго в помощи", тот во всякое время может ходить и ничего не бояться. Стала я искать человека, какой знает этот псалом. Указали на старика Зота — оказалось, он знает, да не весь. Сказали про Алешу Гришина. Тот мне прочел весь. Запомнить я не могла, записать не умела. Вот и стала я придумывать, как бы мне записать псалом и заучить. И придумала такие значки, какими пишу сейчас» (...)

Обращаемся к рассмотрению образцов ее письменности.

Табл. 1

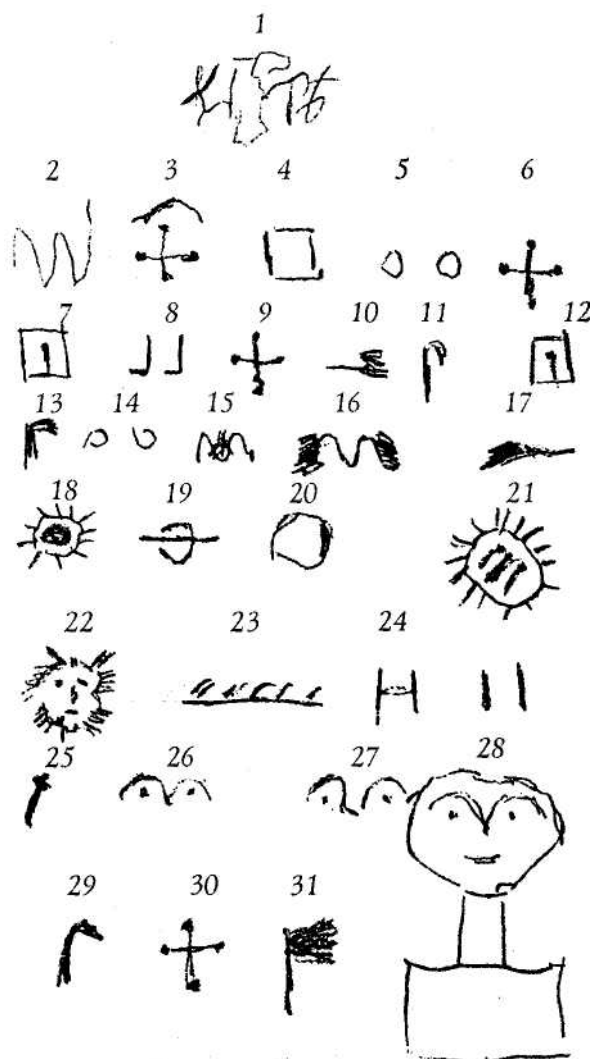
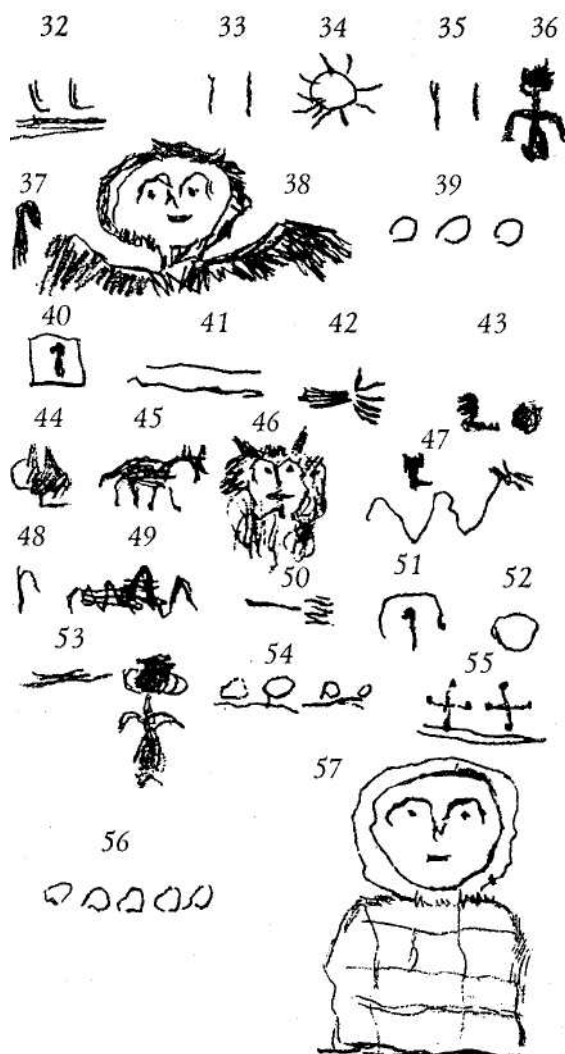

Табл. 2

Псалом 90-й «Живый в помощи Вышняго» она изобразила в таком виде: (см. табл. 1 —2)

Значение отдельных фигур следующее:

- 1 — измятая солома является заглавным знаком для обозначения понятия «псалом». В данном случае К. руководствовалась звуковым соответствием между терминами «псалом» и «солома».
- 2 — состоит из двух крючков и вертикальной линии. Это условный знак для обозначения первых трех слов молитвы «Живый в помощи Вышняго». Начало псалма К. твердо знала наизусть, почему и не сочла нужным записать его особыми идеограммами, ограничившись двумя ничего не значащими начертаниями с изображением идущей вверх линии («Вышнего»).
- 3 — крыша с крестом внизу означает «в крови Бога Небесного».
- 4 — забор для двора означает «водворится».
- 5 — два кружка означают ряд слов, образующих речь («речет»).
- 6 — крест — символ «Господеви».
- 7 — человек, огражденный со всех сторон забором, означает «Защитник мой еси».
- 8 — две ноги означают «прибежище мое».
- 9 — крест означает «Бог мой».
- 10 — изображает что-либо развевающееся по ветру, например паклю, повешенную на палку, тряпку и т.п. Рисунок напоминает ветер, который поднимает легкие предметы и заставляет их опять падать на землю. Это знак для термина «уповать», смысл которого К. совершенно не понимает и почему-то производит его от слова «падать».
- 11 — условный знак для обозначения термина «яко».
- 12 — представляющая из себя точное повторение фигуры № 7, означает «избавить меня».
- 13 — секира или топор означает «сети», произносимое К. как «секъ» (от слова «сечь», «рубить»).
- 14 — повторение № 5 и означает «словесе».
- 15 — плечи означает «плещма».

- 16 — крылья означает «под криле».
- 17 — ружье означает «оружием».
- 18 — фантастическое изображение «ночного страха».
- 19 — лук и стрела означают «от стрелы летящая».
- 20 — солнечный диск — означает «во дни».
- 21 — аналогична с № 18, означает «вещи, во тьме преходящий».
- 22- бес.
- 23 — несколько наклоненных к земле предметов означают «на-
деть от страны твоя тысяща».
- 24 — состоит из двух частей и означает «к Тебе же не приблизит
ся». В первой части изображены две линии — два
предмета, стремящиеся приблизиться друг к другу, на что
указывает горизонтальная черта посередине. Во второй
части изображены те же две линии, но уже без
горизонтальной черты. Отсутствие последней указывает на
то, что усилия двух предметов приблизиться друг к другу
успехом не увенчались.
- 25 — дубина означает «обаче». Термин «обаче» К. производит
от местного провинциализма «обачить» или «убачить», т. е.
ударить дубиной.
- 26 — глаза или очи означают «очима».
- 27 — то же самое означает «узриши».
- 28 — изображение человека означает «грешников».
- 29 — повторение № 11 означает «яко».
- 30 — повторение № 6 и № 9 означает «Господи».
- 31 — несколько измененное повторение № 10 означает «упова-
ние мое».
- 32 — повторение № 8 означает «прибежище».
- 33 — упрощение № 24 означает «не приидет».
- 34 — зияющее отверстие раны с текущей из нее кровью
означает «рана».
- 35 — повторение № 33 означает «не приблизится».
- 36 — «телеси твоему».
- 37 — «яко».
- 38 — «ангелом».
- 39 — повторение № 5 означает «заповесть».

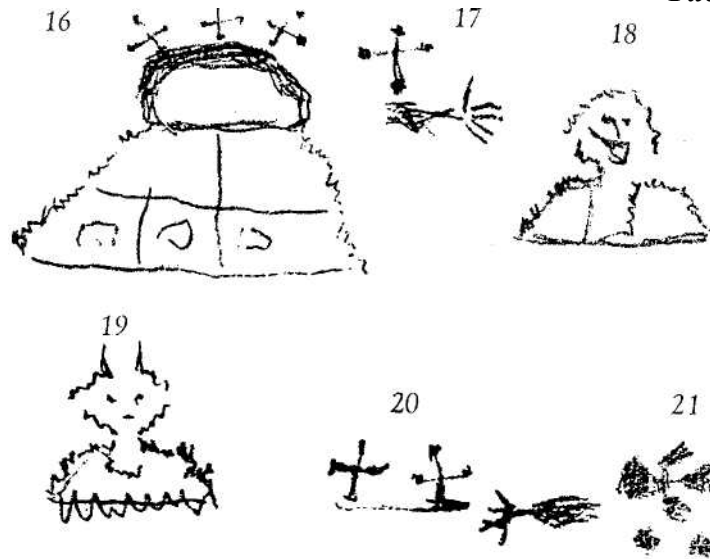
- 40 — повторение № 3 и 12 означает «сохранить тя».
- 41 — две дороги означают «на всех путях твоих».
- 42 — «на руках».
- 43 — «да не когда преткнешь о камень ногу твою».
- 44 — «на аспиде». Аспид почему-то изображен в воде кувшина.
- 45 — фантастическое изображение «василиска».
- 46 — «лев».
- 47 — «и попереши змия».
- 48 — «яко»
- 49 — изображает *намятую* коноплю и означает «на мя». Не понимая значения слов «на мя», К. связала его с родственным по звуковому составу словом «намять».
- 50 — повторение № 10 — означает «упова».
- 51 — человек под крышей означает «покрыю и».
- 52 — то же изображение слова или имени, которое мы находим в № 5, но в увеличенном объеме, так как это имя «Мое», т. е. Божие.
- 53 — человек, к уху которого направлено слово, значит «воззовет ко мне».
- 54 — ряд кружков, соединенных линией внизу, означает совокупность несчастья, «скорби».
- 55 — два креста, соединенных линией внизу, означают «прославлю его».
- 56 — ряды солнечных кругов означают «долготу дней».
- 57 — человек, окруженный ореолом святости, означает «явлю ему спасение Мое».

Данный псалом К. записала без посторонней диктовки, по собственной памяти. Она изобразила его так, как ранее заучила. Этим и объясняется искажение отдельных мест, пропуски терминов и целых выражений. Я попросил ее записать несколько неизвестных ей молитв экспромтом, под мою диктовку. В качестве примера такой записки приведу изображение псалма «На реках Вавилонских» (См. табл. 3—4).

Табл. 3

Табл. 4

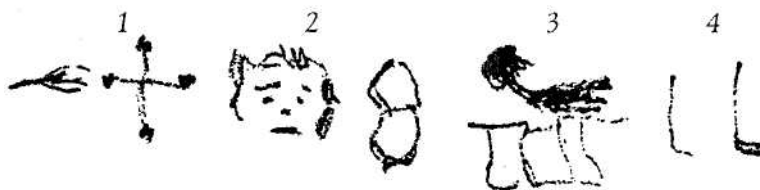

- 1 — повторение № 1 вышеприведенной молитвы и опять означает слово «псалом».
- 2 — две струи текущей воды означают «на реках».
- 3 — косматый черный человек — «нехристь», т. е. вавилонянин, означает «вавилонских».
- 4 — человек плачущий означает «тамо седоном и плахом».
- 5 — изображает башню рядом с горой. Это символ Сиона. Среди этого Сиона растет дерево, на котором повешен музыкальный инструмент. Все вместе должно обозначать: «вне-гда помянута намъ Сиона. На вербиих иосреде его обесихом органы наша».
- 6 — условный знак, обозначающий термин «яко».
- 7 — три кружка — слова, а под ними широкая полоса — символ земли — означают «тамо вопросиша ны».
- 9 — изображает двух черных людей — вавилонян, а № 8 поясняет, что это те самые вавилоняне, которые посадили нескольких человек в темницу. Все вместе означает «плъншии пас».

- 10 — две дороги и человек в конце их означают «и ведущий нас».
- 11 — ряд соединенных вместе кружков — слов — означает «от пеней».
- 12 — некоторое видоизменение предыдущей фигуры — означает
«воспойте».
- 13 — вавилонянин, который требует петь песни, означает «нам».
- 14 — кружки — слова, помещенные в середине той Сионской горы, которая изображена в № 5, означает «от песней Сион-ских».
- 15 — изображает два кружка ■ — символы двух песен. Стоящие под ними кресты указывают, что это песни Господни. Внизу изображена земля. Все вместе должно обозначать «Какое воспоем песнь Господню на земли чуждой».
- 16 — причудливое изображение Иерусалима.
- 17 — изображает руку с крестом вверх — символом забвения. Обе фигуры означают: «Аще забуду Тебе, Иерусалиме, заб-вена буди десница моя».
- 18 — «прильши язык мой к гортани моему».
- 19 — изображает человека с бусами на шее, т.е. женщину. Река внизу указывает, что это женщина с Вавилонской реки, а рога на голове служат признаком того, что она — окаянная. Все это означает «дщи вавилоня окаянная».
- 20 — два соединенных креста, указывающих на блаженство, и протянутая рука означают «блажен иже имет».
- 21 — человек, падающий на камни, означает «и разобьет младен-
цы твои о камень».

Две вышеприведенные молитвы записаны Ефремовой в декабре 1908 г. Следующие образцы, доставленные мне моим братом, студентом С.-Петербургского университета СП. Грацианским, написаны в феврале текущего, 1910 года. Как видим из таблиц, эволюция письма сказалась в том, что рисунки стали получать более тщательную отделку.

Из других записей я приведу только некоторые наиболее характерные отрывки. Начало молитвы «К Тебе, Владыко, Человеколюбие» изображено таким образом:

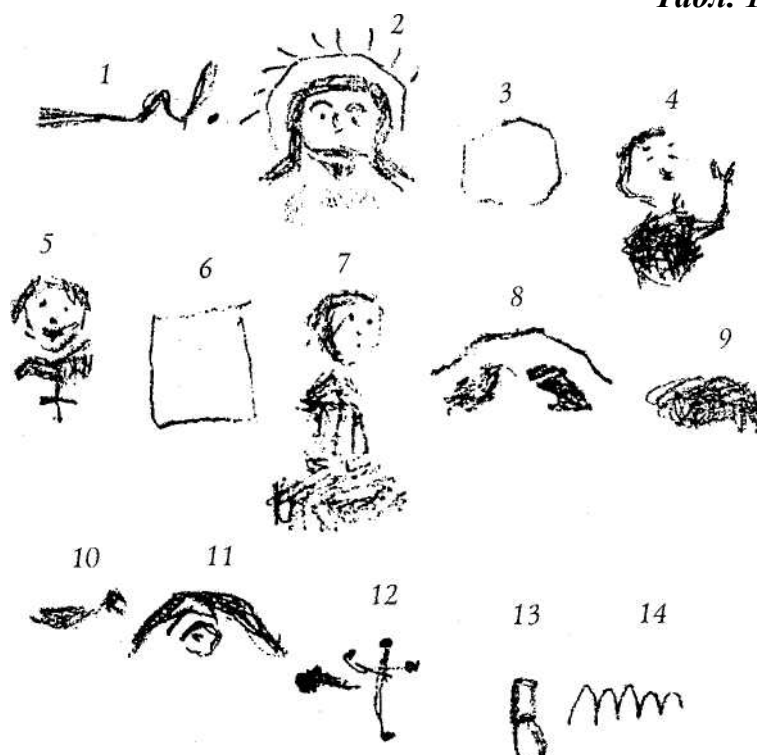

- 1 — черта, направленная к кресту, означает «К Тебе, Владыко».
- 2 — состоит из двух частей ■ — изображения человеческого лица и изображения калача или кренделя. Означает «человеколюбче». Для выражения отвлеченного понятия «любче» нарисован калач, как самое любимое кушанье Катерины.
- 3 — встающий с постели человек означает «от сна восстав».
- 4 — две ноги означают «прибегаю».

Изображение отрывка евангельского текста о крещении Христа такое:

- 1 — изображает протяжение времени и означает «Во время оно».
- 2 — «Иисус».
- 3 — изображает зарю и означает «на заре» (вместо Назарета).
- 4 — «крестися».
- 5 — «от Иоанна».
- 6 — «во Иордане».
- 7 — «восходя от воды».
- 8 — «разводящаяся небеса».
- 9 — «Дух»
- 10 — «яко голубь».

Табл. 1

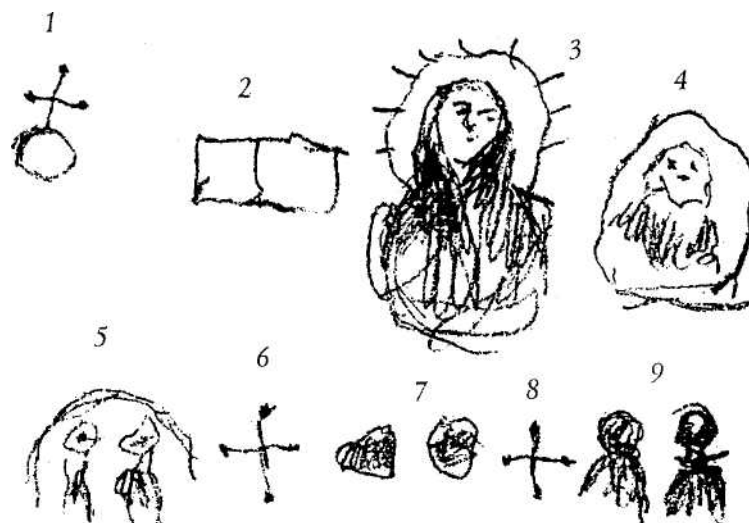
11— «глаз (глас) с небесе».

12 — ребенок и крест означают «Сын мой».

13 — калач означает «возлюбленный».

14 — намятая конопля — означает «на мя» (вместо «о нем же»).

В молитве «Милосердия двери отверзи нам» отвлеченное понятие «Милосердие» обозначено (п. 1) изображением хлеба, увенчанного крестом (хлеб, подаваемый в качестве милостыни).

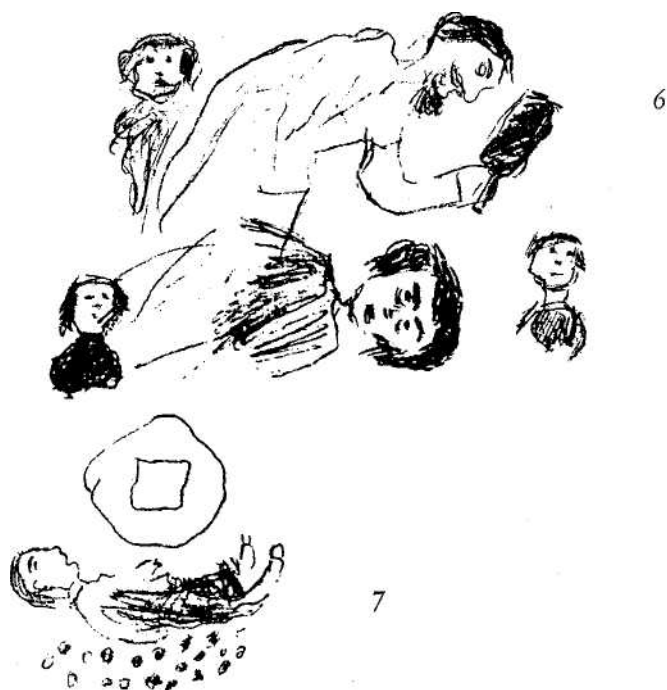

- 2 — означает «двери отверзи нам».
- 3 — «благословенная Богородице».
- 4 — «надеющиеся на тя да не погибнем».
- 5 — «но да избавимся».
- 6 — «Тобою».
- 7 — «от бед».
- 8 — «Ты бо еси спасет».
- 9 — «рода христианского».
- (...)

(Автобиография)

- 1 — Катерина осталась сиротой.
2 — она вышла замуж.
3 — муж бросил Катерину и гуляет с чужой бабой.
4 — Катерина возвращается домой с собранной милостыней.
5 — она сидит пригорюнившись за столом с голодными детьми,
а муж лежит на полу пьяный.

- 6 — пьяный муж бьет Катерину, а дети в испуге разбегаются.
 7 — Алешу задавило землей в картофельной яме.
 8 — Катерина молится Богу.
 9 — Она лежит на заднике.
 10 — То разговор с выходцем с того света — Алешей.

(...) Крестьянка Ефремова изобрела свои знаки три года тому назад. Мужское население ее родной деревни отнеслось к этому изобретению в высшей степени пренебрежительно; женское, напротив, им очень заинтересовалось. Дочь Ефремовой — двенадцатилетняя девочка — с успехом усваивает письмо своей матери. Находятся и другие подражательни-

цы. Можно надеяться, что идеографическое письмо найдет себе здесь довольно широкое распространение и не так скоро исчезнет под влиянием развития грамотности. С течением времени письмо это, конечно, будет претерпевать разного рода изменения. Мне кажется, что было бы небезынтересно внимательно проследить характер этих изменений в будущем.

Содержание

Предисловие от редакции	8
Введение.....	11

Часть 1

Материальный и духовный контекст возможного существования славянских рун (некоторые аспекты)

Глава 1.1. Западноевропейская руническая письменность	15
Глава 1.2. Сакральная каменная скульптура у славян	48
Глава 1.3. Существовала ли у славян письменность до принятия христианства?	64

Часть 2 Славянские рунические памятники

Глава 2.1. Западославянский рунический строй («вендские руны»)	-101
Глава 2.2. Территория современной Германии	115
Прильвицкие коллекции А. Маша и Я. Потоцкого.....	115
Камни из Ной-Штрелица.....	143
Глава 2.3. Польша	157
Брактеат из Вапно	157
Фигурка из Ледниц	157

Краковская медаль.....,,	160
Фиппжа Жлдоковича.....	164
Микоржинские камни	165
Глава 2.4. Чехия и Словакия	193
Камни из Скальска	193
Драгельчицкая урна.....	196
Бодинский камень~	198
Велестурская надпись, ...	199
Словацкие наскальные надписи	200
Глава 2.5. Россия, Украина, Белоруссия	201
Камень из Пневищ	202
Алекановские надписи.....	206
Надписи из Масковичей	210
Другие надписи, выполненные с помощью руноподобных знаков	212
Глава 2.6. Болгария.....	219

Часть 3

Некоторые замечания с точки зрения этнографии

Глава 3.1. Употребление рисуночного письма	
Ут)усских	225
Глава 3.2. Личные знаки — «знамена».....	245
Глава 3.3. Локальные цифровые системы	264
Выводы, ...	275
Заключение	278
Conclusion.....	282

Приложения

Приложение 1. Первая часть прильвицкой коллекции (по книге Андреаса Маша)	287
Приложение 2. Предметы из второй части прильвицкой коллекции (по книге Яна Потоцкого)	356
Приложение 3. Н. Грицианский. О памятниках идеографического письма крестьянок Скопинского уезда Рязанской губернии	363